Ч 1/281

М. Колчинъ.

Ссыльные и заточенные въ острогъ Соловецкаго монастыря

въ XVI—XIX вв.

Историческій очеркъ.

съ предисловіемъ
А. С. Пругавина.

Изданіе
„ПОСРЕДНИКА". № 667.

Изданія „ПОСРЕДНИКА“.

А. С. Пругавинъ.

Религіозные отщепенцы.

Очерки современнаго сектантства.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, БЕЗЪ ПЕРЕМѢНЪ.

Два выпуска. Цѣна каждаго выпуска 75 коп.

Выпускъ I. Десятая тысяча. 1. *Сютаевцы.* На пути къ сектантамъ. О чемъ говорятъ въ деревнѣ. У батюшки. Первое знакомство. Сютаевское евангеліе. Проповѣдники любви, мира и братства. Деревня. Шевелино. Въ семьѣ Сютаева. Теорія о добрыхъ и злыхъ властяхъ. Исканія правильной вѣры. «Пропаганта».—2. *Апостолъ Зосима.* Разсказъ слѣдователя. «Законъ Христовъ». Что его ждетъ?—3. *Еретики.* Въ монастырѣ. Соловецкая тюрьма. Больной или преступникъ? Эпилогъ.

Выпускъ II. Отъ автора.—1. *Немоляки.* Казаки-раціоналисты. Ученіе «О Христовѣ совершенствѣ». Уставныя грамоты и секта немоляковъ. Упорщики. Немоляки въ Оснискомъ уѣздѣ. Сибирскіе немоляки.—2. *Медальщики.*—3. *„Вредныя секты“.* Бѣгуны. Неплательщики. Лучниковцы.—4. *Новая секта.*—5. *Штунда среди великороссовъ.*—Иконоборцы. Ученіе и жизнь. «Пашковскія брошюры» и духовные стихи. Судъ.—6. *Бѣлоризцы.* Первая встрѣча. Донскіе и владимірскіе бѣлоризцы. «Опрощеніе». Основатель ученія симбирскихъ бѣлоризцевъ. Послѣдователи Писцова. Мое знакомство съ Писцовымъ. Любимыя темы. «Крѣпкіе» и «слабые» люди. Отчего разбился нашъ корабль?—7. *Интеллигентная секта.* Артиллерійскій капитанъ—основатель секты. «Лѣсное братство».

П. Бирюковъ.

Духоборцы.

Сборникъ статей, воспоминаній, писемъ и другихъ документовъ. Съ приложеніемъ избранныхъ духоборческихъ псалмовъ. Съ рисунками и портретами. Ц. 1 руб.

Оглавленіе: 1. Нѣкоторыя черты объ обществѣ духоборцевъ. 2. Духоборцы на Кавказѣ. 3. Духоборцы въ ссылкѣ. 4. Переселеніе. 5. Въ Канадѣ. 6. Столкновеніе съ канадскимъ правительствомъ. 7. Возвращеніе П. В. Веригина изъ ссылки.

СУЛЕРЖИЦКІЙ. Въ Америку съ духоборами. Иллюстрировано фотографіями съ натуры. Ц. 1 р. 30 к. Содержаніе: Вступленіе. Въ Батумѣ. Въ морѣ. Океанъ. Первые дни въ Канадѣ. Въ преріи. Островъ Кипръ. Земля духоборовъ. На участкахъ. Въ городкѣ. «Съѣздка» на Южномъ и Сѣверномъ участкахъ. Нѣсколько словъ объ Южной колоніи. Жизнь на Сѣверномъ участкѣ. «На линіи». Конецъ перваго года.

Духоборы въ началѣ XIX столѣтія. Ц. 5 к.

Что такое сектанты и чего они хотятъ? Сборникъ, составленный П. Наживинымъ. Вып. I. Ц. 25 к. Содержаніе: Предисловіе П. Наживина. «Не нашъ»... (Изъ воспоминаній врача о карійской каторгѣ.) В. Кокосова. «Самъ по себѣ». Проф. А. К. Бороздина. Малеванцы. Исторія одной русской секты. П. Бирюкова. Исповѣдь русскаго сектанта.

МАЛЕВАННЫЙ, КОНДРАТЪ, основатель секты малеванцевъ. **Привѣтствіе русскому народу.** Съ предисловіемъ И. М. Трегубова. Ц. 5 к.

БИРЮКОВЪ, П. Малеванцы. Очеркъ. Ц. 10 к.

КОКОСОВЪ, В. Не нашъ. Изъ воспоминаній о карійской каторгѣ. Ц. 5 к.

Исповѣдь сектанта. Съ предисловіемъ П. Трегубова. Ц. 5 к.

ГУСЕВЪ, Н. Народный украинскій мудрецъ Григорій Саввичъ Сковорода. Ц. 6 к.

ОЛЬХОВСКІЙ, В. Назарены въ Венгріи и Сербіи. Ц. 30 к.

М. Колчинъ.

Ссыльные и заточенные въ острогъ Соловецкаго монастыря

въ XVI—XIX вв.

Историческій очеркъ.

съ предисловіемъ

А. С. Пругавина.

Изданіе „ПОСРЕДНИКА". № 667.

РУБЛИЧ. и РУМЯНЦОВ. МУЗЕЙ БИБЛІОТЕКА

2007080018

МОСКВА—1908.

Типо-лит. „РУССКАГО ТОВАРИЩЕСТВА печатн. и издательскаго дѣла".

Чистые пруды, Мыльниковъ пер., соб. домъ.

Телефоны: 18.35 и 58.95.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Авторъ этой книжки, полной глубокаго, захватывающаго интереса, Михаилъ Андреевичъ Колчинъ не дождался выхода ея въ свѣтъ: онъ умеръ въ августѣ мѣсяцѣ 1906 года, почти въ самый разгаръ русскаго освободительнаго движенія.

Его преждевременная смерть, сколько мнѣ извѣстно, не была отмѣчена печатью, за исключеніемъ лишь мѣстной газеты *), напечатавшей его некрологъ. Поэтому, исполняя желаніе съ одной стороны редакціи „Посредника", а съ другой—семьи покойнаго, я съ удовольствіемъ согласился дать краткую характеристику личности М. А. Колчина,—съ которымъ меня соединяло многолѣтнее дружеское знакомство,—и высказать свой взглядъ на значеніе его замѣчательнаго труда.

Уроженецъ Архангельской губерніи, М. А. Колчинъ былъ сыномъ бѣднаго сельскаго священника Холмогорскаго уѣзда и первоначальное воспитаніе получилъ въ архангельской духовной семинаріи.

Это какъ разъ совпало съ первой половиной семидесятыхъ годовъ, когда извѣстное народническое движеніе, полное идеалистическихъ по-

*) „Сѣверный Листокъ", 1906 г., № 206.

рывовъ и альтруизма, широкой волной охватило русскую молодежь.

Отголоски этихъ настроеній проникали и за глухія стѣны духовныхъ семинарій, увлекая за собой тѣхъ изъ воспитанниковъ, мысль которыхъ была разбужена печальными явленіями современной дѣйствительности. Семинаристы съ жаромъ зачитывались произведеніями тѣхъ именно авторовъ, къ которымъ ихъ начальство всегда относилось, какъ къ самымъ вреднымъ и опаснымъ и за чтеніе которыхъ воспитанники подвергались суровымъ преслѣдованіямъ.

М. А. Колчинъ, которому съ ранняго дѣтства пришлось близко ознакомиться съ тяжелыми условіями жизни народа, главнымъ образомъ крестьянской массы, горячо увлекался освободительными идеями передовой части русской литературы. Вмѣстѣ со своими товарищами онъ началъ издавать рукописный журналъ въ духѣ тѣхъ началъ и принциповъ, которые только-что были усвоены имъ, благодаря чтенію сочиненій Бѣлинскаго, Добролюбова, Чернышевскаго, Некрасова.

Состоявшее изъ монаховъ, семинарское начальство было крайне смущено и обезпокоено разными проявленіями либеральнаго духа среди воспитанниковъ. Съ цѣлью выяснить, откуда и какъ проникаетъ „зараза“, оно предприняло внезапный, повальный обыскъ всей семинаріи. Трофеями этого обыска была отобранная отъ

воспитанниковъ старшихъ классовъ цѣлая масса книгъ наиболѣе изъ „опасныхъ“ и запретныхъ авторовъ, а также нѣсколько номеровъ рукописнаго журнала, въ которомъ семинарскому начальству „воздавалось по заслугамъ“.

Это довольно обычное для русскихъ учебныхъ заведеній происшествіе имѣло однако роковыя послѣдствія какъ для М. А. Колчина, такъ и для другихъ членовъ редакціи семинарскаго журнала: снабженные „волчьими“ аттестатами, всѣ они были немедленно же исключены изъ семинаріи и выброшены на улицу. Такимъ образомъ жизнь М. А. была испорчена, прежде чѣмъ онъ началъ жить... Колчинъ поселяется у своего отца, служившаго, какъ мы уже замѣтили, священникомъ въ одномъ изъ селеній Холмогорскаго уѣзда.

Живя здѣсь, М. А. знакомится, а затѣмъ сходится довольно близко съ политическими ссыльными, жившими въ г. Холмогорахъ. Послѣдніе, по словамъ некролога, заинтересовались „даровитымъ юношей, столь рано пострадавшимъ за свою любознательность“. Они приняли въ немъ горячее участіе. По ихъ совѣту, онъ отправляется для довершенія своего образованія въ Петербургъ, гдѣ, при ихъ же содѣйствіи, ему удается найти занятія въ редакціи „Отечественныхъ записокъ“. Получивъ возможность существовать литературнымъ заработкомъ, М. А. поступаетъ вольнослушателемъ въ медико-хирургическую академію.

Благодаря занятіямъ въ редакціи „Отечественныхъ записокъ“, у М. А. Колчина завязывается знакомство съ сотрудниками этого журнала, какъ, напримѣръ, съ Н. К. Михайловскимъ, А. М. Скабичевскимъ и друг., а также съ нѣкоторыми общественными дѣятелями того времени. Такъ, ему приходилось нерѣдко бывать на вечерахъ извѣстнаго въ то время присяжнаго повѣреннаго и поэта, радикала-народника А. А. Ольхина, у котораго собирались молодые литераторы и другіе представители передовой петербургской интеллигенціи.

Но вращаясь въ кружкахъ радикальной молодежи, Колчинъ тѣмъ самымъ навлекъ на себя подозрѣнія полиціи и всемогущаго тогда III-го отдѣленія. И вотъ обычная въ духѣ того времени развязка не заставила себя ждать: въ 1876 году М. А. Колчинъ былъ совершенно неожиданно арестованъ, а вслѣдъ за тѣмъ столь же неожиданно сосланъ „на мѣсто родины“, въ Архангельскую губернію.

Попавши въ качествѣ политическаго ссыльнаго на крайній, хотя и родной сѣверъ, М. А. Колчинъ очутился въ критическомъ положеніи. Предъ нимъ вставали грозные вопросы: что дѣлать? чѣмъ жить?—и неотступно требовали немедленнаго же разрѣшенія. Лишенный возможности сдѣлаться врачомъ, въ качествѣ котораго онъ думалъ работать на общественномъ поприщѣ, онъ

рѣшаетъ теперь, *пока*, временно сдѣлаться фельдшеромъ въ той надеждѣ, что, по освобожденіи изъ ссылки, ему вновь удастся поступить въ академію и окончить курсъ.

Его назначаютъ въ Соловки. Сначала это назначеніе испугало его, но такъ какъ выбора не было, то волей-неволей пришлось примириться съ этимъ назначеніемъ. Попавши въ Соловки, М. А. Колчинъ начинаетъ знакомиться съ своеобразной жизнью знаменитаго Соловецкаго монастыря, начинаетъ изучать его исторію.

При этомъ его вниманіе особенно поражаетъ одна сторона монастырской жизни, которая до тѣхъ поръ всегда оставалась въ тѣни, которой почти совсѣмъ не касалась наша печать, но о которой и въ обществѣ и въ народѣ постоянно шли глухіе, таинственные толки, распространялись безчисленные слухи, создавались цѣлыя легенды.

Еще изъ школьныхъ учебниковъ всѣ мы знаемъ то важное, можно сказать, огромное значеніе, которое имѣли наши монастыри въ древней Россіи. Съ одной стороны они играли крупную роль въ дѣлѣ колонизаціи страны, способствуя заселенію пустынныхъ лѣсныхъ пространствъ, особенно въ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ областяхъ.

Съ другой стороны монастыри являлись центрами духовной, религіозной и даже культурной

жизни того времени. Когда почти весь русскій народъ коснѣлъ въ глубокомъ невѣжествѣ и мракѣ, въ монастыряхъ отыскались наиболѣе грамотные, наиболѣе книжные люди, содѣйствовавшіе распространенію христіанскаго ученія, занимавшіеся составленіемъ, перепискою и распространеніемъ книгъ и рукописей.

Наконецъ, монастыри служили крѣпостями, оберегавшими мирное населеніе отъ набѣговъ внѣшнихъ враговъ, а также отъ насилій со стороны всякаго рода „лихихъ людей", особенно въ смутное время.

Въ этомъ безспорныя, историческія заслуги нашихъ монастырей. Однако этимъ не исчерпывается еще ихъ значеніе, ихъ роль въ древней и новой Россіи. Дѣло въ томъ, что съ очень давняго времени, а именно со временъ „великихъ князей всея Россіи" Ивана III-го и Василія Ивановича III-го многіе изъ нашихъ монастырей, особенно же находящіеся на сѣверѣ и востокѣ Россіи, начинаютъ служить мѣстомъ ссылки и заточенія людей, которые почему-нибудь оказывались неудобными для высшихъ представителей государственной власти.

Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ постепенно росла и усиливалась власть московскихъ царей, многіе монастыри, помимо своего прямого назначенія, начинаютъ играть роль государственныхъ тюремъ, куда ссылались и заточа-

лись всѣ наиболѣе важные преступники противъ церкви, противъ государства, противъ общественной нравственности.

Постепенно въ монастыряхъ появляются земляныя тюрьмы, „каменные мѣшки", остроги, тюрьмы, и, наконецъ, создаются цѣлыя крѣпости, съ солдатами, фельдфебелями и офицерами,—въ качествѣ начальниковъ караула,—для надзора за монастырскими „колодниками" и арестантами.

Число лицъ, ссылаемыхъ въ монастыри, все болѣе и болѣе возрастаетъ, а самый составъ этихъ лицъ становится все разнообразнѣе. Такъ, между прочимъ, сюда начали ссылаться разные „безумные", „сумасшедшіе" и „сумасбродные" люди, совершившіе то или иное преступленіе въ припадкѣ умопомѣшательства или нервнаго разстройства.

Наконецъ, въ монастыри начали заключаться, по просьбѣ родителей, непокорные, буйные, дерзкіе и „развратные" сыновья, противъ которыхъ оказывались безсильными домашнія мѣры исправленія. Здѣсь ихъ держали въ монастырскихъ кельяхъ или же въ казематахъ монастырскихъ тюремъ до тѣхъ поръ, пока они не смирялись, не раскаивались въ своихъ проступкахъ противъ родителей и не начинали просить о прощеніи.

Вотъ на эту-то сторону жизни нашихъ монастырей и обратилъ главнымъ образомъ свое вниманіе М. А. Колчинъ, и въ этомъ его крупная и

безспорная заслуга. До его труда всѣ ученыя изслѣдованія, посвященныя исторіи нашихъ монастырей и выясненію ихъ роли и значенія, совершенно не касались этой стороны, игнорировали ее и тщательно замалчивали.

Правда, даже въ учебникахъ исторіи нерѣдко сообщается, что такая-то царица была заточена въ монастырь или такой-то боярынъ или митрополитъ былъ сосланъ въ Соловки, но подобные факты сообщались какъ исключительные, отдѣльные случаи, безъ всякаго намека и указанія на то, что тутъ дѣйствовала цѣлая, опредѣленная система наказаній,—система, практиковавшаяся въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій и, къ нашему стыду, перешедшая въ XX вѣкъ.

Соловецкая тюрьма или „острогъ Соловецкаго монастыря", которому посвященъ трудъ М. А. Колчина, пересталъ существовать всего какіе-нибудь четыре года тому назадъ. А Суздальская монастырская крѣпость существуетъ еще до сихъ поръ, хотя съ 1905 года и стоитъ пустая. Наконецъ, ссылка въ монастыри и въ настоящее время является у насъ наиболѣе распространенной формой наказанія для лицъ духовнаго званія и сана.

Живя въ Соловкахъ, М. А. получилъ возможность работать въ монастырскомъ архивѣ, въ которомъ хранятся „секретныя дѣла" о лицахъ, сосланныхъ въ Соловецкій монастырь, и объ усиг-

кахъ, сидѣвшихъ въ Соловецкомъ острогѣ. Обыкновенно подобные архивы ревниво оберегаются монахами, которые не допускаютъ до нихъ никого изъ постороннихъ, не принадлежащихъ къ ихъ корпораціи. Но Колчинъ, прожившій въ Соловкахъ цѣлые три года, сумѣлъ обойти всѣ эти препятствія, чему — по словамъ некролога — не мало способствовали его личныя свойства: „общительность, открытый и прямой характеръ, а также успѣшное лѣченіе имъ монастырской братіи".

Пользуясь матеріалами, извлеченными изъ секретнаго монастырскаго архива, М. А. Колчинъ напечаталъ въ „Русской старинѣ" за 1887—1888 гг. двѣ статьи: „Флигель-адъютантъ Михаилъ Андреевичъ Шумскій въ Соловкахъ" и „Ссыльные и заточенные въ острогъ Соловецкаго монастыря въ XVI—XIX вв." Эти статьи въ дополненномъ и исправленномъ видѣ и составили книжку, которая предлагается вниманію читателей.

Быть-можетъ, скажутъ, что это только сырой матеріалъ. И съ этимъ, пожалуй, трудно будетъ не согласиться. Но весь вопросъ въ томъ, *какой* матеріалъ!.. Прежде всего необходимо признать, что этотъ матеріалъ проливаетъ новый, необыкновенно яркій свѣтъ на условія духовной, религіозной жизни русскаго народа въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ,—на отношенія къ различнымъ проявленіямъ и запросамъ этой жизни со сторо-

ны правящихъ сферъ, — гражданскихъ и особенно духовныхъ

Этотъ „сырой" матеріалъ даетъ полную возможность для самыхъ широкихъ и серьезныхъ обобщеній и выводовъ каждому, кто только привыкъ внимательно относиться къ фактамъ и явленіямъ исторической и современной жизни. Наконецъ, не забудьте, что это матеріалъ, который тщательно скрывали, всячески прятали и хоронили отъ посторонняго взгляда, но который, — благодаря покойному Колчину, — все-таки вынесенъ на свѣтъ Божій, на судъ людей...

Тотъ, кого интересуетъ эволюція русской религіозной мысли, развитіе нашего сектантства и раскола, разныя исканія правды и счастія, происходившія въ глубинѣ народныхъ массъ, кому дороги и близки принципы вѣротерпимости и свободы совѣсти, кто хочетъ ознакомиться съ исторіей борьбы, которую при старомъ режимѣ вели государство и господствующая церковь съ оппозиціонными движеніями, возникавшими какъ въ народѣ, такъ и въ обществѣ, -тотъ долженъ прочесть книжку М. А. Колчина.

И мы вполнѣ убѣждены въ томъ, что каждый, кого только занимаютъ вопросы русской культуры, развитія русской общественности, найдетъ въ этой книжкѣ много въ высшей степени цѣнныхъ, яркихъ и глубоко поучительныхъ фактовъ и данныхъ.

Въ заключеніе два слова о личной судьбѣ автора этой книжки. Завѣтной мечтѣ М. А. Колчина о новомъ поступленіи въ медико-хирургическую академію для окончанія курса—не суждено было осуществиться главнымъ образомъ потому, что администрація отнюдь не спѣшила съ освобожденіемъ его отъ надзора полиціи. Между тѣмъ годы уходили, явилась семья, выросла необходимость воспитывать дѣтей. Волей-неволей пришлось отказаться отъ мысли объ окончаніи высшаго образованія и, скрѣпя сердце, начать службу въ роли чиновника одной изъ губернскихъ канцелярій...

Тѣмъ не менѣе М. А. до самой своей смерти остался глубоко вѣренъ тѣмъ идеямъ и настроеніямъ, которыя были восприняты имъ въ ранней молодости. Живя въ Архангельскѣ, М. А. всей душой отдавался культурной, просвѣтительной работѣ, выражавшейся въ устройствѣ и веденіи народныхъ библіотекъ и читаленъ, въ организаціи публичныхъ чтеній для народа и т. д. Но объ этой сторонѣ его дѣятельности, хорошо извѣстной и памятной архангельцамъ, мы будемъ имѣть случай подробнѣе говорить въ другомъ мѣстѣ.

А. Пругавинъ.

Ссыльные и заточенные въ острогъ Соловецкаго монастыря.

Ссыльные и заточенные въ острогъ Соловецкаго монастыря

въ XVI—XIX вв.

Историческій очеркъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Болѣе трехъ вѣковъ Соловецкій монастырь служилъ мѣстомъ ссылки; много людей за это время перебывало въ немъ, въ его мрачныхъ казематахъ, а между ними людей глубокихъ убѣжденій, крѣпкой вѣры и страстной любви къ истинѣ, людей изъ ряда вонъ выдающихся и своими заблужденіями и силой своего характера. Въ монастырь ссылались люди не столько съ цѣлью наказанія, сколько — исправленія и наставленія на путь истинный; ссыльные были не столько преступники, сколько, какъ выразился императоръ Александръ Павловичъ, люди, имѣющіе несчастіе впасть въ духовное заблужденіе. Ссыльные были весьма различны какъ по характеру своихъ преступленій, такъ и по своему происхожденію: ссылались туда бунтовщикъ, государственный преступникъ и пьяный монахъ, религіозный сектантъ и разгулявшійся не въ мѣру отеческій сынокъ, знатный вельможа и не помнящій родства бродяга. Рѣдкая изъ религіозныхъ сектъ Россіи не имѣла своего представителя въ стѣнахъ Соловецкаго острога. Каждая историческая эпоха клала свой отпечатокъ на составъ соловецкихъ ссыльныхъ: на ихъ составѣ сказывалось, къ чему тяготѣла общественная мысль въ данный

періодъ времени. Въ эпоху религіознаго броженія, во время и послѣ Никона, являлись въ ссылку разные порицатели никоновскихъ реформъ и пророки антихристова пришествія; эпоха неустойчивости государственной власти послѣ Петра „даетъ цѣлую серію разныхъ произносителей «важныхъ и непристойныхъ словъ»; началю настоящаго, эпоха мистицизма, выбрасываетъ въ Соловки ярыхъ, но неумѣлыхъ защитниковъ православія въ духѣ мистицизма, борющихся противъ масонства и вольномыслія, наконецъ, даже соціальное броженіе 70-тыхъ годовъ прошлаго столѣтія оставило свое клеймо на Соловецкой тюрьмѣ.

Настоящій очеркъ составленъ по архивнымъ документамъ, хранящимся въ архивѣ и частью въ ризницѣ Соловецкаго монастыря. Къ сожалѣнію, много дѣлъ, касающихся какъ состава ссыльныхъ, такъ и ихъ положенія въ Соловкахъ, утрачено, а потому я не могу дать полной исторіи соловецкой ссылки, но только страницы изъ нея, вѣрнѣе, исторію съ вырванными страницами.

Письменныя извѣстія о ссыльныхъ начинаются съ половины XVI ст., но за это время ихъ только два; въ XVII ст. они находятся въ большемъ количествѣ, но очень кратки, какъ относительно преступленій ссыльныхъ, такъ и ихъ состоянія въ монастырѣ. Въ XVIII ст. извѣстія дѣлаются полнѣе и только съ начала XIX ст. они начинаютъ сообщать точныя свѣдѣнія о ссыльныхъ. Изъ всего мною видѣннаго я выбралъ существенное, относящееся до преступленія и строгости содержанія ссыльныхъ. Отписки монастырскаго начальства о ссыльныхъ я почти не приводилъ, но взамѣнъ этого позволю себѣ сообщить имѣющія вѣдомости о ссыльныхъ, относящіяся къ 1786, 1835 и 1855 гг., изъ которыхъ видно будетъ и количество арестантовъ въ разное время, и отношеніе къ нимъ начальства.

Предпославъ общій историческій очеркъ положенія ссыльныхъ въ Соловкахъ, я сообщу ихъ списокъ въ хронологическомъ порядкѣ, съ указаніемъ наиболѣе характерныхъ данныхъ относящихся какъ до ихъ преступленій, такъ и положенія ихъ въ ссылкѣ.

Настоящій очеркъ составляетъ перепечатку статей, помѣщенныхъ въ «Русской Старинѣ» за 1887 и 1888 гг. съ незначительными исправленіями и дополненіями.

Сентября 1905 г. *М. Колчинъ.*

I.

Значеніе монастыря какъ мѣста ссылки.

Среди сѣвернаго нелюдимаго Бѣлаго моря лежитъ группа острововъ: на одномъ, большемъ изъ нихъ, стоитъ Соловецкій монастырь (основанный въ 1437 году), окруженный высокою крѣпостью изъ дикаго камня. До времени прибытія преподобныхъ старцевъ Савватія и Зосимы, Соловецкій островъ былъ совершенно необитаемъ, лишь въ лѣтнее время окрестные поморы пріѣзжали туда для ловли рыбы и морскихъ звѣрей. Съ тѣхъ поръ, какъ поселившіеся на этомъ пустомъ островѣ св. отцы своимъ подвижничествомъ прославили себя и мѣсто, гдѣ они обитали, на Соловецкій островъ начали стекаться всѣ, кто желалъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, бѣжать изъ міра. Изъ этихъ бѣглецовъ міра образовалась и до сихъ поръ образовывается соловецкая монашеская община. И не даромъ. Соловецкій монастырь для людей, бѣгающихъ міра, самое желанное мѣсто. Соловецкій островъ, лежащій подъ 65° 1′ с. ш. и 53° в. д., доступенъ для сообщенія только съ мая по сентябрь, а остальные восемь мѣсяцевъ въ году окруженъ плавающими льдами, препятствующими всякому сообщенію съ міромъ. Въ зимніе восемь мѣсяцевъ переѣздъ съ острова на материкую землю сопряженъ съ величайшею опасностью; лишь изрѣдка, въ экстренныхъ случаяхъ, взрослые среди сѣверныхъ льдовъ поморы нѣсколько разъ въ зиму, съ опасностью жизни, пріѣзжаютъ въ монастырь.

Соловецкій островъ имѣетъ въ длину 25 верстъ и въ ширину 16. Почва его состоитъ изъ крупнаго песку въ перемѣшку съ громаднаго размѣра булыжниками. Поверхность его холмистая, изрѣзанная безлѣсными болотами и множествомъ пръсноводныхъ озеръ. Озеры эти, имѣющія

очень затѣйливыя, извилистыя формы, представляютъ для незнакомаго съ мѣстностью такой лабиринтъ, изъ котораго трудно выбраться. Одному арестанту Дружинину въ 1753 году удалось ускользнуть изъ крѣпостного каземата, и побѣгъ сдѣлался неудачнымъ только потому, что бѣглецъ заплутался между озерами и, мучимый голодомъ, попался снова въ руки ищущихъ его людей. Отсутствіе всякаго жилья, кромѣ монастыря, на этомъ островѣ, суровость климата, сырость воздуха, всегда наполненнаго морскими испареніями лишаютъ всякой возможности жить внѣ стѣнъ монастыря. Каменистая почва даетъ возможность расти лишь кривымъ березамъ да малорослымъ елямъ; только въ центрѣ острова изрѣдка попадается строевой лѣсъ, поэтому морской вѣтеръ безпрепятственно разгуливаетъ по острову, поднимая зимой страшные снѣговые бурупы.

Соловецкій островъ отдѣленъ отъ твердой земли морскимъ проливомъ къ западу въ 60 верстъ, къ востоку въ 35; отъ г. Архангельска онъ отстоитъ на 350 верстъ, отъ г. Онеги—180 верстъ.

Берега твердой земли представляютъ изъ себя почти ту же пустыню что и Соловецкій островъ. Цѣпится по утесѣ морского берега жалкая деревушка съ избушками, потомъ верстъ 30—40 пустое пространство. Вездѣ пусто, тихо, безлюдно, лишь вѣчно бушующее море, напирая своими мощными волнами на каменную грудь земли, производитъ своеобразный шумъ; это на востокѣ. Западный берегъ хотя и населеннѣе, но все такъ деревушка отъ деревушки отдѣляется 20—30 верстнымъ бездорожнымъ пространствомъ; даже до сихъ поръ здѣсь не имѣется дороги, а почту возятъ въ карбасахъ. Это въ настоящее время, а въ былыя времена берега Бѣлаго моря представляли изъ себя сущую пустыню съ небольшими оазисами.

Западный берегъ Бѣлаго моря цѣликомъ отъ р. Онеги до Кольскаго острога, на протяженіи тысячи верстъ, былъ

монастырскою соловецкою вотчиною. На этомъ тысячеверстномъ пространствѣ, въ концѣ прошлаго столѣтія, едва было 4,000 душъ жителей. Восточный или, такъ называемый, лѣтній берегъ Бѣлаго моря былъ настолько малолюдный и жители его такъ обижены Богомъ и природой, что монастырь даже не считалъ нужнымъ просить его себѣ въ вотчину.

Итакъ пустынный, крайсвѣтный островъ съ мрачною природою, съ кучкою суровыхъ, отшатнувшихся отъ міра, людей, кругомъ нелюдимое море, двѣ трети года покрытое льдомъ, а за этимъ моремъ опять пустынный берегъ съ изрѣдка попадающими путнику деревнюшками, въ которыхъ жили полузамерзлые и голодные монастырскіе людишки. Какъ только стала извѣстна эта особенность мѣстоположенія Соловецкой обители въ Новгородѣ и Москвѣ, то скоро поняли, что нѣтъ краше мѣста для людей, коихъ нужно было услать туда, куда воронъ костей не занесетъ.

Мѣсто для помѣщенія ссыльныхъ, по тогдашнему, должно было удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: а) отдѣлить ссыльнаго отъ своей родины; помѣстить его тамъ, гдѣ сношеніе съ міромъ людей были бы ограничены до крайнихъ предѣловъ; чтобы ссыльный не могъ знать ничего изъ міра и міръ про него: подвергнуть ссыльнаго нравственному одиночеству, елико возможно сдѣлать чувствительнѣе и продолжительнѣе его душевную истому: b) похѣстит ссыльнаго (для Соловокъ въ большинствѣ случаевъ сблудившаго съ прямого пути обыденной жизни и традиціонныхъ мнѣній) въ такое мѣсто и среду, гдѣ бы онъ могъ понять свое заблужденіе, возвратиться на правую стезю и принести Господу Богу достойное покаяніе; с) лишить ссыльнаго возможности побѣга.

Соловецкій монастырь какъ нельзя лучше удовлетворялъ этимъ условіямъ.

Соловки не были никому родиной, сама природа огра-

дила островъ отъ всякаго мірского вліянія: сношенія съ другими людьми двѣ трети года физически невозможны, нравственное одиночество достигалось тѣмъ, что ссыльный рѣдко могъ найти друзей въ благочестивыхъ людяхъ, которые считали его еретикомъ. Въ зимнее время монастырь представлялъ глухую снѣговую пустыню; тишина словно въ мертвомъ царствѣ, только однообразный звонъ колоколовъ да зловѣщее карканье воронов нарушаютъ тишину этого мертваго царства. Вы здѣсь не услышите ни звонкаго, ласкающаго слухъ, женскаго голоса, ни веселящаго дѣтскаго лепета, ни пѣсни, то заунывной, то разгульной, но одинаково захватывающей душу русскаго человѣка. Осенью, когда закрывается навигація, когда направляешься жить восемь мѣсяцевъ среди полнаго разобщенія съ міромъ людей, страшная, доводящая до изступленія, тоска завладѣваетъ тобою, человѣкомъ вольнымъ, могущимъ во всякое время покинуть этотъ островъ. А что долженъ былъ выносить человѣкъ, которому вмѣнено въ обязанность пребывать тамъ «до кончины живота его безысходно», то и помыслить страшно!

Физическія особенности острова, изолированнаго отъ всего живущаго, исключали всякую возможность побѣга. Крѣпкія, высокія стѣны окружали монастырь, а внутри стѣнъ казематы, тщательно охраняемые, служили достаточною порукою, что заключенные въ нихъ «утечки не учинятъ». Бѣгали люди изъ крайнихъ предѣловъ Сибири, съ каторги, бѣгаютъ съ острова Сахалина, но не было примѣра, чтобы кто-либо убѣгалъ изъ Соловецкаго острога. Правда, убѣгали изъ казематовъ, но не дальше острова; съ него никуда не могли скрыться. Всѣ немногочисленные побѣги изъ Соловокъ ссыльныхъ были совершаемы тѣми изъ нихъ, которые не сидѣли въ казематахъ, а жили свободно подъ монастырскимъ надзоромъ. Живя на свободѣ, они знакомились съ мѣстностью и людьми: иногда удавалось найти

друзей, а иногда купить человѣка за деньги. и благодаря имъ переѣхать съ острова на матерую землю и тамъ на время скрыться у знакомыхъ.

Что касается заблужденія ссыльныхъ. то гдѣ лучше искоренить ихъ на _ не въ средѣ людей, считающихъ каждую іоту и точку не только догматовъ, но и всей обрядности своего исповѣданія за необходимое условіе своего спасенія. Начальство, посылая ссыльныхъ на увѣщаніе и караулт монаховъ, хорошо знало, что послѣдніе будутъ и увѣщевать ихъ не только за страхъ, но и за совѣсть: они будутъ видѣть въ этомъ не одно только исполненіе предписаній, но и угодное Богу дѣло, спасеніе своей души. Велпкое дѣло поставить на путь истины заблудшаго человѣка, спасти душу, совлеченную лукавымъ на путь погибельный., говорятъ монахи. Господь повелѣваетъ оставить 99 несблудившихъ и идти отыскивать одну заблудшую овцу». И дѣйствительно, нѣкоторые изъ ссыльныхъ пашли въ Соловецкомъ монастырѣ хотя невольную, но тихую гавань среди бурь житейскаго моря. Весь монашескій складъ жизни. какъ нѣчто цѣльное, окончепное, составленное по извѣстному плану съ опредѣленною цѣлью. оказывалъ иногда свое воздѣйствіе на ссыльныхъ; они не только раскаявались въ своихъ заблужденіяхъ. но дѣлались такими горячими адептами истоваго православія и монашескихъ подвиговъ, что удостоились быть занесенными на страницы Соловецкаго патерика наравнѣ съ великими подвижниками. прославившими обитель. Таковы іеромонахъ Іероним ъ. послушникъ Иванъ Сорокинъ, а сосланный Петромъ I по дѣлу Гришки Талицкаго его духовникъ «распятскій попъ Иванъ Ивановъ» сдѣлался основателемъ Голгово-распятскаго скита на Анзерскомъ островѣ, отличающагося строгостью своего устава даже между суровыми соловьянами, а теперь считаютъ его святымъ. Мощи его почиваютъ подъ-спудомъ въ церкви Голговскаго скита.

II.

Мѣста заключенія арестантовъ: старинныя земляныя, крѣпостныя и секретныя тюрьмы, новая тюрьма, раскольническое кладбище, лобное мѣсто.

Мѣстами заключенія для ссыльныхъ подначальныхъ людей въ XVI, XVII, XVIII столѣтіяхъ служили казематы, построенные въ стѣнахъ и башняхъ монастырской крѣпости, основанной въ 1584 году. Первоначальный планъ внутреннихъ частей крѣпости намъ неизвѣстенъ, но, должно быть, составитель его, соловецкій монахъ Трифонъ, не мало поработалъ, чтобы устроить внутри крѣпостной стѣны такіе казематы, изъ которыхъ не только не могъ бы выйти заключенный, но и свѣтъ Божій только украдкою входилъ бы въ эти гробы для живыхъ людей.

Наружный видъ Соловецкой обители имѣетъ много общаго съ устройствомъ древнихъ феодальныхъ замковъ. Монастырь окруженъ высокою, изъ громаднаго размѣра дикихъ камней, стѣною, имѣющею въ длину 508 саженъ, съ 8 башнями и 4 воротами. Верхнія части какъ башенъ, такъ и стѣнъ пронизаны множествомъ бойницъ, сквозь которыя видѣются дула старинныхъ пушекъ; въ нижнихъ частяхъ тутъ и тамъ видѣются маленькія окошечки крѣпостныхъ казематовъ. Вся крѣпостная стѣна имѣетъ въ основѣ кирпичныя арки, имѣющія форму лежачаго усѣченнаго конуса, обращеннаго узкимъ концомъ наружу; башни же состоятъ изъ нѣсколькихъ такихъ арокъ, расположенныхъ радіально. Сверху и снаружи эти арки окладены сѣрымъ дикимъ камнемъ. Внутри-то этихъ арокъ въ башняхъ и нѣкоторыхъ частяхъ стѣнъ были устроены помѣщенія для арестантовъ. Уже болѣе столѣтія, какъ крѣпостные казематы перестали служить мѣстами заключенія, такъ какъ для арестантовъ были построены новыя тюрьмы. Въ настоящее время одни

казематы заброшены, разломаны: другіе передѣланы, приспособлены для разныхъ хозяйственныхъ дѣлей, устроены кладовыя, погреба, сушильни и т. п., но все же, какъ бы для памяти, въ трехъ башняхъ и нѣкоторыхъ мѣстахъ стѣнъ остались старинные казематы до сихъ поръ во всей ихъ страшной неприкосновенности.

Я прошу читателя послѣдовать за мною подъ башню, расположенную на южной сторонѣ крѣпостной стѣны, возлѣ мельницы.

При самомъ входѣ подъ башню находится жилище мельниковъ, отъ дверей котораго идетъ узкій темный проходъ сажени двѣ длины; чтобы не заплутаться и не запнуться за что-либо, необходимо идти съ огнемъ. Спускаемся ступени на три ниже уровня земли, идемъ по узкому темному проходу, сворачиваемъ немного вправо и входимъ низкою дверью въ большую квадратную, сажени въ три, комнату. Въ ней темно, такъ какъ нѣтъ ни одного окна, а взамѣнъ этого на каждой стѣнѣ находились двери съ махонькими вырѣзками среди нихъ. Комната цѣликомъ состоитъ изъ кирпича: полъ, потолокъ, стѣны, лавки, полки,—словомъ, все кирпичное. Сыро, стѣны мокрыя, заплѣсневѣлыя: воздухъ спертый, удушливый, такой, какой бываетъ въ сырыхъ погребахъ. Испугавшіяся свѣта крысы, водящіяся здѣсь во множествѣ, съ ужасомъ бросаются вамъ подъ ноги. Въ этой комнатѣ въ прежнее время помѣщалась стража, караулившая узниковъ, заключенныхъ въ казематы, расположенные по всѣмъ сторонамъ этой комнаты. Прямо передъ нами маленькая, аршина въ два вышины, дверь съ крошечнымъ окошечкомъ въ срединѣ ея; дверь эта ведетъ въ жилище узника, куда мы и входимъ. Оно имѣетъ форму лежачаго усѣченнаго конуса изъ кирпича, въ длину аршина 4, шириною сажень, высота при входѣ три аршина, въ узкомъ концѣ полтора. При входѣ направо мы видимъ скамью, служившую ложемъ для узника, надъ нею почернѣлая до не-

узнаваемости икона, а за нею сохранилась пасхальная верба. На другой сторонѣ остатки разломанной печи. Стѣны, какъ и въ первой большой комнатѣ, сырыя, заплѣсневѣлыя, воздухъ затхлый, спертый. Въ узкомъ концѣ комнаты находится маленькое окошечко вершковъ шесть въ квадратѣ; лучъ свѣта, точно украдкою, черезъ три рамы и двѣ рѣшетки тускло освѣщаетъ этотъ страшный казематъ. При такомъ свѣтѣ читать можно было въ самые свѣтлые дни и то съ великимъ напряженіемъ зрѣнія. Если заключенный пыталс. черезъ это окно посмотрѣть на свѣтъ Божій, то его взорамъ представлялось одно кладбище, находящееся прямо передъ окномъ. Побывъ около получаса въ удушающей атмосферѣ каземата, становится душно, кровь приливаетъ къ головѣ, появляется какое-то безграничное чувство страха. Я не считаю себя способнымъ описать все то впечатлѣніе какое испытываешь при посѣщеніи этихъ казематовъ. Съ одной дамой, которая была со мной въ этомъ казематѣ, сдѣлалось дурно. У каждаго побывшаго здѣсь, будь онъ самый суровый человѣкъ, невольно вырывается изъ груди если не крикъ ужаса, то тяжелый вздохъ и съ языка слетаетъ вопросъ: неужели здѣсь возможна жизнь? неужели люди были настолько крѣпки, что выносили года этой гробовой жизни? А на самомъ дѣлѣ есть свѣдѣнія, что въ подобныхъ казематахъ проживали десятки лѣтъ. Разсказываютъ, что въ разсматриваемомъ нами казематѣ послѣдній кошевой бывшей Сѣчи Запорожской, Кольнишевскій, просидѣлъ 16 лѣтъ, будучи болѣе ста лѣтъ отъ роду. Про него передаютъ въ монастырѣ легенду: Кольнишевскій, просидѣвъ 16 лѣтъ въ казематѣ, оказался невиннымъ; царь, освободивъ его, захотѣлъ чѣмъ-либо вознаградить за перенесенныя страданія и приказалъ спросить Кольнишевскаго, чего онъ хочетъ себѣ въ награду.

— Старъ я сталъ, отвѣчалъ Кольнишевскій: мірскія почести меня не прельщаютъ, богатство мнѣ не нужно: не

прожить мнѣ и того, что у меня есть, одна у меня забота: приготовить себя къ будущей жизни, а нигдѣ я этого не сдѣлаю такъ хорошо, какъ въ сей святой обители; потому первая моя просьба дозволить мнѣ дожить свой вѣкъ въ Соловкахъ, а вторая просьба, если царь-батюшка хочетъ меня пожаловать, пусть онъ прикажетъ выстроить для преступниковъ настоящую тюрьму, чтобы они не маялись, какъ я, въ душныхъ казематахъ крѣпости .

Было ли это въ дѣйствительности, или это вымыселъ, навѣрное сказать не могу, но достойно примѣчанія то, что время устройства новыхъ тюремъ совпадаетъ со временемъ его освобожденія.

Какъ легко становится, когда выдѣзешь изъ этого погреба на свѣтъ Божій, вдохнешь полною грудью свѣжій воздухъ и любуешься ласкающимъ тебя лучемъ солнца!

Осмотрѣнный нами казематъ, подобные которому сохранились еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стѣнъ крѣпости, есть обычный казематъ. Но были узники, коихъ предписывалось держать въ особомъ уединенномъ мѣстѣ до смерти, неисходно, такъ, чтобы ни онъ кого, ни другіе его видѣть не могли; для нихъ были устроены въ стѣнахъ верхнихъ этажей крѣпостныхъ башенъ особые мѣшки, гдѣ дѣйствительно ни ихъ кто, ни они кого видѣть не могли.

Поднимемся на башню, стоящую у Архангельскихъ воротъ, которая въ древнее время носила названіе Головленковой.

Въ узкомъ проходѣ для лѣстницы, ведущей на верхъ башни, находится дверь, обитая войлокомъ, ведущая въ каменное помѣщеніе аршина два длины, полтора ширины и три высоты. У одной стѣны выкладена кирпичная лавочка шириною полъ-аршина. Маленькое окошечко достаточное лишь для того, чтобы протянуть руку, выходитъ на темную лѣстницу, и въ былое время служило не для освѣщенія, а для подачи пищи узнику. Въ такомъ мѣшкѣ

нѣтъ возможности лечь, и несчастный узникъ долженъ былъ года, если такая обстановка не убивала его, спать въ полусогнутомъ положеніи. Въ Головленкову башню, въ уединенное мѣсто, заточенъ былъ, въ 1701 году, Петромъ I тамбовскій епископъ Игнатій.

Подъ башнею, расположенною на с. з. углу крѣпости, помѣщались такъ называемыя земляныя тюрьмы. Осмотрѣть эти тюрьмы не было возможности, такъ какъ входъ подъ эту башню оказался замурованнымъ*). Судя по старинным описаніямъ земляныхъ тюремъ, это были вырытыя въ землѣ ямы, аршина три глубины; края у нихъ были обложены кирпичемъ; крыша состояла изъ досокъ, на которыя была насыпана земля. Въ крышѣ находилось небольшое отверстіе, закрываемое дверью, запирающеюся на замокъ, въ которое опускали и подымали узника, а равно подавали ему пищу. Для спанья полъ устилался соломою. Были ли въ этихъ погребахъ печи—навѣрное сказать не могу. Такъ какъ почвенный уровень воды въ Соловкахъ стоитъ на трехъ четвертяхъ, то эта башня, обрытая съ возвышенной сѣверной стороны глубокимъ рвомъ, единственная, въ которой возможно было устроить земляныя тюрьмы.

Тюрьмы, расположенныя въ стѣнахъ монастыря, носили разныя названія или по мѣсту своего положенія, или по фамиліямъ знатныхъ лицъ, въ нихъ заключенныхъ. Такъ, были тюрьмы у Никольскихъ воротъ, у Святыхъ, подъ крыльцомъ Успенскаго собора. Башня съ зелеными тюрьмами носила названіе **корожной**. Тюрьма **Салтыковская** находилась въ западной башнѣ, а **Головленкова** въ башнѣ у Архангельскихъ воротъ, на восточной сторонѣ крѣпости.

Какъ ни многочисленны и разнообразны были крѣпостные казематы, но они оказались неудобными; главное

---

*) Земляныя тюрьмы уничтожены и входъ въ нихъ замурованъ по указу Св. Синода въ 1742 году. **М. Н.**

неудобство состояло въ ихъ разбросанности, вслѣдствіе чего требовалась многочисленная стража для надзора за арестантами. Вслѣдствіе этого, мало-по-малу начинается устройство тюремъ не въ стѣнахъ крѣпости, а въ подвальныхъ этажахъ монастырскихъ корпусовъ. Такъ, въ корпусѣ, занятомъ келарскою, въ подвальномъ этажѣ, гдѣ теперь помѣщаются погреба, еще въ прошломъ столѣтіи были тюрьмы, называемыя келарскими. Успенскій и преображенскій соборы, построенные св. Филиппомъ, бывшимъ игуменомъ соловецкимъ, въ подвалахъ также содержали тюрьмы, носящія названія по соборамъ: успенская и преображенская тюрьма. На с.-з. углу монастырской стѣны, близъ корожной батиг съ земляными тюрьмами, въ 1718 году построена была большая двухъэтажная палата; въ этой палатѣ нижній этажъ, въ 1798 году, приспособленъ былъ для тюремныхъ помѣщеній, въ немъ устроено было 12 арестантскихъ чулановъ. Черезъ 30 лѣтъ, въ 1828 году, и второй этажъ этой палаты также былъ приспособленъ для арестантовъ, въ немъ устроено 16 чулановъ, а остальное помѣщеніе отведено для солдатъ. Въ это время, т.-е. въ началѣ текущаго столѣтія караульные солдаты помѣщались вмѣстѣ съ арестантами: коридоры между арестантскими чуланами служили помѣщеніемъ для солдатъ. Такое сосѣдство стражи съ арестантами было причиною многихъ непріятныхъ столкновеній между ними, а потому въ 1842 году, по просьбѣ архимандрита Иларія, для солдатъ и офицера построены особыя казармы, а тюрьма увеличена надстройкою Настоящая тюрьма представляетъ изъ себя высокое трехъ этажное зданіе, которое рѣзко бросается въ глаза изъ-за стѣнъ монастыря своею красною крышею и окнами третьяго этажа съ рѣшетками.

Внутренній сѣверо-западный уголъ крѣпости огороженъ высокою кирпичною стѣною: въ срединѣ этой ограды стоитъ

большая трехъэтажная тюрьма и возлѣ нея солдатская казарма. Нижній этажъ тюрьмы наполовину лежитъ въ землѣ, такъ что небольшія окна его находятся на уровнѣ земли. Зайдя въ тюрьму, вы спускаетесь по нѣсколькимъ ступенямъ внизъ—и передъ вами темный, длинный, сырой, съ особымъ затхлымъ запахомъ, коридоръ. По одну сторону этого коридора находится шесть дверей, ведущихъ въ шесть арестантскихъ чулановъ. Чуланы эти имѣютъ сажени по двѣ длины и аршина по два съ прибавкою ширины, съ однимъ окномъ. Помѣщенія эти, не будь они сыры и мрачны, ни чуть не хуже подобныхъ же тюремъ въ провинціальныхъ острогахъ. По другую сторону коридора мы нашли заколоченную дверь. Расколотивъ дверь, мы зашли черезъ нее въ узкій, длинный, темный ходъ, продѣланный внутри толстой тюремной стѣны. Идемъ по нему: сердце невольно сжимается, какой-то безпредѣльный страхъ завладѣваетъ, дрожь пробѣгаетъ по тѣлу при мысли, что дверь за нами закроется и мы останемся въ этомъ длинномъ каменномъ гробѣ. Но любопытство беретъ верхъ, и мы идемъ далѣе, пока, наконецъ, не наталкиваемся на небольшую дверь съ маленькимъ окошечкомъ въ срединѣ ея. За дверью чуланъ аршина полтора въ квадратѣ, безъ всякой лавки, безъ окна, безъ всего того, безъ чего жить человѣку нельзя. Въ немъ можно только стоять или сидѣть скорчившись. Лежать или сидѣть съ протянутыми ногами не дозволяетъ пространство чулана, а скамьи для сидѣнья не полагается. А несомнѣнно, что здѣсь заставляли жить людей не одинъ день. Можно догадываться, что это было не мѣсто карцера, а особый родъ каземата, *особое уединенное мѣсто*, назначенное для людей, которыхъ желали помѣстить такъ, чтобы о нихъ и ухо не слышало и глазъ не видѣлъ. И дѣйствительно, этотъ мѣшокъ самое желанное мѣсто для такой цѣли: оттуда не слышны ни вопль, ни воздыханіе, не видны ни слезы, ни печаль узника. Въ темныхъ мѣшкахъ

бывшемъ было лучше: тамъ дверь выходила наружу, были слышны движеніе и говоръ людей свободныхъ, крикъ узника могъ доноситься до посторонняго уха. Не то здѣсь. Что въ этотъ казематъ не временно садились арестанты въ наказаніе, какъ въ карцеръ, находятся нѣкоторыя указанія въ арестантскихъ дѣлахъ. Въ отношеніи начальниковъ Соловецкой караульной казармы упоминается иногда, что арестанты, назначенные для содержанія въ уединенномъ мѣстѣ, были сажены въ нижній этажъ тюрьмы въ отдѣльный чуланъ а такой чуланъ имѣется только одинъ, о которомъ мы говорили выше. Такъ, туда былъ заключенъ раскольникъ Лазарь Шепелевъ, который, прожившъ тамъ ровно годъ, «Божіею волею умре». Трудно, кажется, пробыть день въ этомъ страшномъ чуланѣ безъ свѣта, безъ воздуха, безъ тепла, а болѣе долгое пребываніе, кажется, совсѣмъ невозможнымъ; даже одна мысль о такомъ житьѣ леденитъ кровь въ жилахъ, а люди проживали въ такомъ помѣщеніи цѣлые года.

Во второмъ и третьемъ этажахъ тюрьмы находится десятка по два арестантскихъ помѣщеній, такихъ же размѣровъ, какъ и въ нижнемъ этажѣ; только чуланы верхнихъ этажей будутъ суше и посвѣтлѣе. Въ каждомъ чуланѣ имѣется табуретъ, небольшой столикъ и одна или двѣ деревянныя кровати, смотря по тому, одинъ или два арестанта помѣщались въ чуланѣ. Въ третьемъ этажѣ въ одномъ чуланѣ до сихъ поръ видна въ окнѣ разогнутая рѣшетка въ память побѣга одного арестанта. Потапова. Этотъ арестантъ, пользуясь сильнымъ колокольнымъ звономъ, по случаю крестнаго хода, табуретомъ разогнулъ рѣшетку, пролѣзъ чрезъ нее и бросился внизъ на крѣпостную стѣну, а оттуда на землю. Дѣло было лѣтомъ: масса богомольцевъ: скрыться, пожалуй, и можно было, но выбѣжавшій въ одной рубашкѣ на волю арестантъ былъ настолько наивенъ, что сейчасъ объявилъ народу, кто онъ, и, понятно, былъ спроваженъ въ

старое жилище и, закованный въ кандалы, посаженъ въ болѣе крѣпкій чуланъ.

Въ октябрѣ 1883 года вышущенъ былъ изъ этой тюрьмы послѣдній арестантъ Давидовъ, и съ тѣхъ поръ она стоитъ ни кѣмъ не занятая.

Къ югу отъ монастыря, въ полуверстѣ отъ монастырской стѣны, на небольшомъ холмѣ, окруженномъ болотомъ съ мелкимъ лѣсомъ, находится старое раскольническое кладбище. Тѣхъ арестантовъ, у которыхъ хватало характера и силы воли настолько, чтобы, несмотря ни на тяжесть заключенія, ни на почти ежедневныя увѣщанія отказаться отъ своихъ заблужденій и согласиться съ ученіями св. церкви, остаться вѣрными своимъ убѣжденіямъ, такихъ нераскаянныхъ грѣшниковъ приходилось хоронить особо отъ прочихъ людей,—

Безъ церковнаго пѣнія, безъ ладона,
Безъ всего, чѣмъ могила крѣпка...
Безъ поповъ...

Такъ какъ большинство такихъ не раскаянныхъ грѣшниковъ были люди не согласные съ ученіями церкви, - раскольники, поэтому и кладбище называется раскольническимъ.

Стоятъ на этомъ холмѣ два покосившіеся креста, десятка два могильныхъ насыпей изъ крупнаго булыжника, да двѣ готовыя могилы *) со сгнившими досками на верху ихъ. Кривыя ели да малорослыя березы жалобно покачиваютъ своими вершинами, да птички поютъ свои пѣсни надъ погребенными, какъ бы желая замѣнить своимъ пѣніемъ тѣ надгробныя пѣсни, которыя люди отказались пѣть надъ ними. Зимнія вьюги каждый годъ совершаютъ имъ

*) Въ Соловкахъ грунтъ состоитъ изъ крупнаго песка, перемѣшеннаго съ большими булыжниками. Зимою, когда замерзаетъ земля, копать могилы нѣтъ никакой возможности, а потому могилы заготовляются лѣтомъ на всю зиму. М. К.

тризну хоровыми заунывными пѣснями, а окружающіе деревья поначиваютъ имъ въ тактъ своими вершинами. Сколько эти могилы сокрыли горя, страданій, душевныхъ мукъ, терзаній совѣсти, сомнѣній, какія горячія сердца и пылкія головы придавлены этими камнями! Да, все это были люди идеи, люди убѣжденій, убѣжденій глубокихъ, много передуманныхъ, горько выстраданныхъ, такихъ крѣпкихъ, что никакія бури жизни не могли поколебать ихъ. Правда, что убѣжденія ихъ были обманчивы, ложны, даже сумасбродны: это просто были заблужденія, но что до этого? для нихъ они были святы, вѣрны, несомнѣнны: это были неоцѣнимыя для нихъ сокровища, дороже ихъ самихъ, дороже всѣхъ благъ жизни, свѣтъ и украшеніе ихъ души. Ихъ страдальческая жизнь, ихъ устойчивость, твердость и непоколебимость и, наконецъ, эти молчаливыя могилы говорятъ за нихъ.

На противоположной сѣверной сторонѣ крѣпости, противъ коннаго двора, находилось «лобное мѣсто», гдѣ въ былыя времена наказывали провинившихся арестантовъ, подначальныхъ людей, стрѣльцовъ и солдатъ, а иногда и иноковъ. Наказаніе производилось плетьми, батогами, розгами и шеленами. Былъ ли въ употребленіи кнутъ — изъ дѣлъ не видно. Какой то полковникъ, прожившій въ монастырѣ инкогнито въ качествѣ простого рабочаго, выстроилъ на этомъ мѣстѣ маленькую часовеньку на каменномъ фундаментѣ и поставилъ въ ней громадный деревянный крестъ. Много въ этомъ несчастномъ мѣстѣ истрепано плетей, изломано батоговъ и березовыхъ прутьевъ: много изуродовано человѣческихъ спинъ, изорвано у несчастныхъ жертвъ кожи и мяса! А сколько пролито слезъ и крови!

Не одну сотню лѣтъ производилась эта расправа и долго бы еще совершались истязанія, если бы державная воля Царя Освободителя не положила предѣлъ этому варварству.

III.

Общій историческій очеркъ положенія ссыльныхъ въ Соловкахъ.

До времени постройки въ Соловкахъ крѣпостной стѣны съ ея казематами ссыльные подначальные люди, коихъ велѣно было содержать съ «великимъ бережепіемъ», заключались въ мѣкіи молчательныя келіи. Это были комнаты, находившіяся отдѣльно отъ общихъ монашескихъ помѣщеній. Подначальный запирался въ эту комнату и къ нему приставлялся особый сторожъ. На обязанности сторожа было слѣдить за каждымъ шагомъ и словомъ подначальнаго человѣка, слѣдить, чтобы никто къ нему не приходилъ, ничего къ нему не приносилъ, а равно и подначальный ничего не могъ кому-либо передать. Если заключенный былъ грамотный, то особое вниманіе обращалось на то, чтобы онъ не могъ чего-либо написать, а для того строго слѣдилось, чтобы арестантъ не имѣлъ чего-либо, чѣмъ можно писать, какъ-то: пера, чернилъ, бумаги, даже угля и береста. Боясь вліянія заключеннаго на сторожа, этотъ послѣдній отдавался подъ надзоръ какому-либо монаху, который долженъ былъ слѣдить, не оказываетъ ли заключенный какого-либо вліянія на сторожа, не дѣлаетъ ли послѣдній какихъ-либо льготъ заключенному въ строгости заключенія, или не приноситъ ли чего не положеннаго въ пищу. Въ случаяхъ какихъ-либо не важныхъ упущеній со стороны сторожа въ пользу заключеннаго, сторожа наказывали плетьми, сажали на цѣпь и т. п.; если онъ и отъ этихъ наставленій не вразумлялся, то его вовсе отстраняли отъ этого послушанія и садили самого на время въ подобную же келію, а потомъ посылали въ черные труды; на мѣсто его къ заключенному назначали болѣе надежнаго сторожа. Кромѣ сторожа, къ заключенному приставлялся особый священникъ,

который долженъ былъ увѣщевать заключеннаго, исповѣдывать его, но пріобщать св. таинъ дозволялось лишь при смерти, или съ разрѣшеніемъ высшаго начальства. Священникъ этотъ, въ свою очередь, также находился подъ надзоромъ игумена и соборныхъ старцевъ.

Въ позднѣйшее время, когда были устроены крѣпостные казематы, присылаемыхъ колодниковъ начали засаживать въ эти казематы. Но тѣмъ останкамъ старинныхъ казематовъ, которые были описаны ранѣе, можно судить о положеніи въ нихъ арестантовъ. Строгость содержанія арестантовъ была далеко не одинакова. Самымъ тяжкимъ наказаніемъ считалась земляная тюрьма. Въ этотъ темный, сырой погребъ опускали живого человѣка, часто скованнаго по рукамъ и ногамъ, гдѣ не рѣдко, водящіяся во множествѣ, крысы объѣдали у беззащитнаго узника носъ и уши. Давать что-либо для защиты отъ этихъ звѣрьковъ строго запрещалось. Такъ одинъ караульщикъ, давшій находящемуся въ земляной тюрьмѣ вору и бунтовщику Ивашкѣ Салтыкову палку для обороны отъ крысъ, былъ за такую поблажку битъ нещадно плетьми. Свѣтъ Божій все таки удавалось иногда видѣть этимъ несчастнымъ. Такъ, въ одномъ наказѣ, относящемуся къ концу XVII ст., приказывается арестанта, заключеннаго въ земляную тюрьму, Мишку Амирева, во время церковнаго пѣнопѣнія вынимать изъ тюрьмы, а по отпускѣ службы снова сажать его туда. Пища подавалась имъ черезъ окошко, продѣланное вверху тюрьмы. Для естественной нужды подавались особыя суда, которыя поднимались и очищались разъ въ сутки. Къ счастію этихъ арестантовъ многіе изъ нихъ чрезъ извѣстное время были переводимы или въ обыкновенные крѣпостные казематы, или въ монастырь подъ начало, гдѣ ихъ нерѣдко силою постригали въ монашество. Особенно часто сажалъ въ земляныя тюрьмы Петръ I.

Съ половины XVIII ст. нѣтъ извѣстій, чтобы кто былъ

ссылаемъ въ земляныя тюрьмы, но ихъ замѣняли особымъ секретнымъ мѣстомъ заключенія. Особенно важныхъ преступниковъ, особенно такихъ, общеніе съ которыми могло заразить ихъ прелестью другихъ людей, повелѣвалось сажать въ особое уединенное мѣсто, «чтобы ни они кого, ни ихъ кто видѣть не могли». Караульнымъ запрещалось съ ними разговаривать, иногда даже присылалась вмѣстѣ съ арестантомъ особая для него стража. Понятно, такіе арестанты не выпускались ни въ церковь, ни за нищей или куда бы то ни было, что дозволялось другимъ узникамъ. Только одному коменданту крѣпости архимандриту монастыря давалось право посѣщать ихъ и потомъ сообщать высшему начальству о ихъ поведеніи. Еще, съ особаго разрѣшенія начальства, могъ входить въ уединенные казематы монастырскій духовникъ для исповѣди арестанта. Иногда такіе уединенные казематы особо устраивались для имѣющаго быть присланнымъ арестанта, по предварительно составленному плану, разсмотрѣнному высшимъ начальствомъ.

Прочіе рядовые колодники помѣщались въ общихъ крѣпостныхъ казематахъ, иногда по два человѣка въ одной кутузкѣ. И тутъ были разряды въ степени наказанія. Такъ, одни арестанты сидѣли въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ и прикованными на цѣпь къ стѣнѣ; другіе носили оковы или на рукахъ и ногахъ, или только на ногахъ; третьи находились безъ оковъ. При посылкѣ каждаго арестанта сообщалась подробная инструкція, какъ содержать его. Нужно замѣтить, что большая половина колодниковъ назначалась для употребленія въ монастырскіе труды. Даже часто высшимъ начальствомъ, которымъ присылался колодникъ, назначался самый родъ работы. Такъ, одного назначаютъ въ хлѣбню—печи хлѣбы, другого—въ поваренные труды, третьяго рубить дрова, возить воду и т. п. Печеніе хлѣбовъ и работы по кухнѣ считаются и считались въ монастырѣ самыми трудными, потому что требовали и чрезмѣрной напряжен-

лости мускульной силы и потому, что отдыхъ давался часа на четыре въ сутки. Что дѣлало монастырское начальство для побужденія къ такимъ тяжкимъ трудамъ лѣнивыхъ или малосильныхъ, съ точностью сказать нельзя, хотя есть извѣстія, гдѣ повелѣвается непослушныхъ смирять по монастырскому обычаю не щадя, а монастырское смиреніе состояло въ сажаніи на дѣнь, наказаніи плетьми, батогами; самое легкое смиреніе—сотни поклоновъ послѣ 18-ти часового труда. Колодниковъ, назначенныхъ въ работы, послѣ окончанія дневныхъ работъ, приказывали приводить къ вечернему пѣснопѣнію и только послѣ окончанія церковной службы отводить въ казематы. Это было монастырское послушаніе

Едва ли лучше положеніе и тѣхъ колодниковъ, которые не назначались въ работы. Эти несчастные принуждены были иногда цѣлые года изо дня въ день проживать въ своихъ сырыхъ, темныхъ и душныхъ чуланахъ безъ всякаго дѣла, вполнѣ лишенные возможности питать чѣмъ-либо свои не рѣдко пытливыя головы. Книгъ для чтенія не давалось, кромѣ необходимыхъ молитвенниковъ и иногда отеческихъ твореній; разговаривать запрещалось, но къ счастію ихъ, это плохо исполнялось. Тяжесть такого положенія нѣсколько смягчалась тѣмъ, что нѣкоторымъ колодникамъ позволялось производить въ своихъ казематахъ кое-какія работы. Одни дѣлали ушаты, ведра и т. п., другіе сапожничали и портняжили, третьи выдѣлывали крестики и ложки. У каждаго были свои инструменты. Работали и на монастырь, и на частныхъ людей, монаховъ и богомольцевъ, и работой этой добывали себѣ копейку, которую держали на свои потребы.

Строгость надзора надъ обычными, не секретными колодниками была не особенно сильна. Караульные, сначала стрѣльцы и послушники, а потомъ солдаты, жили въ коридорахъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ арестантами.

Такая близость немилуемо смягчала отношенія между арестантами и караульными: они сближались, иногда сдружались, чувствовали общность интересовъ, взаимную зависимость, и ихъ отношенія принимали формальный характеръ. Лѣтомъ еще приходилось смотрѣть, какъ говорится, во всѣ глаза, ибо тогда пріѣзжаетъ масса посторонняго народа, арестантъ можетъ скрыться въ толпѣ, уйти или что либо передать или получить; тогда отвѣчай своей спиной передъ начальствомъ. Иное дѣло зимою: тогда островъ отрѣзанъ послящимся непроѣзднымъ льдомъ отъ міра; въ монастырѣ всѣ свои люди, своя семья, уйти некуда. Это понимали и стражи, и стрегомые, а потому въ зимнее время охраненіе обычныхъ, не секретныхъ, арестантовъ было лишь номинальное. Арестанты свободно ходили за водой, за пищей на монастырскую кухню, за дровами, посѣщали другъ друга, спорили о вѣрѣ, работали, и только на ночь запирались каждый въ свой чуланъ. Колодниковъ хотя кормили и одѣвали монастырскимъ, но, по обычаю того времени, сидя въ своихъ казематахъ, они черезъ окно просили у проходящихъ милостыню. Въ лѣтнее время сердобольныя богомолки напосили имъ холста, питокъ, бѣлаго хлѣба и меду, а иногда малую толику денегъ. Въ зимнее время монастырскіе старцы имѣли обыкновеніе въ день своего ангела или на поминъ душъ своихъ родителей дѣлать арестантамъ подаяніе. Случалось, что узника утѣшали не матеріальною помощью только, но и словомъ любви и участія: тутъ узнавалъ узникъ иногда и то, что творится на бѣломъ свѣтѣ.

Съ начала настоящаго столѣтія жизненная обстановка арестантовъ нѣсколько улучшилась. Ихъ стали помѣщать не въ сырые, душные казематы, а въ болѣе сухіе и свѣтлые новые арестантскіе чуланы. Арестантовъ, коихъ не велѣно было держать въ особомъ уединенномъ мѣстѣ, запирали въ чуланы только на ночь, а днемъ они свободно могли сходиться въ коридорахъ и посѣщать другъ друга.

Сойдясь въ коридорахъ, арестанты производили жаркіе диспуты о вѣрѣ, настолько горячіе, что не рѣдко кончали рукопашной схваткой, которую приходилось разнимать караульнымъ солдатамъ, которые не рѣдко и сами принимали участіе въ этихъ спорахъ. Особенно горячими спорщиками и защитниками восточнаго православія, понимаемаго ими по-своему, были въ то время есаулъ войска донскаго Котельниковъ и игуменъ Селенгинскаго монастыря Израиль. Ихъ пренія не рѣдко кончались приступами бѣшенства, продолжавшагося нѣсколько недѣль. Когда монастырское начальство узнавало о такихъ жаркихъ спорахъ, то приказывало особенно горячихъ спорщиковъ на нѣкоторое время запирать въ чуланы, не выпуская ихъ оттуда ни для чего. Впрочемъ, многое относительно строгости или слабости содержанія арестантовъ зависѣло отъ настоятеля монастыря, который въ Соловкахъ былъ самъ богъ, самъ царь. При добрыхъ, гуманныхъ настоятеляхъ арестантамъ жилось сносно: ихъ водили въ церковь по праздникамъ, сами они ходили за водой на канаву за полверсты отъ монастыря, поперемѣнно ходили на монастырскую кухню за пищей, каждую недѣлю мылись въ банѣ, прогулки тоже разрѣшались. Но все это дозволялось лишь зимою, когда въ монастырѣ никого постороннаго не бываетъ; лѣтомъ арестантовъ ни въ церковь, ни за водой, ни куда бы то ни было не выпускали: въ баню все-таки водили раннимъ утромъ, когда народъ еще спалъ. При настоятеляхъ суровыхъ, строгихъ положеніе арестантовъ дѣлалось несноснымъ: ихъ томили въ душныхъ чуланахъ, не выпуская даже для естественной нужды, плохо кормили, жалобы на дурное обращеніе стражи, которая старалась подлѣлаться въ тонъ начальству, оставались безъ всякаго вниманія, прогулки воспрещались. Вотъ какъ описываетъ одинъ арестантъ-священникъ Лавровскій свое положеніе при архимандритѣ Досиѳеѣ Нѣмчиновѣ въ началѣ 1830-хъ годовъ.

Тюрьма Соловецкая при архимандритѣ Досиоеѣ была, дѣйствительно, несноснымъ нгомъ. Въ каждомъ чуланѣ, всегда почти запертомъ, трехъ аршинъ длины, въ два аршина съ двумя или тремя вершками ширины, находилось по два арестанта; между двумя коекъ былъ проходъ только для одного узника; рамы не имѣли форточекъ, отчего воздухъ стѣснительный дѣлался удушающимъ, и одно милосердіе Божіе спасало страдальцевъ. Для исполненія естественной нужды не дозволялось выходить въ нужное мѣсто, куда однажды только въ сутки выносили арестанты изъ чулановъ свои судна для очищенія. Пища давалась убогая; арестанты восхищались отъ радости, когда имъ, изрѣдка, приносимъ былъ мягкій хлѣбъ. Въ продолжительныя зимнія ночи узникамъ не дозволялось при огнѣ и поужинать; посему, держа только предъ лицомъ ложку, ощупью употребляли они пищу. По всѣхъ прискорбій тогдашняго содержанія въ нынѣшнемъ моемъ положеніи *) и объявить не можно, дабы и самое истинное описаніе утѣсненій не вмѣнено мнѣ было въ новое преступленіе.

Кромѣ описанныхъ утѣсненій физическихъ, арестанты подвергались болѣе тяжкимъ нравственнымъ утѣсненіямъ. Въ одномъ чуланѣ помѣщали двухъ сектантовъ такого рода, что они не только сообщаться и бесѣдовать другъ съ другомъ не хотѣли, но даже безъ злобы не могли смотрѣть одинъ на другого. Такое сожительство, хуже полнаго одиночества, должно было продолжаться многіе года, ибо такое сожительство признаваемо было одною изъ мѣръ исправленія.

Такія утѣсненія арестантовъ могли бы продолжаться еще много времени, если бы не одинъ печальный случай, убійство арестантомъ поручикомъ Горожанскимъ караульнаго солдата, заставилъ высшее начальство обратить вниманіе на положеніе арестантовъ въ Соловкахъ, гдѣ, безъ

*) Писалъ онъ это сидя въ тюрьмѣ, но уже при другомъ настоятелѣ. М. Н.

всякаго контроля, настоятель былъ самовластнымъ господиномъ. Въ 1835 году былъ, по высочайшему повелѣнію, командированъ жандармскій полковникъ Озерецковскій для ревизіи Соловецкаго острога. Онъ нашелъ, что положеніе арестантовъ слишкомъ тяжелое, что многіе преступники несутъ наказаніе, превышающее ихъ вину. О результатахъ ревизіи скажу въ своемъ мѣстѣ.

Послѣ смѣненнаго въ это время архимандрита Досиѳея прибылъ на это мѣсто новый настоятель архимандритъ Иларій, человѣкъ мягкій, гуманный и желающій всякаго добра узникамъ. Во время его настоятельства сдѣланы многія улучшенія въ положеніи арестантовъ, какъ въ помѣщеніяхъ, такъ и въ пищѣ, одеждѣ, особенно въ нравственномъ ихъ утѣшеніи. Почасту бесѣдуя съ арестантами, даже приглашая ихъ для бесѣдъ въ свои комнаты, архимандритъ Иларій старался своимъ ласковымъ словомъ, принятіемъ участія въ ихъ положеніи подать лучъ надежды на лучшее будущее и тѣмъ смягчить тяжесть заключенія. Я ниже приведу его переписку съ гр. Протасовымъ, бывшимъ тогда оберъ прокуроромъ синода, о состояніи арестантовъ, хорошо рисующую ихъ положеніе.

Что касается людей, ссылаемыхъ подъ начальдля строгаго смотрѣнія надъ ними, то ихъ положеніе было нѣсколько лучше тѣхъ, кохъ ссылали подъ карауль, т.-е. въ тюрьму. Подначальные люди жили на ряду съ монастырскими послушниками и по монастырскому обычаю обязаны были работать, что прикажетъ монастырское начальство. Только богатые и знатные изъ ссыльныхъ людей, которые имѣли средство откупиться отъ работы, могли жить какъ имъ хочется, работать или нѣтъ. Нѣкоторые ссылались прямо на извѣстную работу, съ извѣстной строгостію содержанія, такъ что ни милость мѣстнаго начальства, ни деньги не могли избавить ихъ отъ работъ.

Такъ, въ 1623 году, патріархомъ Филаретомъ присланъ

съ Москвы Ѳедоръ Семенскій людъ началъ въ хлѣбню; въ 1681 г. черный попъ Семіонъ — въ хлѣбню на цѣпь, гдѣ онъ, прикованный къ стѣнѣ, долженъ былъ мѣсить хлѣбы. Въ большинствѣ случаевъ подначальные были посылаемы въ черные труды. Черными трудами въ монастырѣ считается мытье бѣлья, уборка нечистотъ, рубка и возка дровъ и т. п. Когда не означено было рода работы, тогда монастырское начальство назначало работу по своему усмотрѣнію. Вообще подначальные отдавались всецѣло во власть монастырскаго начальства: оно могло посылать его въ ту или другую работу, а въ случаѣ непослушанія или какого-либо неудовольствія бить и истязать его, какъ хотѣло. Впрочемъ, въ случаѣ какого-либо неблаговиднаго поступка, подначальнаго предавали монастырскому суду и, по постановленію этого суда, чинили смиреніе. Вотъ образецъ такого суда:

«1709 года, марта въ 14 день, въ Соловецкомъ монастырѣ присланный съ Москвы калужскій посадскій человѣкъ Ѳедоръ Мутовозовъ въ портной швальнѣ, въ чуланѣ у портного мастера, у Игнатія Архипова, пойманъ и въ соборныя сѣни приведенъ и предъ городничимъ соборнымъ старцемъ Васіаномъ допрашиванъ.

«А въ допросѣ онъ, Ѳедоръ, сказалъ: Постился-де онъ, Ѳедоръ, на первой недѣлѣ вел. поста, къ отцу духовному на исповѣди (былъ), и въ ночи выписаннаго того мѣсяца 11 числа ночевалъ въ рубашечной палатѣ, въ швальнѣ. И изъ тое швальни, вставъ въ ночи, изъ рубашечной сшелъ вверхъ по лѣстницѣ въ портную шваленку. И пришедъ, отомкнулъ ключемъ своимъ чуланъ, и вшелъ въ него, и затворилъ, и хотѣлъ искать денегъ или серебра, и того онъ, Ѳедоръ, учинить не изумѣлъ, только успѣлъ взять въ томъ чуланѣ ложечникъ съ ложкою да полотна аршина полтора. И засталъ его, Ѳедора, въ томъ чуланѣ тое-жъ портной швальни Филипиъ Григорьевъ. А то онъ, Ѳедоръ, учинилъ своимъ умысломъ, и ни отъ кого не научень, и никто про то не вѣдалъ, и прежъ того онъ, Ѳедоръ, по чуланамъ не хаживалъ, и воровства за нимъ, Ѳедоромъ, не бывало. А которымъ клю-

чемъ чуланъ онъ. Оедоръ, отмыкалъ, и тотъ ключъ отъ него, Оедора, отданъ огороженному старцу Мисаилу. А за вышеписанное его, Оедора, воровство, учинено смиреніе: бить плетьми. Руку приложилъ (на оборотѣ) къ симъ вопросным рѣчамъ Оедоръ Мутовозовъ».

Жалобы на дурное и произвольное обращеніе монастырскаго начальства не могли имѣть мѣста. Переслать какую-либо жалобу изъ Соловокъ безъ вѣдома начальства и въ настоящее время трудно, а тогда было почти невозможно. Переписываться подначальные могли лишь съ дозволенія и подъ надзоромъ настоятеля: съ людей, выѣзжающихъ изъ монастыря на судахъ, брались расписки, что они ничего не будутъ возить безъ вѣдома начальства. Переслать черезъ пріѣзжающихъ богомольцевъ тоже было трудно. Шпіонство въ монастырѣ было развито до крайнихъ предѣловъ: каждый шагъ, каждое слово было извѣстно настоятелю. Сношеніе подначальныхъ съ прочею братіею было очень рисковано. Если замѣчали кого-либо изъ братіи, что онъ разговариваетъ съ подначальнымъ, то таковаго подвергали допросамъ, а въ иныхъ случаяхъ садили подъ караулъ на цѣпь. Съ подначальными, въ случаѣ чего-либо подозрительнаго, поступали еще строже. Когда находили у кого-либо «воровское письмо», то виновнаго садили въ тюрьму, нерѣдко на нѣсколько лѣтъ, предварительно выдравъ плетьми. Случалось изрѣдка, что такія «воровскія письма» дохаживали до Москвы и Петербурга, какой-либо сердобольный странникъ доношивалъ ихъ, въ награду за что получалъ отъ начальства нѣсколько палокъ въ спину,— но въ результатѣ получалось только внушеніе за то, что начальство въ монастырѣ не зорко смотритъ надъ ссыльными.

Трудность подначальнаго житія всею тяжестію ложилась только на людей бѣдныхъ, безвѣстныхъ, а для богатыхъ и знатныхъ жить было многимъ лучше. Такъ, напримѣръ, кн. Львовъ, сосланный по дѣлу печатнаго двора, при Никонѣ,

пользовался полною свободою, дѣлать, что хотѣлъ, ночи проводилъ съ монахами въ пьянствѣ и разныхъ играхъ, и начальство должно было смотрѣть на все это сквозь пальцы. Одно очень важное преимущество подначальныхъ людей передъ тюремными людьми было то, что они могли, познакомясь съ мѣстностію и людьми, надѣяться на возможность побѣга, а эта надежда для тюремныхъ людей была неосуществимою мечтою. И дѣйствительно, побѣги удавались лишь подначальнымъ людямъ, а не было примѣра за все время ссылки, чтобы кто-либо убѣгалъ изъ казематовъ.

Какъ вообще жилось ссыльнымъ въ Соловкахъ, можно заключить изъ одной просьбы губернскаго секретаря Пархомова, сосланнаго при императрицѣ Елизаветѣ въ Соловки подъ надзоръ, а не въ тюрьму, который просилъ, какъ величайшей милости, чтобы его перевели изъ сего «студенаго, крайсвѣтнаго, темнаго, нелюдимаго острова, гдѣ не только здоровье человѣческое, но и желѣза ржавѣютъ», въ каторжную работу въ Петербургъ. Если подначальные, конмъ сравнительно съ колодниками жилось сносно, особенно такіе, какъ Пархомовъ, надъ которымъ произволъ настоятеля не могъ проявиться безграничпо, просили, какъ милости, каторги, то что же можно сказать о положеніи бѣдныхъ колодниковъ, которые жили въ своихъ казематахъ безвыходно. «Всей ихъ горести, какъ пишетъ Пархомовъ своему сыну, и помыслить не можно».

Какъ родъ заключенія и строгость содержанія у колодниковъ и подначальныхъ людей были не одинаковы, такъ и пища ихъ была различна. Въ грамотахъ XVI — XVIII ст., при коихъ были посылаемы арестанты, всегда упоминалось, какую имъ давать пищу. Самымъ скуднымъ содержаніемъ было назначеніе «давать токмо одинъ хлѣбъ и воду». Такое содержаніе было назначено раскольщику дьячкову сыну Ивану Яковлеву. Потомъ были приказы давать пищу противъ монастырскихъ людей: іеромонаховъ, монаховъ и ра-

ботниковъ. А пищу давать ему, говорятъ наказы, противу одного іеромонаха, или монаха, или работника. Самое частое назначеніе пищи было противу одного монаха.

Чтобы сдѣлать понятнымъ смыслъ этихъ выраженій, я долженъ сказать, что въ Соловецкомъ монастырѣ, по древнему обычаю, существуетъ три трапезы: верхняя или братская, монашская, нижняя — для богомольцевъ, трудящихся на монастырь, и, наконецъ, рабочая, — за монастыремъ, гдѣ кормятъ наемныхъ рабочихъ и дроводозовъ. Трапезы эти разнятся какъ по количеству блюдъ, такъ и по качеству пищи: на верхней трапезѣ подается четыре блюда, а на нижней три и то худшаго качества. Для арестантовъ пища не готовилась отдѣльно, а брали ее съ монастырскихъ кухонь. Тѣмъ арестантамъ, которымъ назначалась пища противу іеромонаха, брали пищу съ верхней трапезы, кому противу монаха — съ нижней, а кто былъ на порціи работника — изъ кухни рабочихъ.

Съ конца XVIII ст. всѣмъ арестантамъ начали давать пищу одинаковую, братскую. Арестанты по очереди ходили съ ведрами на монастырскія кухни и приносили въ тюрьму пищу: тамъ брали ее каждый въ свою чашку и уносили въ свои чуланы. Секретнымъ колодникамъ приносили пищу караульные. Есть вмѣстѣ мѣшала религіозная розпь сектантовъ. У арестантовъ велась очередь, кому какой день брать пищу первымъ въ свою чашку. Кто первый бралъ изъ ведра принесенную пищу, тотъ въ очередный день пользовался не оскверненной еретикомъ пищей и вкушалъ ее съ чистою совѣстію. За то другіе, вынужденные брать пищу, уже початую другимъ, иной секты, арестантомъ, слѣдовательно оскверненную, должны были прежде вкушенія пищи положить начало, т.-е. нѣсколько поклоновъ, чтобы Господь простилъ ихъ, что они по необходимости должны ѣсть оскверненную пищу.

Въ прежнее время въ монастырѣ былъ обычай: предъ

обѣдомъ іеромонахъ ходилъ со святой водой и окроплялъ всю пищу, и потому дѣлалъ ее оскверненною въ глазахъ сектантовъ, тогда всѣмъ нужекъ былъ начался. Въ послѣднее время арестантамъ позволялось брать пищу рапѣе окропленія ея святой водой.

Нѣкоторымъ арестантамъ, преимущественно секретнымъ, выдавалось денежное пособіе, а караульные должны были покупать для нихъ пищу. Такъ, секретному колодпику (бывшему Пушкину) выдавалось по гривнѣ въ день, а конвоиу Сѣчи запорожской Кольнишевскому — по рублю. На свои деньги арестанты могли заказывать себѣ пироги, булки, покупать лакомства и пр., но деньги всегда хранились у монастырскаго казначея, который выдавалъ ихъ понемногу на потребы арестанта.

Одеждою арестанты пользовались также отъ монастыря. Бѣлье и верхнюю не теплую одежду позволялось носить свою. Монастырь выдавалъ пару рубашекъ и портовъ, чулки холщевые и сукопные, босовики, балахонъ холщевый, а иногда суконный кафтанъ. Вещи давались безъ срока; когда какая вещь изнашивалась — ее смѣняли новою. Для спанья полагался войлокъ, обтянутый холщевой паволочкою, и подушка изъ олепьей шерсти. Богатые арестанты имѣли свои спальныя принадлежности, свое платье и бѣлье, и даже свою прислугу. Одинъ арестантъ, офицеръ Жуковъ, даже торговалъ своими людьми, сидя въ Соловецкой крѣпости: двухъ слугъ, своихъ крѣпостныхъ, продалъ какому-то офицеру по 10 рублей за штуку.

За содержаніе арестантовъ пищею и одеждою государство платило монастырю отъ 120 до 160 руб. за человѣка въ годъ.

IV.

Арестанты въ прошлыхъ столѣтіяхъ отправлялись въ Соловки подъ конвоемъ какого-либо сына боярскаго. Сынъ

боярскій сопровождалъ колодниковъ обыкновенно не одинъ, а ему въ помощь давались или стрѣльцы и солдаты, когда ссыльный отправлялся свѣтскимъ начальствомъ, и недѣльщики, если духовнымъ. Подъ конвойныхъ и колодника давались подводы; конвойный снабжался инструкціею, какъ ему обращаться въ пути съ колодникомъ. Послѣдній обыкновенно сковывался на дорогу по рукамъ и ногамъ, на ночлегъ запирался въ особую комнату, къ нему не пускали посторонних людей, развѣ только для подачи милостыни, но разговаривать имъ строго запрещалось. Остановка въ пути дозволялась только на случай смертной болѣзни колодника; тогда приказывалось исповѣдать и пріобщить его, если онъ самъ того пожелаетъ, и опять продолжать свой путь. Кромѣ путевой инструкціи, конвойному вручалась грамота на имя настоятеля монастыря съ братіею, которую онъ долженъ былъ вручить настоятелю вмѣстѣ съ колодникомъ. Вотъ образчикъ грамотъ, при коихъ присылались ссыльные люди:

Отъ преосвященнаго Корнилія, митрополита великаго Нова-града и Великихъ Лукъ, Соловецкаго монастыря келарю, старцу Лаврентію, казначею, старцу Иларіону, съ братіею. Въ нынѣшнемъ 186 г., іюля въ 18 день, по нашему преосвященнаго митрополита указу послашъ къ вамъ въ Соловецкій монастырь черный попъ Ааронъ и софійскаго дому и нашъ сынъ боярскій Василій Малгинъ, да бобыль Гаврилко Гусевъ, да посадскій человѣкъ Гришка Судоплетовъ скованы въ кандалахъ, софійскаго дому и нашимъ сыномъ боярскимъ съ Иваномъ Жегловымъ, да недѣльщикомъ Мишкою Афонасьевымъ. И какъ къ вамъ ея наша, преосвященнаго митрополита грамота придетъ, а софійскаго дому и нашъ сынъ боярскій Иванъ Жегловъ да недѣльщикъ Мишка, къ вамъ въ Соловецкій монастырь пріѣдутъ, и вы бъ у него, сына боярскаго да недѣльщика Мишки, сына боярскаго Василья Малгина, и бобыля Гаврилку и посадскаго человѣка Гришку Судоплетова взяли, и тѣ домовые кандалы велѣли снять и отдали сыну боярскому Ивану Жеглову да недѣльщику Мишкѣ, а ихъ, чернаго попа Аарона

и сына боярскаго Василья Мелгунова, бобыля Гаврилку велѣли въ свои монастырскіе кандалы заковать на шесть недѣль, и къ церкви божіей, къ божественному пѣнію къ вечерямъ, и къ заутре, и къ обѣднямъ велѣли бъ имъ, черному попу Арону, сыну боярскому Вас. Мелгунову и бобылю Гаврилкѣ приходить по вся дни, безоблѣнно въ кандалахъ. И какъ шесть недѣль минетъ, и вы-бъ съ нихъ (перечисляются имена) кандалы велѣли снять и велѣли тому черному попу Арону въ Соловецкомъ монастырѣ стоять на клиросѣ, а бобылю Гаврилкѣ велѣли-бъ работать монастырскую работу съ монастырскими работники, и велѣли-бъ беречь ихъ съ великимъ береженіемъ, чтобы они изъ монастыря никуда не ушли. А посадскаго человѣка Гришку Судоплетова, сковавъ въ монастырскіе кандалы, велѣли-бъ посадить въ тюрьму и беречь такожъ съ великимъ береженіемъ, чтобы онъ изъ тюрьмы не ушолъ и дурна никакого надъ собою не учинилъ. А буде онъ, Гришка, раскается и захочетъ во иноческій чинъ постричься и вы-бъ его, Гришку, велѣли постричь въ рясу и отдали подъ начальство попу или старцу добру, искусну и крѣпкожительну и велѣли-бъ за нимъ подсматривать. А буде онъ учнетъ жить по монашескому чину, велѣли бъ постричь совершенно и велѣли-бъ въ томъ монастырѣ въ монастырскихъ службахъ, гдѣ доведется, а безъ нашего, преосв. митрополита, указу выпускать изъ монастыря никуды не велѣли-бъ. Писано въ Новѣ-градѣ 7186 (1678) г., іюля 18 дня».

Когда привезли арестанта въ монастырь, то вмѣстѣ съ грамотою или указомъ сдавали его настоятелю монастыря. Принявъ арестанта, настоятель, въ старое время, передавалъ его монастырскому городничему, въ болѣе позднее — караульному офицеру, вмѣстѣ съ инструкціею его содержанія. Всѣ вещи и деньги арестанта отбирались и сдавались на храненіе, вещи въ рухольную палату монастыря, а деньги казначею. Какъ у рухольнаго, такъ и у казначея имѣлись особыя книги, куда вписывались арестантскія деньги и вещи; деньги выдавались арестанту казначеемъ, по мѣрѣ нужды, по особой книжкѣ для каждаго арестанта. Изъ этихъ книжекъ видно, что аре-

станы тратили свои деньги большею частію на улучшеніе своей пищи и на чай. Если арестанту удавалось заработать какимъ-либо способомъ копейку, то въ большинствѣ случаевъ и эти сбереженія отдавались на храненіе казначею.

Сдѣлавъ опись отобраннымъ вещамъ и деньгамъ, заставляли арестанта подписаться подъ нею, и потомъ вели его въ казематъ. Вскорѣ послѣ заключенія, къ узнику являлся настоятель или духовникъ освѣдомиться, что за человѣкъ присланный, есть ли надежда на его исправленіе. Часто отъ этого перваго визита, отъ того впечатлѣнія, какое произведетъ арестантъ на начальника, зависѣла во многомъ та или другая строгость заключенія. Или запирался онъ накрѣпко въ своемъ казематѣ подъ самое строгое смотрѣніе, или давались ему извѣстныя льготы, дозволялись прогулки, посѣщеній церкви и другихъ узниковъ. Если присланный назначался не подъ карауль, т. е. въ тюрьму, а подъ присмотръ, то его отдавали на руки какому-либо монаху, который долженъ былъ наблюдать какъ надъ его нравственностію, такъ и надъ тѣмъ, дабы онъ утечки не учинилъ. Кромѣ этого, ему назначалась какая-либо работа, если она не была назначена ранѣе начальствомъ, приславшимъ арестанта. Потомъ монастырское начальство, которому было вмѣнено въ обязанность употреблять всевозможныя мѣры къ исправленію и наставленію на путь истины заблудшихъ, время отъ времени обходило съ цѣлію увѣщаній чуланы тѣхъ арестантовъ, коихъ велѣно исправлять. Эти посѣщенія, смотря по дѣятельности настоятеля, производились раза два въ недѣлю, а иногда и разъ въ нѣсколько мѣсяцевъ. Увѣщаніями занимались и сами настоятели, и другія лица изъ монашества, которымъ настоятель считалъ возможнымъ ввѣрить это трудное дѣло. Увѣщатели старались сначала, опираясь на св. писаніе, опровергнуть ученія арестантовъ, доказать ихъ заблужденія; но когда, часто, эти мѣры не только

не приводили къ раскаянію, то вызывали дерзкій отпоръ со стороны арестанта. Тогда употреблялись болѣе энергичныя мѣры. Арестанты, не слушавшіе увѣщаній, подвергались болѣе строгому заключенію: ихъ переводили въ худшіе казематы, уменьшали пищу, а въ рѣдкихъ случаяхъ сажали на цѣпь, надѣвали оковы и т. п. Однако, несмотря на всю важность успѣшности увѣщаній арестантовъ въ смыслѣ служебномъ, соловецкое начальство, по крайней мѣрѣ въ XIX ст., насколько я могъ судить по арестантскимъ офиціальнымъ дѣламъ, не пользовалось прямымъ насиліемъ при увѣщаніяхъ. Правда, увѣщанія бывали часты, настойчивы и арестантъ долженъ былъ выслушивать восхваленіе того, что онъ считалъ неправдою, и поруганіе тому, что онъ считалъ святынею.

Обыкновенно, въ первое время арестантъ горячо защищалъ свою вѣру, горячо спорилъ съ увѣщателемъ, но, наконецъ, увидя безполезность и вредъ для себя отъ этого, хладнокровно выслушивалъ все, что ему говорили, но крѣпко держался своихъ заблужденій. Другіе же, не въ состояніи будучи переносить тягости заключенія, не имѣя нравственной поддержки въ своихъ единомышленникахъ, входили въ сдѣлку съ совѣстію, рѣшались принести раскаяніе, и тѣмъ избавиться отъ заключенія. Лишь только узникъ высказывалъ намѣреніе раскаяться, немедленно присылался отъ настоятеля опытный инокъ, и скоро являлось чистосердечное, краснорѣчивое раскаяніе съ проклятіемъ прежняго заблужденія и слезною мольбою присоединить его къ святой церкви. Это раскаяніе посылалось въ синодъ. Послѣ нѣкотораго времени испытанія, арестантъ присоединялся къ церкви и выпускался изъ тюрьмы.

Но далеко не всегда эти краснорѣчивыя раскаянія на бумагѣ были таковыми же и на дѣлѣ. Нерѣдко написавшій такое раскаяніе измѣнялъ ему еще раньше, чѣмъ успѣвали услать бумагу въ синодъ. Иногда притворство [illegible]

ванія было такъ искусно, что сектанту удавалось уходить не только изъ тюрьмы, но и изъ монастыря, и уже много [illegible] дѣло показывало, что это было далеко не чисто- сердечное раскаяніе. Свобода, впрочемъ, [illegible] немедленно послѣ раскаянія, но всегда [illegible] два предварительно искуса. Весь успѣхъ [illegible] того, какъ удачно выдержитъ [illegible] искусъ: успѣвалъ его выдержать, т. е. [illegible] право- славнымъ креститься тремя [illegible], ходить по праздни- камъ въ церковь, [illegible] слушать и соглашаться во всемъ съ [illegible] тогда освобожденъ; не успѣвалъ [illegible].

Хотя побѣги арестантовъ изъ [illegible] въ случаѣ [illegible] [illegible], но все таки бывали. [illegible] монастырское начальство въ такихъ случаяхъ? [illegible] съ караула [illegible] самого [illegible] въ тюрьму. Изъ монастыря [illegible] [illegible] пригашенномъ [illegible] принимаемъ [illegible], [illegible] и [illegible] подозрительныхъ людей. По всему острову [illegible] людей [illegible] изъ монастырскихъ [illegible] бѣглецу [illegible], а особенно хлѣба, и [illegible] на островъ [illegible] отправлялся [illegible] изъ монастыря не уходило. В [illegible] отправлялись подъ присмотръ, чтобы не могли [illegible] слѣдуетъ: [illegible]. Такое осадное положеніе [illegible] до тѣхъ поръ, пока бѣглецъ не отыскивался [illegible], что онъ переѣхалъ на берегъ. На случай поимки арестанта, что чаще всего случалось, [illegible] подвергали допросамъ

—какъ и когда опъ убѣжалъ, не подговаривалъ ли кто къ побѣгу, не было ли пособниковъ и совѣтниковъ и т. д. Послѣ допроса бѣглеца заковывали въ ручные и ножные кандалы, а иногда приковывали его къ стѣнѣ на цѣпь. Доносилось о такомъ происшествіи и высшему начальству, и дѣло кончалось тѣлеснымъ наказаніемъ (обыкновенно плети) и усиленіемъ надзора.

Для того, чтобы арестанты какъ-либо не ухищрялись писать «зловредныя тетрадишки и воровскія письма», а равно, чтобы не могли сдѣлать какихъ-либо приготовленій къ побѣгу, въ арестантскихъ чуланахъ дѣлались караульными, совмѣстно съ монастырскимъ начальствомъ, обыски. При этихъ обыскахъ нерѣдко попадались запрещенныя вещи, въ родѣ лоскутковъ исписанной бумаги, бересты, угля и т. п. вещей, а иногда и цѣлыя сочиненія — тетрадки. Незначительные проступки, въ родѣ имѣнія запрещенныхъ вещей, наказывались монастырскимъ начальствомъ самостоятельно, а въ болѣе важныхъ, напримѣръ, при находкѣ какихъ либо сочиненій, доносилось или въ синодъ, или въ тайную канцелярію, и оттуда выходила резолюція.

Между арестантами попадались такіе неспокойные люди, которые не унимались даже въ тяжкомъ заключеніи и при всякомъ удобномъ случаѣ произносили «важныя и непристойныя слова». Такимъ неугомоннымъ людямъ въ ротъ вкладывали особый инструментъ, препятствующій говорить, называющійся клянъ. «А если начнетъ чаянія, говоритъ старая инструкція, оный колодникъ станетъ произносить важныя и непристойныя слова, то класть ему въ ротъ клянъ и вынимать, когда пища будетъ давана, а что произнесетъ онъ въ это время, то все сполна записывать и, содержа секретно, писать о томъ въ тайную канцелярію».

Непристойныя слова играли въ ту пору большую роль; въ дѣлахъ соловецкаго архива находится много доносовъ

и слѣдствій объ этихъ «словахъ». Доносили и монахъ на монаха, и подначальный на начальника, арестантъ на арестанта, даже духовникъ на исповѣдника. По доносамъ производились слѣдствія: много людей оговоренныхъ брали подъ караулъ, т.-е. сажали въ тюрьму, налагали оковы и производили допросы съ пристрастіемъ.

Были ли въ ходу пытки — положительно сказать не могу, хотя есть указаніе на ихъ существованіе. Архіепископъ холмогорскій Аѳанасій въ одной грамотѣ соловецкому архимандриту Варсонофію предписываетъ не производить пытокъ *). Можно полагать, что и послѣ этой грамоты истязанія для познанія истины были въ ходу. Такъ, въ 1774 году архангельскій губернаторъ снова посылаетъ соловецкому архимандриту слѣдующее сообщеніе:

«Въ 15 день сего мѣсяца удостоился я получить въ секретномъ предложеніи отъ его сіятельства г-на д. т. с. генералъ-прокурора и разныхъ орденовъ кавалера кн. Александра Вяземскаго имянное ея и. в. всевысочайшее повелѣніе о недѣланіи присутственнымъ мѣстамъ ни по какимъ дѣламъ, ни подъ какимъ видомъ никому никакихъ при допросахъ тѣлесныхъ истязаній для познанія о дѣйствіяхъ истины. И во исполненіе сего всевысочайшаго повелѣнія, предписавъ во всѣ вѣдомства моего присутственныя мѣста, за должное нашелъ, въ разсужденіи могущихъ иногда быть и въ Соловецкомъ монастырѣ такихъ дѣлъ, сообщить о томъ и в. в. преподобію, прося содержать оное въ глубочайшемъ секретѣ. Ноября 15 д. 1774 г.».

Конечно, если употреблялись при дѣлахъ съ арестантами эти мѣры старинного дѣлопроизводства и правосудія, то только въ особенно важныхъ дѣлахъ, напримѣръ когда арестантъ произносилъ важное и непристойное блеваніе (дѣло Жукова), или сочинялъ злодѣйственныя воровскія тетрадишки (дѣло Щербакова) **). Въ большинствѣ случаевъ доносы оказывались ложными, оговоренныхъ людей, полу-

*) Грам. духовн. особъ въ солов. ризницѣ № 287.
**) Соловецкій монастырь, архивъ, докум. № 159.

живыхъ отъ страха, выпускали на свободу, а ложнаго доносчика били плетьми. Если доносъ подтверждался, то опять плети, только не доносчику, а произносителю словъ. Доносы, будь они справедливы или нѣтъ, мало съ тѣмъ измѣняли положенія ссыльнаго; въ лучшемъ случаѣ могли считать его на хорошемъ виду и дать незначительныя льготы въ строгости заключенія. Но имъ этого было недостаточно. Заключеніе дѣлалось до того невыносимымъ, что они рады были принять и плети, и всякаго рода истязанія, лишь бы хоть на время освободиться, выйти изъ душнаго каземата, повидать людей. Для достиженія такой цѣли служило объявленіе «слова и дѣла».

Начальство, услышавъ страшное «слово и дѣло», сейчасъ начинаетъ допросы, что это за слово, но арестантъ не сдается, а говоритъ, что объявить это онъ можетъ только предъ самимъ государемъ. Дѣлать нечего, заковываютъ колодника въ кандалы, дадутъ ему провожатыхъ людей и отправляютъ въ Москву или въ Петербургъ. Долгъ былъ въ то время путь отъ Ледовитаго моря до Москвы, много удавалось повидать узнику и свѣту Божьяго, и людей дорогою, надышаться свѣжимъ воздухомъ. Привезли его въ Москву, а тамъ сказываетъ какіе-либо пустяки; бьютъ его плетьми, и снова отсылаютъ въ соловецкій казематъ. Съ переѣздами, допросами проходитъ цѣлый годъ, годъ жизни не въ примѣръ лучшей, чѣмъ въ казематѣ, и колодникъ доволенъ. Угодны стали дороги тѣмъ такія поѣздки въ Москву, многіе изъ нихъ стали объявлять важность или слово и дѣло, начальству наводили много хлопотъ и безпокойства. Во избѣжаніе этого, при посылкѣ нѣкоторыхъ арестантовъ, прямо объявлялось, что если они учнутъ сказывать важность или слово и дѣло, то въ томъ имъ, за мнимою ихъ подозрительностью, не вѣрить, оговоренныхъ ими людей подъ караулъ не брать, въ Москву ихъ не посылать, а за такое ихъ сказываніе чинить имъ на мѣстѣ наказаніе плетьми.

Нельзя сказать, чтобы монастырское начальство, въ лицѣ настоятеля, было всегда строгимъ, безсердечнымъ исполнителемъ нерѣдко суровыхъ предписаній высшаго начальства: нѣтъ, были между ними люди добрые, способные проникнуть въ душу несчастнаго арестанта, задѣть въ ней живую струну, видѣть въ арестантѣ не столько преступника, сколько несчастнаго человѣка.

Таковы были архимандриты **Варсонофій, Герасимъ, Иларій, Порфирій.**

Они дѣлали все возможное, чтобы сдѣлать положеніе арестантовъ насколько возможно сноснѣе: улучшали пищу, давали льготы относительно строгости заключенія, хорошо аттестовали предъ начальствомъ скромныхъ изъ нихъ, ходатайствовали объ освобожденіи ихъ, призрѣвали больныхъ. Но и для нихъ, при всемъ ихъ добромъ желаніи, не всегда возможно было дѣлать послабленіе арестантамъ, не вызвавъ доносовъ со стороны подчиненныхъ монаховъ. Такъ одинъ монахъ, наказанный за какой-то проступокъ архим. Варсонофіемъ, донесъ на него, что онъ мирволитъ государственнымъ арестантамъ, который посылалъ графамъ Толстымъ, сосланнымъ въ Соловки, на царскія именины по кружкѣ пива и меду. Архимандриту много нужно было писать, чтобы снять съ себя такое подозрѣніе, и это удалось ему только потому, что онъ былъ лично извѣстенъ въ Петербургѣ высшимъ властямъ.

Высшее начальство, посылавшее ссыльныхъ въ Соловки, тоже не всегда забывало ихъ, но проявляло о нихъ заботливость въ той или другой степени. Говоря «высшее начальство», я разумѣю тѣхъ, которые ссылали въ Соловки, а ссылали въ Соловки какъ духовныя, такъ и свѣтскія лица. Въ допетровское время ссылали патріархи, митрополиты, архіереи и самъ царь. Въ XVIII ст. большее число арестантовъ было присылаемо по распоряженію тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи, а потомъ по синодальнымъ резолюціямъ. Съ

1835 г. ссылать въ Соловки можно было только по высочайшему повелѣнію. Посылая человѣка въ ссылку или заточеніе, начальство требовало болѣе или менѣе частыхъ и точныхъ свѣдѣній объ его житьѣ и поведеніи. Въ XVI и XVII ст. свѣдѣнія эти требовались очень рѣдко, и лишь въ особенно важныхъ случаяхъ, напримѣръ, смерти бѣгства или раскаянія заточеннаго, монастырское начальство дѣлало о писку. Въ XVIII ст. требуются синодомъ уже болѣе частыя и точныя свѣдѣнія объ арестантахъ, черезъ полгода или 4 мѣсяца. Съ конца XVIII столѣтія начали ежегодно посылать въ синодъ вѣдомости о всѣхъ содержащихся арестантахъ съ обозначеніемъ: кто, съ какого времени, по чьему рѣшенію и за что заточенъ.

Одинъ несчастный случай — убійство арестантомъ часового и вызванная имъ ревизія острога, назначенная по высочайшему повелѣнію, побудили синодальнаго оберъ-прокурора гр. Протасова обратить особое вниманіе на соловецкихъ арестантовъ. Послѣ ревизіи Соловецкаго острога въ 1835 г. былъ смѣненъ архимандритъ Досиѳей, и на мѣсто его назначенъ архим. Иларій. Лишь только Иларій вступилъ въ управленіе монастыремъ, гр. Протасовъ потребовалъ отъ него самыхъ точныхъ свѣдѣній какъ о положеніи монастыря вообще, такъ и въ частности о состояніи содержащихся въ немъ арестантовъ. Такимъ образомъ, въ августѣ 1836 г. архимандритъ Иларій получилъ отъ графа Протасова слѣдующее отношеніе:

«Ваше в преподобіе, по вступленіи въ управленіе Соловецкимъ монастыремъ, конечно, не оставили войти въ разсмотрѣніе всего того, что относится до благоустройства сей обители и въ особенности до содержанія находящихся въ оной арестантовъ. Находя съ своей стороны нужнымъ имѣть подробныя свѣдѣнія о состояніи ввѣренной вамъ обители, я покорнѣйше прошу в. в біе доставить мнѣ таковыя свѣдѣнія съ мнѣніемъ вашимъ: какія могутъ быть приняты мѣры для приведенія сего монастыря въ должное благоустройство и для улучшенія положенія арестантовъ».

Въ сентябрѣ того же года архимандритъ Пларій послалъ гр. Протасову слѣдующія свѣдѣнія о положеніи арестантовъ въ Соловкахъ:

... «Касательно содержащихся арестантовъ честь имѣю донести в. сіятельству, что съ прибытія моего сюда всемѣрно стараюсь объ улучшеніи ихъ участи противъ прежняго. На сей конецъ, для душевной пользы ихъ, часто лично вижусь съ ними, дѣлаю, по обязанности, увѣщанія и вразумленія на ихъ сомнѣнія, которыя, чтобы не могли остаться безъ плодовъ, но были подкрѣпляемы непрерывно, поручилъ и монастырскому духовнику ходить къ нимъ. Равномѣрно и въ разсужденіи довольствія ихъ и житія, узнавая отъ самихъ о нуждахъ ихнихъ, сколько возможно удовлетворялъ оныя, какъ въ пищѣ, такъ и одеждѣ, и сдѣлалъ уже въ сбѣхъ сихъ статьяхъ прибавки. А для спокойнѣйшаго пребыванія въ своемъ жилищѣ, и чтобъ избавить отъ теперешняго стѣсненія и происходящихъ чрезъ то для нихъ тягостей, полагаю я вывести, живущую въ одной съ ними казармѣ, солдатскую команду, которой тутъ и быть неприлично, и при томъ безпокойно и утѣснительно для ней, а находились бы впредь одни часовые. Ибо при теперешнемъ помѣщеніи въ одной связи и арестантскихъ жилыхъ чулановъ и сей казармы бываетъ удушливая духота и тягость, вредящая здоровью, особенно въ зимнее время, когда нельзя свободно освѣжать въ покояхъ воздухомъ, какъ дѣлается сіе лѣтомъ, а только курится можжевельникомъ: при томъ и чуланы арестантскіе устроены съ отверстіями у каждаго вверху перегородокъ для прохода или тепла, отчего всякому изъ нихъ можно имѣть между собою словесное сообщеніе, къ утвержденію себя въ своихъ ересяхъ, и тѣмъ ослаблять или уничтожать дѣлаемыя имъ увѣщанія. Для вывода отсюда солдатъ, необходимо нужно рядомъ тутъ же выстроить для жилья имъ особенную казарму». (Далѣе, жалуясь на бѣдность монастыря, проситъ исходатайствовать отъ казны потребную для постройки сумму). «По выводѣ же солдатъ изъ арестантской связи, считаю весьма полезнымъ учредить, дабы они въ опорожненной казармѣ имѣли общую трапезу, за однимъ столомъ, а не каждый особо въ запертомъ своемъ чуланѣ, какъ донынѣ сіе соблюдается. Во время трапезы избранный мною изъ братіи читалъ бы имъ книги св. писанія и отеческія, кои

со временемъ непремѣнно могутъ произвести надъ кѣмъ-либо спасительное дѣйствіе, при помощи Божіей, а что есть изъ арестантовъ такіе, кои по своимъ ересямъ не пріемлютъ церковныхъ и иныхъ установленій, то времени и нудить ихъ къ участію съ прочими въ общей трапезѣ и къ слушанію слова Божія».

Эти свѣдѣнія для гр. Протасова оказались недостаточными. Черезъ два года онъ снова обращается къ архимандриту съ требованіемъ доставить ему, по указанной формѣ, именную вѣдомость содержащихся въ монастырѣ лицъ съ показаніемъ вины и противъ каждаго, по чьему распоряженію кто присланъ, когда, по какой причинѣ, сколько имѣетъ лѣтъ отъ роду, въ какомъ находится состояніи здоровья, содержится ли въ строгомъ заключеніи, или пользуется хотя нѣкоторымъ облегченіемъ, какъ-то прогулкою и т. п., какую употребляетъ пищу и какую имѣетъ одежду, имѣетъ ли книги для чтенія и какія, бываетъ ли на божественныхъ службахъ, часто ли получаетъ увѣщанія и духовное утѣшеніе, не терпитъ ли какихъ невыгодъ отъ стужи или сырости, какое имѣетъ призрѣніе въ случаѣ болѣзни, наконецъ, въ какомъ положеніи его разсудокъ и вообще степень умственныхъ понятій, такъ же какъ себя ведетъ, чувствуетъ ли свое заблужденіе или преступленіе?

На эти вопросы архимандритъ отвѣчаетъ гр. Протасову довольно подробно:

«При семъ честь имѣю представить на благоусмотрѣніе г. сіятельства по данной формѣ именную вѣдомость о лицахъ, заключенныхъ въ монастырѣ, съ подробнымъ въ ней о каждомъ описаніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ долгомъ считаю объявить, что означенные въ вѣдомости люди заключены по воспослѣдовавшимъ о нихъ высочайшимъ повелѣніямъ, кромѣ одного, крестьянина Н... Вакорина, которые поступили вслѣдствіе состоявшагося положенія комитета гг. министровъ; во время ихъ въ случаѣ болѣзненныхъ требованій, также и помѣшательства разума, лѣченія здѣсь не бываетъ, по неимѣнію ни медиковъ, ни лѣкарствъ, кромѣ обыкновенныхъ пластырей для случающихся иногда на-

ружныхъ вередовъ при работахъ и при другихъ случаяхъ; но для утоленія въ какой-либо временной [illegible] дается имъ чай или шалфей и лѣкарственныя травы, [illegible] здѣсь растущія, смотря по человѣку и по его къ симъ питьямъ расположенію; раскольникамъ же, не употребляющимъ оный, дается медъ. Не только они [illegible], но и всѣ вообще содержащіеся здѣсь, [illegible] до [illegible], [illegible] пользованія не имѣютъ, но въ несостоятельность [illegible] на молитвы св. [illegible] угодниковъ Божіихъ, хотя въ нашихъ сохраняются въ [illegible] аптекъ. Изъ числа заключенныхъ лицъ, значущихся въ вѣдомости, то [illegible] безз[illegible]ніе, но и то одинъ давно нарушивый грѣхомъ, другой дав[illegible], а третій отъ старости, да трое находятся въ сумасшествіи, какъ-то: поручикъ Александръ Горожанскій, государственный крестьянинъ Өедоръ Рабочій и рядовой Павелъ Смирновъ, коихъ всѣхъ нужно бы отправить въ г. Архангельскъ для пользованія въ домъ умалишенныхъ, по примѣру подобнаго же сумасшедшаго, бывшаго въ здѣшнемъ острогѣ, мастеровой [illegible], который туда отправленъ съ разрѣшенія св. Синода, ибо ся болѣзнь все болѣе и болѣе усиливается, а затѣмъ и духовнымъ увѣщеніемъ они не пользуются [illegible]. Въ [illegible] книги для чтенія заключеннымъ [illegible] и біб[illegible] [illegible]. Новы [illegible] Іоанна Златоустаго, Василія Великаго, [illegible] и подобныя, также [illegible] [illegible], которыя [illegible] нужна, а [illegible] «Христіанское [illegible]», которыя я собственно для себя получаю и [illegible]. Въ четверыхъ посѣщеніяхъ заключенныхъ для об[illegible]ныхъ [illegible] ихъ дѣлаю я много каждую и [illegible] одинъ, два и три раза, [illegible]; кромѣ сего, по порученію моему, духовникъ монастырской [illegible]. Помѣщенія заключенныхъ сухія и всегда теплыя, кромѣ только [illegible]ныхъ къ надворнымъ стѣнамъ, кои отъ того имѣютъ сырость и то небольшую, а всѣ находящіеся тутъ [illegible] въ своей непорочной натурѣ [illegible] и [illegible] холода. А одежда да тѣмъ монастырская теплая и зимняя вѣмъ равно, пища братская, такъ что одна сія пища составляетъ монастырю

болѣе отпускаемой годовой суммы на каждаго человѣка на все вообще содержаніе, т.-е. пищу, и одежду, и обувь, по 160 рублей.

«Не лишнимъ, со своей стороны, нахожу присовокупить на благоусмотрѣніе в. сіятельства особое описаніе о трехъ разногласіяхъ раскольническихъ, называемыхъ: 1) о е д о с ѣ в с щ и н а, 2) м о р е л ь щ и к и, 3) с т р а н н и к и, къ коимъ изъ числа заключенныхъ принадлежитъ 12 человѣкъ, и сдѣлалъ сіе описаніе съ ихъ словъ. А прочіе арестанты принадлежатъ къ сектамъ уже извѣстнымъ по ихъ наименованіямъ, другіе суть держащіе наше православное исповѣданіе, или за особыя преступленія присланы. Хотя участники въ сектахъ раскольническихъ по опымъ между собою несогласны, отъ различія ихъ мудрованій, и явные одни другимъ порицатели, но ненависть къ нашей святой церкви у нихъ единодушная.

«По сей причинѣ не соглашаются и трапезу имѣть всѣ за однимъ столомъ, какъ я предлагалъ де учредить съ чтеніемъ во время оной книгъ св. писанія и отеческихъ для содѣйствія ихъ обращенія къ православію. Таковое ихъ несогласіе происходитъ отъ того, какъ нынѣ узнано мною, что предъ обѣдомъ и по обѣдѣ читать должно, по нашему церковному уставу, молитвы, и притомъ здѣсь издревле соблюдается слѣдующій благочестивый обычай: ежедневно предъ обѣдомъ, по божественной литургіи, окропляется, съ произношеніемъ молитвъ, святою водою изготовленная пища какъ на кухнѣ, такъ и въ трапезной; со святою водою и св. крестомъ ходятъ для сего по очереди іеромонахи. Раскольники изъ ненависти къ нашимъ церковнымъ установленіямъ, по полученіи принесенной съ поварской кухни для всѣхъ пищи, разносятъ ее каждый въ свой чуланъ, и тамъ прежде полагаютъ поклоны, чтобы безгрѣшно могъ употреблять ее, по причинѣ нашего окропленія и молитвъ, тогда уже начинаетъ обѣдать. Сіе невѣжественное мнѣніе ихъ и не допускаетъ участвовать въ общественномъ обѣдѣ».

Записка о раскольническихъ сектахъ.

1. Ѳедосѣевщина.

Браку у нихъ не имѣется, присоединяющихся же къ нимъ отъ православной церкви женатыхъ перекрещиваютъ по

своему и налагаютъ эпитимію, послѣ чего мужъ съ женою живутъ невозбранно. Рождающихся отъ нихъ дѣтей, такъ и отъ оныхъ, не имѣющихъ брака, крестить избранный на то наставникъ; за государя молятся, но въ молитвахъ говорятъ вмѣсто благочестивѣйшаго о самодержавномъ. Сей секты нижеслѣдующіе арестанты:

1. Иванъ Ѳедотовъ.
2. Сергѣй Гнусинъ,
3. Семенъ Шубинъ,
4. Никодимъ Вакорпинъ,
5. Архипъ Павловъ,
6. Василій Герасимовъ,
7. Тарасъ Семеновъ,
8. Козьма Макѣевы.
9. Филиппъ

Всѣ одного согласія.

10. 8-го класса чиновникъ Александръ Крестинскій, новожен., потому что вѣнчанъ былъ православнымъ священникомъ въ нашей святой церкви, и потомъ уже къ оной сектѣ присоединился. О бракѣ онъ имѣетъ мнѣніе, что должно быть оному, а совершеніе его таинства въ нашей церкви отвергаетъ, яко не признающій ея дѣйствія, по единомыслію своему съ раскольниками. Съ вышепомянутыми безбрачниками не имѣетъ согласія еще и въ томъ, что вмѣстѣ съ ними не молится и не ѣстъ, во всѣхъ же прочихъ раскольническихъ мудрованіяхъ ихъ согласенъ съ ними. Для таковыхъ новожоновъ исключительно имѣется для моленія въ Москвѣ, въ Покровскомъ, моленная, въ которой и крестятъ и браки совершаютъ сами безъ священниковъ и безъ употребленія вѣнцовъ, при чемъ ни Апостола, ни Евангелія не читаютъ, а только служатъ молебенъ всемилостивому Спасу и пречистой Богородицѣ, особо ими на то сочиненный. И если дѣти какъ вышеупомянутыхъ не признающихъ брака коренныхъ раскольниковъ, такъ и рождающихся отъ сихъ новожоновъ, пожелаютъ вѣнчаться, то бракъ совершается въ сей же Покровской моленной и потомъ повобрачные сіи облагаются, по вышеписанному, эпитиміею подобно новожешамъ.

2. Называемые страннии.

Сей секты не помнящій родства бродяга Егоръ Иванов ъ знаетъ, что власти на землѣ есть, а что онѣ по Божію про-

[illegible] устав [illegible] не [illegible] сего и не почитаютъ [illegible] [illegible]; во случаѣ же [illegible] [illegible] солдато[illegible] [illegible] съ собою [illegible] голодомъ, [illegible]. [illegible] не молятся и не ѣдятъ и всѣ они суть перекрещиванцы.

Ѳедоръ Хомяковъ — крещенъ въ грекороссійской церкви, [illegible] и не хочетъ [illegible]. Предпочитаетъ секту Ѳедосеевцевъ и [illegible] говоритъ, что [illegible] желаніе присоединиться [illegible] и никакихъ увѣщаній, дѣлаемыхъ ему, не принимаетъ.

3. Морельщики.

Сей [illegible] Егоръ Афанасьевъ крещеніе принялъ [illegible] отъ [illegible], и перекрещиваніе въ ихъ секту [illegible] никогда, но преданіи церковныхъ не признаетъ [illegible] на [illegible] Спаса. И [illegible], по мнѣнію ихъ, пожелаетъ спасти душу свою, то, [illegible] и дѣтей своихъ, оставляетъ [illegible] другихъ [illegible], а [illegible] умориваютъ себя голодомъ, [illegible] мученики. Ни съ какими другими [illegible] не согласны, а [illegible] ни съ кѣмъ вмѣстѣ не молятся и не ѣдятъ.

[illegible] перемѣны было отдѣленіе караула [illegible] команды отъ арестантовъ: солдатамъ была [illegible] особая казарма, тюрьма увеличена. Въ слѣдующіе годы, во время прокурорства [illegible] и [illegible] [illegible]. Прокуроръ [illegible] запретами какъ бы [illegible] начальство находить всевозможные случаи [illegible] облегчить участь заключенныхъ.

V.

[illegible] сношеній между коренными жителями [illegible] и ссыльными людьми несомнѣнно должна была ока-

зывать извѣстное вліяніе на обѣ стороны. На сторонѣ [illegible] на-[illegible] была сила власти, извѣстная устойчивость, [illegible] [illegible]ость мнѣній [illegible] сказать [illegible] далеко не одиночныхъ ссыльныхъ. На сторонѣ ссыльныхъ, въ большинствѣ случаевъ людей убѣжденій, была сила нравственной устойчивости, крѣпкій характеръ, идея и страданіе за нее, какъ бы она зачастую ни была дика и нелѣпа. Но они были одиночны, въ положеніи людей подозрѣваемыхъ, противъ вліянія которыхъ говорило ихъ положеніе. Сектанты не были сильны своимъ количествомъ, не [illegible] нравственной поддержки въ своей средѣ, напротивъ, какъ люди разныхъ раскольничьихъ мнѣній, считая [illegible] свою вѣру единственно способною привести къ спасенію, а всѣ прочія только [illegible] въ душевною [illegible] и достойною проклятій, ссыльные разныхъ толковъ [illegible] имъ легко, [illegible] среди между собою проклинали другъ друга и тѣмъ [illegible] подрывали свое ученіе. Несмотря на это неблагопріятное [illegible] ссыльныхъ сектантовъ, и [illegible] на строгій надзоръ надъ ними, ссыльные все-таки время отъ времени [illegible] задумываться тюремныхъ въ [illegible] монаховъ, а иногда даже промѣнять [illegible] на ученіе ссыльнаго.

Чѣмъ глубже [illegible] мы въ [illegible] времена, тѣмъ [illegible] его вліяніе идей и ученій ссыльныхъ [illegible]. Такъ, игуменъ Артемій, сосланный при Грозномъ [illegible] съ Башкинымъ, несмотря на строгій надзоръ [illegible] монастырскаго начальства, тотъ успѣлъ совратить на [illegible] сторожа, что [illegible] Особенно сильно вліяніе ссыльныхъ [illegible] было въ эпоху [illegible] обрядовъ, [illegible] никоновской реформы. [illegible] людей (имена ихъ не [illegible]), [illegible] въ Кандалакшскомъ монастырѣ, а потомъ [illegible] въ [illegible], сильно распространили расколъ [illegible]

ликое смятеніе, за что грамотою новгородскаго митрополита велѣно ихъ заковать въ желѣза и бросить въ тюрьму (Грам. дух. ос., № 135). Общее недовольство настолько успѣшно было раздуваемо ссылочными людьми, что обратилось въ явный бунтъ. Ссыльные мистики начала настоящаго столѣтія, въ родѣ игумена Израиля, есаула Котельникова и іеромонаха Іеронима, свели не одного монаха съ обычнаго пути аскетическихъ умствованій. Даже представители такой противоестественной секты, какъ скопцы, имѣли успѣхъ среди монашества. Въ соловецкомъ архивѣ находится дѣло о монахѣ Ѳеофанѣ Акуловѣ, который оказался оскопленнымъ. Одинъ архимандритъ въ своемъ донесеніи оберъ-прокурору синода жалуется, что изъ монашествующихъ некому поручить дѣлать увѣщанія еретикамъ, ибо невѣжественные и глупые неспособны это дѣлать, а когда были поручены увѣщанія еретиковъ болѣе ученымъ и умнымъ, то они не только не имѣли успѣха, но сами увлеклись еретичествомъ *). Если принять во вниманіе, что я говорю о такихъ случаяхъ, которые мнѣ удалось найти въ дѣлахъ архива, а не касаюсь того вліянія, которое не получило оффиціальной огласки, то станетъ понятнымъ, что воздѣйствія ссыльныхъ на монаховъ было далеко не малое.

Что касается вліянія монаховъ на ссыльныхъ, которые спеціально посылались въ монастырь для исправленія, и монастырское начальство по обязанности должно было употреблять всѣ усилія, чтобы обратить заблуднаго на путь истины, то успѣхи начальническихъ увѣщаній были далеко не блистательны. Почти изъ 200 ссыльныхъ найдутся единицы, которыя подъ вліяніемъ монашескихъ увѣщаній добровольно, чистосердечно раскаялись; нѣсколько болѣе изъявили притворное раскаяніе, чтобы избавиться чрезъ это

*) Донесеніе архимандрита Александра въ 1855 году.

тюрьмы и ссылки. Но за то громадное большинство изъ нихъ остались вѣрны своимъ ученіямъ, недоступны никакимъ увѣщаніямъ монашествующихъ.

VI.

Первымъ ссыльнымъ въ Соловки, о которомъ сохранилось письменное извѣстіе, былъ игуменъ Троицкаго монастыря Артемій. Онъ обвиненъ былъ въ соучастіи и единомысліи ереси Башкина и осужденъ духовнымъ соборомъ, собраннымъ Грознымъ въ 1554 г. Я не буду касаться подробностей обвиненія Артемія, — желающіе найдутъ это въ общихъ руководствахъ по русской исторіи *), скажу только въ нѣсколькихъ словахъ о винѣ Артемія. Артемія обвиняли въ соучастіи Башкину, который отвергалъ божество Іисуса Христа, церковные правила и обряды, св. угодниковъ, и изрыгалъ на нихъ хулы, особенно на Николая Чудотворца, не поклонялся иконамъ и называлъ ихъ идолами. Въ число обвиненій Артемію поставили и то, что онъ ѣздилъ въ нѣмецкій городокъ искать того человѣка, который могъ бы говорить съ нимъ книгами о вѣрѣ. Артемій былъ приглашенъ сначала на соборъ, судившій Башкина, не въ качествѣ обвиняемаго, но какъ членъ собора, по будучи предупрежденъ, что его подозрѣваютъ въ единомысліи съ Башкинымъ, счелъ за благо скрыться изъ Москвы, что и поставлено было ему потомъ въ вину. Вынужденный послѣ явиться на тотъ соборъ, Артемій былъ обличенъ Башкинымъ, который при допросахъ Грознаго, «звеся языкъ», выдалъ всѣхъ своихъ единомышленниковъ, и многими другими доносчиками въ разныхъ мелочныхъ выраженіяхъ относительно вѣры. Несмотря на слабыя улики, но должно быть за рѣзкіе отвѣты, соборъ осудилъ Артемія и послалъ въ Со-

*) Костомаровъ, Монографіи; Соловьевъ. Ист. Россіи съ древнихъ временъ; Макарій, И. Р. Ц., т. VI, стр. 250.

ловки подъ строгій началъ. Онъ присланъ былъ въ Соловки при грамотѣ отъ имени митрополита Макарія и всѣхъ присутствовавшихъ на соборѣ, изъ которыхъ я позволю себѣ привести то мѣсто, которое касается строгости содержанія Артемія въ Соловкахъ. Послѣ изложенія винъ и свидѣтельскихъ показаній противъ Артемія грамота излагаетъ такое рѣшеніе собора:

«Сего ради съ благочестивѣйшимъ царемъ соборъ осудихомъ... повелѣхомъ отвести бити ему въ честную обитель боголѣпнаго преображенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, во общій монастырь преподобныхъ и богоносныхъ Савватія и Зосимы, соловецкихъ чудотворцевъ, къ духовному настоятелю, игумену Филиппу со всею о Христѣ съ братіею. Пребывати же ему внутрь монастыря съ великою крѣпостію и множайшимъ храненіемъ, заключену же ему быти въ нѣкоей кельѣ молчательной, да яко и тамо душевредный и богохульный недугъ отъ него ни на единаго же да не распространится, и да не бесѣдуетъ ни съ кѣмъ же, ни съ церковными, ни съ простыми того монастыря или инаго монастыря мнихи; ниже писанія глаголати ему къ кому, или учить кого, или инако мудрованіе, или къ нѣкоимъ посланія посылати, или отъ нѣкіихъ посланья пріимати, или слово, или кую вещь, или ино что, ниже собою, ниже иными, ниже сообщатися и дружбу имѣти съ кѣмъ, или нѣкіимъ смѣти ходатайство свойственно и приязненно показати къ нему, но точію затворену и заключену въ молчаніи сидѣти и каятися о прелести еретичества своего, въ неже впаде. Да обращаяся обратится къ истинѣ и тѣмъ исправлятися, да никто же отъ него погибнетъ. Сего ради и тяга ему соборная отъ насъ наложена есть, яко быти ему во отлученіи и необщеніи совершеннѣмъ, дондеже обратится отъ своего нечестія и въ конецъ покается и исправится во истину, и тогда вся о немъ да совершатся по священнымъ правиломъ. Того ради повелѣхомъ дати ему единаго отъ добродѣтельныхъ и православныхъ иноковъ, презвитера, и да исповѣдается ему и кается, и той священникъ да смотритъ и испытуетъ о немъ: аще истинно есть покаяніе его, и о томъ о всемъ извѣщаетъ настоятелю духовному, тебѣ игумену Филиппу, да и самъ ты, игуменъ, его временемъ наказуй и поучай отъ боже-

совершенно наказанія о всѣхъ полезныхъ къ его обращенію. И аще прилежно и трудолюбезно житіе его, и таковъ аще будетъ, да причастится въ болѣзни при смерти; аще оздоровѣетъ отъ недуга, да пребываетъ безъ святаго и пречистаго причащенія на всегда, точію при смерти да причастится. [illegible] на молитву и моленіе и прочитываніе, [illegible] же смерть [illegible] со священнымъ соборомъ повелитъ ему яко же ко Господу Богу обращатися и каятися отъ бѣсовскія прелести его и ученія; отъ прочихъ же книгъ вселенскихъ учителей [illegible] со всякимъ опасеніемъ соблюдатися и не мудрствовати, якоже прежде мудрствовалъ. Подобаетъ же со всякимъ разсмотреніемъ и мудрованіемъ испытовати и смотрети житіе его, аще истинно, свято и нелестно обращеніе его въ православіе, и аще плоды духа имать свидѣтельствующа къ спасенію, и сокрушенно сердце и смиренъ разумъ, и покаяніе, и исповѣданіе прилежно. Подобаетъ же и тому самому старцу, который къ нему приставленъ, съ вѣрою съ великимъ опасеніемъ соблюдати себя отъ всего, да не како повиненъ будетъ. Такъ же и той самый архимандритъ да соблюдаетъ себя зверьнаго прежь реченныя ради вины, иже аще приходити къ нему хотятъ [illegible] ради, и [illegible] же надъ симъ смотрѣти неприлежна, яко да не изыдутъ отъ него [illegible] къ кому же ничто же, ниже отъ кого къ нему пріидутъ и дадутъ или пошлютъ что нибудь же, ни когда же, ни ко инымъ ниже къ мирянамъ. [illegible] отъ [illegible] архіепископу Пимену Великаго Новагорода и Пскова [illegible] истинно [illegible] той [illegible], и архимандритъ [illegible] списывати о томъ [illegible] царю и великому князю и нашему смиренію [illegible] да не скрываетъ благо или зло. Аще [illegible] обращеніе его въ православной вѣрѣ Господа [illegible] Іисуса Христа, да уразумѣетъ о семъ великій и [illegible] Божественнаго писанія и [illegible] святыя церкви и нашего смиренія [illegible] и христолюбиваго царя, государя великаго князя Ивана Васильевича всея Руси самодержца повелѣніемъ о всѣхъ полезныхъ православной нашей вѣрѣ и къ душевной пользѣ о всѣхъ благочестивыхъ, хотящихъ каятися [illegible], и таковыхъ святая соборная апостольская церковь пріемлетъ и о всѣмъ исправляти повелѣваетъ по священнымъ правиломъ. Аще ли не учнетъ кая-

тися, но пребывать имать въ своемъ злочестіи, и тогда держать его въ велицей крѣпости, дондеже обратится и покается, и тогда вся о немъ да совершатся по священнымъ правиломъ.

Елицы же чрезъ заповѣданіе и запрещеніе наше къ нему дерзнутъ или послапья посылати, или бесѣдовати, или учити, или никако како пріобщатися, или явне, или тайне, таковіи убо вси, аще и въ величествѣ кто будетъ, или властію, или саномъ пѣкимъ почтены отъ православнаго и христолюбиваго великаго державнаго государя нашего великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи самодержца и отъ нашего смиренія и отъ всего великаго и божественнаго собора безо всякаго сомнѣнія и извѣта единосовѣтники и единомыленницы да вмѣнятся ему, и тѣмъ же судомъ да сужени будутъ, яко богохульніи единомыленницы и поборницы, ихъ же подобаетъ ненавидѣти совершенною ненавистію, яко же речетъ благочестивый Иванъ Златоустъ... и таковіи убо и отъ нашего смиренія и отъ всего великаго и божественнаго собора сими міями и отлучени накажутся; аще-ли-жъ и еще не послушныя имѣютъ и не утрезвятся и не ущѣломудрятся, тогда духовными мечи да разсѣкаемы будутъ, отъ православнаго же и христолюбиваго и боговѣнчаннаго царя нашего государя великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи самодержца законную казнь пріимутъ. И по свидѣтельству закона сія изложена и утверждена и списана быша въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ лѣто 7062, мѣсяца генваря въ 21 день. (Грамота Солов. ризн. № 295).

Неизвѣстно, долго ли Артемій пробылъ въ такомъ заключеніи, но ему удалось пріобрѣсти, вопреки всѣмъ запрещеніямъ, друзей и съ помощію ихъ бѣжать изъ Соловокъ. Бѣжалъ онъ за рубежъ, въ Литву, гдѣ, по сказаніямъ Курбскаго, былъ ярымъ защитникомъ православія и написалъ нѣсколько книгъ въ защиту его. Это послѣднее обстоятельство показываетъ, какъ шатки были обвиненія собора противъ Артемія.

Время и мѣсто кончины Артемія неизвѣстны.

Въ числѣ членовъ собора, осудившихъ Артемія, былъ протопопъ Сильвестръ, авторъ «Домостроя», которому и

самому вскорѣ привелось испытать участь Артемія. Попавши въ немилость къ Грозному, онъ въ 1560 г. былъ также сосланъ въ Соловки въ заточеніе. Письменныхъ извѣстій о его ссылкѣ не имѣется; указываютъ только. по преданію, его могилу близъ Преображенскаго собора. Надо полагать, что строгость его заключенія много смягчалась тѣмъ, что настоятелемъ монастыря былъ въ то время его хорошій знакомый. игуменъ Филиппъ, потомъ митрополитъ московскій.

VII.

Въ 1606 году по распоряженію В. Шуйскаго присланъ былъ въ Соловецкій монастырь крещеный татарскій царь Симіонъ Бекбулатовичъ. Въ старинной исторіи Соловецкаго монастыря онъ названъ вторымъ царемъ Казанскимъ. По позднѣйшимъ изслѣдованіямъ *) сосланный въ Соловецкій монастырь Симіонъ Бекбулатовичъ былъ не царь Казанскій а царь Касимовскій. впослѣдствіи царь «всеа Русіи и наконецъ царь Тверской. Въ магометанствѣ онъ назывался Саинъ-Булатъ Бекбулатовичъ. Когда онъ получилъ въ управленіе Касимовъ, въ точности неизвѣстно, но не ранѣе 1567 г., когда умеръ его предмѣстникъ Шахъ-Али. Принявъ около половины 1563 года христіанство подъ именемъ Симіона. онъ не могъ оставаться владѣльцемъ Касимова, города. считающагося еще долго послѣ него исключительно магометанскимъ.

Бекбулатовичъ за свою непрерывную и усердную службу Россіи пользовался особымъ благоволеніемъ царя Ивана Васильевича Грознаго, который еще до крещенія Бекбулатовича далъ ему титулъ хана. Милости и довѣріе Грознаго къ Симіону Бекбулатовичу были настолько велики. что одно

*) Русск. Ст. 1888 г. кн. VI. сообщенія П. Шишкина и П. Левицкаго.

время Грозный раздѣлилъ свою царскую власть съ Бекбулатовичемъ и далъ ему титулъ «царя всеа Русіи». Въ Морозовской лѣтописи говорится, что Іоаннъ Грозный раздѣлилъ свое царство на двѣ части: «одну себѣ отдѣли, другую царю Симіону поручи». Но такое исключительное положеніе крещеный татарскій ханъ занималъ не долго: на второй годъ своего царствованія онъ былъ разжалованъ и лишенъ своего необычайнаго титула, получивъ титулъ царя Тверского.

Но и разжалованный, Бекбулатовичъ продолжалъ вѣрой и правдой служить московскому князю, пока за вѣрность ему, по приказанію Лжедмитрія, въ 1606 г. былъ постриженъ въ монахи. На основаніи историческихъ данныхъ есть основаніе заключить, что Симіонъ Бекбулатовичъ сначала былъ посланъ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, гдѣ 3 апрѣля 1606 г. и былъ постриженъ подъ именемъ Стефана. Въ Кирилловомъ монастырѣ инокъ Стефанъ пробылъ только два мѣсяца. Вскорѣ послѣ постриженія посланъ былъ туда изъ Москвы дворянинъ Өедоръ Сунцевъ, которому приказано было взять Бекбулатовича изъ этого монастыря и отвезти въ Соловки.

Во время междуцарствія онъ писалъ просьбу Пожарскому и прочимъ боярамъ, прося освободить его отъ соловецкаго житія. Просьба его была уважена, и въ отвѣтъ получена отъ Пожарскаго такая грамота:

«Въ Кирилловъ монастырь игумену Матоею съ братіею, бояра и воеводы и Димитрій Пожарскій съ товарищи бьютъ челомъ. Билъ намъ челомъ старецъ Степанъ Бекбулатовъ, а сказалъ: велѣлъ де его постричь въ Соловецкомъ монастырѣ воръ, что былъ на Москвѣ, растрига Гришка Отрепьевъ; и нынѣ де ему въ Соловецкомъ монастырѣ нужа великая и намъ бы ему велѣти быти въ Кирилловѣ монастырѣ, и по совѣту всей земли велѣли есмя старцу Степану Бекбулатову быти въ Кирилловѣ монастырѣ, и на Соловки о томъ отписано-жъ; а велѣли старца Степана съ Соловокъ отпу-

стити и проводити до Кириллова монастыря соловецкимъ служкамъ. И какъ къ вамъ въ Кирилловъ монастырь старецъ Степанъ Бекбулатовъ и съ нимъ соловецкіе служки пріѣдутъ, и вы бы старца Степана у тѣхъ соловецкихъ взяли, и устроили его въ Кирилловѣ монастырѣ, и покоили его по монастырскому чину, какъ прочую братію... Писано въ Ярославлѣ, лѣта 7120. Іюля въ 25 день». (Ист. оп. Сол. м., арх. Досиѳея, т. I, стр. 108).

Инокъ Стефанъ умеръ въ 1616 году.

По приговору Пожарскаго съ боярами въ 1612 году былъ присланъ въ Соловки для самаго тяжкаго тюремнаго заключенія атаманъ разбойнической шайки Петръ Отяевъ. Онъ во время междуцарствія рыскалъ со своею шайкою по Московскому государству, оскверняя и разоряя монастыри и храмы и избивая по деревнямъ беззащитный народъ

По грамотамъ патріарха Филарета сосланы въ Соловки:

1623 г. Боярскій сынъ Ѳедоръ Семенскій подъ началъ въ хлѣбню за насильное постриженіе своей жены.

1627 г. Хутынскаго монастыря дьяконъ Ефремъ за то, что онъ «дѣйствовалъ священническая».

Того же года. Подъ началъ въ черную работу Троице-Сергіева монастыря старецъ Пахомъ Пащокинъ «за блудъ и другое его неистовство». Въ 1627 г. освобожденъ отъ черныхъ работъ.

1628 г. Казначей Суздальскаго монастыря старецъ Ѳеофанъ «за грубость».

Того же года. Дьячекъ Васька Марковъ за растлѣніе своей дочери, подъ строгій надзоръ.

По грамотамъ Аффонія, митрополита новгородскаго:

1) Въ 1641 г. Черный попъ Гедеонъ за то, что пьяный вышелъ изъ алтаря безъ ризъ; его велѣно держать 6 недѣль на цѣпи и сѣять муку, а потомъ дозволить служить.

2) 1648 г. Посланъ въ тяжкіе труды черный попъ Нектарій за то, что на церковный помостъ «испустилъ воды».

Черезъ годъ ему разрѣшили служить.

Въ 1652 году, по грамотѣ Никона, митрополита новгородскаго, былъ вызванъ къ нему изъ Соловокъ подначальный старецъ Арсеній грекъ, какъ человѣкъ образованный, ученый, для исправленія богослужебныхъ книгъ. Онъ сосланъ былъ въ Соловки по подозрѣнію въ неправославномъ образѣ мыслей, какъ человѣкъ, получившій образованіе въ латинскихъ западныхъ училищахъ и принимавшій временно латинство, чтобы быть допущеннымъ въ эти училища [*]).

Въ первыхъ годахъ второй половины XVII столѣтія въ Соловки было сослано очень много людей за непризнаніе и протестъ противъ никоновской реформы по исправленію богослужебныхъ книгъ: между ними особенно видное мѣсто занимаетъ кн. Львовъ, начальникъ печатнаго двора въ Москвѣ. Точно годъ, въ который былъ онъ сосланъ, не извѣстенъ, но въ 1657 г., когда былъ присланъ въ Соловки исправленный служебникъ, въ числѣ ссыльныхъ былъ и кн. Львовъ. Въ 1655—1656 гг. былъ соборъ изъ греческихъ и русскихъ святителей для разсмотрѣнія исправленнаго служебника и, кажется, въ это время и былъ выслалъ кн. Львовъ. Видной роли въ подготовленіи возмущенія соловецкихъ монаховъ онъ не игралъ: живя въ монастырѣ, занимался болѣе кутежами, чѣмъ ратоборствомъ за старину. Въ началѣ возмущенія монаховъ, онъ былъ увезенъ изъ Соловокъ.

Явное возмущеніе соловецкихъ старцевъ противъ церковной, а потомъ и государственной власти выразилось въ 1666 г. и продолжалось до взятія монастыря воеводою Мещериновымъ въ 1676 г. Конечно, въ этотъ періодъ въ Соловки ссыльныхъ не присылали. Послѣ умиренія монаховъ, первымъ ссыльнымъ явился Иванъ Мещериновъ, тотъ самый, который взялъ монастырь и усмирилъ монаховъ.

Взойдя въ монастырь, какъ побѣдитель, Мещериновъ рас-

*) Соловьевъ, Ист. Росс., т. XI, стр. 284.

стною рукою бралъ себѣ монастырскія богатства и принималъ отъ побѣжденныхъ старцевъ богатые дары. При занятіи монастыря онъ обошелся съ побѣжденными по варварски: всѣ деревья кругомъ монастыря были увѣшаны трупами монаховъ, толпа полуживыхъ черноризцевъ была выгнана изъ монастыря на морскую губу въ январскіе морозы и тамъ монахи были заморожены. Убитые, повѣшенные и замороженные монахи валялись около монастыря не погребенными до лѣта. Только немногіе счастливцы, которые имѣли возможность дать суровому воеводѣ богатые дары, остались въ живыхъ. О разграбленіи монастырскаго имущества воеводою-побѣдителемъ было донесено въ Москву и оттуда послалъ князь Волконскій для изслѣдованія дѣла. Донос подтвердился и побѣдитель попалъ въ число подначальныхъ людей. Сторону Мещеринова держалъ архіепископъ Варсанофій, въ вѣдѣніи котораго состоялъ тогда Соловецкій монастырь: онъ часто писалъ грамоты соловецкому архимандриту, прося оказывать снисхожденіе и пріятство Мещеринову. Стараніями Варсанофія Мещеринов, около 1680 г., былъ освобожденъ.

Аѳанасіемъ, архіепископомъ холмогорскимъ, сосланы въ Соловки:

1) 1681 г. Черный попъ Симіонъ «за непокорство», подъ строгій надзоръ, чтобы держать его въ хлѣбнѣ на цѣпи.

2) 1685 году. Казначей архіепископа Аѳанасія іеромонахъ Сергій подъ начал за скаредныя дѣла. Въ 1685 г. посаженъ подъ карауль за его воровскія письма»; послѣ былъ держанъ въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ, но, по просьбѣ воеводы Кондратія Нарышкина, былъ раскованъ.

3) 1695 г. Житель г. Архангельска Ивашка Филатовъ за пьянство и распутство «въ тяжкіе труды».

По указу Петра I, въ 1691 году, посланъ для содержанія въ земляной тюрьмѣ» самозванецъ Ивашка Салтыковъ.

Въ слѣдующемъ году посланъ для такого же содержанія Мишка Амиревъ: «за великія непристойныя слова, вмѣсто смертной казни, велѣно его держать въ земляной тюрьмѣ вмѣстѣ съ самозванцемъ Пашкою Салтыковымъ». Черезъ годъ была послана царская грамота, коей повелѣвалось изъ земляной тюрьмы Амирева выпустить, постричь въ монахи и быть ему въ томъ монастырѣ «неисходно до кончины живота его, изъ монастыря никуда его не отпущать, ни въ какую отхожую службу не посылать и смотрѣть того на крѣпко, чтобы былъ онъ всегда въ видахъ и жилъ во всякомъ послушаніи и братіи никакого ропота не чинилъ, никакихъ непріятныхъ словъ не говорилъ». Постригшись въ монашество, подъ именемъ Моисея, Амиревъ такъ умѣлъ поддѣлаться къ монахамъ, что его назначили нарядчикомъ-распорядителемъ работъ. Однако въ этой должности онъ побылъ недолго; у него нашли какія-то «ябедническія письма» и по указу царя Петра онъ былъ отставленъ отъ нарядчиковъ съ тѣмъ, что если будетъ еще писать письма, то будетъ посаженъ въ тюрьму. Въ 1700 г. Амиревъ, «чрезъ воровскую стѣну», ушелъ изъ монастыря и, несмотря на все стараніе царя Петра отыскать его, онъ остался не найденнымъ.

VIII.

Въ 1700 г. въ Москвѣ было возбуждено дѣло Талицкаго*). Дѣло было такого рода. Книгописецъ Григорій Талицкій, по доносу одного пѣвчаго, былъ схваченъ, и въ пыткѣ признался, что составилъ воровское письмо, будто настало послѣднее время и явился антихристъ, т.-е. Петръ I, а также и другія многія статьи писалъ государю въ укоризну, и народу отъ него отступать приказывалъ, слушать и подати платить запрещалъ, а велѣлъ взыскать князя Мих-

*) Соловьевъ. Ц. Р., т. XV, стр. 122—124.

ила (Черкасскаго), отъ котораго будетъ добро народу. Находясь подъ пытками, Талицкій, между прочимъ, показалъ, что онъ о послѣднемъ вѣкѣ и объ антихристѣ разговаривалъ съ тамбовскимъ епископомъ Игнатіемъ, который велѣлъ все это написать въ книгу и прислалъ ему 5 рублей денегъ, и онъ за эти деньги послалъ епископу тетрадки. Игнатій по этимъ показаніямъ тоже былъ схваченъ и, подвергнутый пыткамъ, признался, что слышалъ отъ Талицкаго поносныя слова на государя и говорилъ: «видимъ мы и сами, что худо дѣлается, да что мнѣ дѣлать, я немощенъ», просилъ Талицкаго написать все въ тетрадяхъ получше, чтобы можно было ему, Игнатію, лучше истину познать. Талицкій уличалъ Игнатія еще въ томъ, что когда Игнатій слушалъ написанное въ тетрадяхъ, то плакалъ и, взявши тетради, поцѣловалъ ихъ. Игнатій, разстриженный, измученный пытками, сосланъ въ Соловецкій монастырь въ тюрьму, гдѣ и пробылъ до своей смерти.

Въ Соловки онъ посланъ былъ при слѣдующей грамотѣ Аѳанасія, архіепископа холмогорскаго:

«Въ нынѣшнемъ 1701 году, декабря въ 22 день, за грамотою великаго государя и царя и великаго князя Петра Алексѣевича великія и бѣлыя и малыя Россіи самодержца изъ Преображенскаго приказа, за прописью дьяка Якова Никонова присланъ къ намъ, преосвященному архіепископу, на Холмогоры, съ провожатыми вологодскими стрѣльцами, вора и бунтовщика Гришки Талицкаго сообщникъ и единомышленникъ растрига Ивашко Шангинъ (Игнатій), за его воровство. Изъ Холмогоръ велѣно его послать къ вамъ въ Соловецкій монастырь и посадить его въ Головленкову тюрьму и быть ему въ той тюрьмѣ до кончины живота его неисходно, а пищу давать ему противъ таковыхъ же подначальныхъ. А чернилъ, бумаги ему, Ивашкѣ, давать отнюдь не велѣно, и ни отъ кого ему писемъ не принимать и не отдавать, а такъ же и отъ него ни къ кому никакихъ писемъ не принимать же и не отдавать, а буде отъ кого какія письма явятся къ нему, Ивашкѣ, или отъ него, Ивашки,

и тѣ письма велѣно отсылать къ Москвѣ въ Преображенскій приказъ... Декабря 22 дня 1701 года».

Долго ли сидѣлъ Игнатій въ тюрьмѣ — неизвѣстно. Погребенъ онъ подъ Преображенскимъ соборомъ. На его могилѣ въ стѣнѣ, поставлена архимандритомъ Александромъ плита съ надписью: «На семъ мѣстѣ погребено тѣло тамбовскаго епископа Игнатія, умершаго въ 1699 г., понесшаго долгое и тяжкое разлученіе со своею паствою». Явная несообразность. На грамотѣ Аѳанасія о присылкѣ Игнатія находится помѣтка: «1702 г. Генваря 17 дня, подалъ преосвященнаго архіепископа грамоту кемскій стрѣлецъ Степашко Осиповъ». Если Игнатій привезенъ въ январѣ 1702 года, то онъ не могъ умереть въ 1699 г., да еще потерпѣвъ долгое разлученіе съ паствою!

Въ томъ же году и по тому же дѣлу былъ присланъ въ Соловки духовникъ Петра I, «распятскій попъ Иванъ Ивановъ», какъ назвалъ онъ въ грамотѣ. Онъ былъ прислалъ не въ тюрьму, какъ Игнатій, а велѣно было только постричь его немедленно въ монахи. Постриженный подъ именемъ Іова, онъ своимъ подвижничествомъ и смиреніемъ пріобрѣлъ довѣріе братства и расположеніе соловецкаго настоятеля. Пріѣхавши лѣтомъ того же года царь Петръ, по словамъ автора Житія Іова, увѣрился въ невиновности его и приглашалъ снова вернуться въ Москву на почетную должность, но испытавъ всѣ треволненія мірской жизни, старецъ Іовъ отказался отъ приглашенія царя и пожелалъ окончить дни свои въ мирной Соловецкой обители. Но и общая монастырская жизнь не удовлетворила несчастнаго старца, и онъ, съ благословенія настоятеля, удалился въ лѣсъ Анзерскаго острова, гдѣ на горѣ, названной имъ Голгоѳой, основалъ уединенный монашескій скитъ и оставилъ своимъ ученикамъ очень строгій уставъ скитской жизни. Онъ умеръ въ 1720 г. и погребенъ подъ голгоѳской церковію.

Въ томъ же году сосланъ учитель московской школь-

ной палаты іеродіаконъ Іовъ за непослушаніе, грубость и прочіе пороки.

Въ 1707 г. по указамъ царя Петра Алексѣевича присланы:

Монахъ Волоколамскаго Іосифова монастыря Герасимъ Синица «для того, что онъ, Герасимъ, будучи въ домѣ гостя Саввы Малыгина, говорилъ непристойныя слова, а въ Преображенскомъ приказѣ при допросѣ заявилъ, что ничего не помнитъ, такъ какъ былъ пьянъ... За то ему, монаху Герасиму, учинено въ Преображенскомъ приказѣ жестокое наказаніе, вмѣсто кнута, снемъ рубаху, бить плетьми не щадно, и велѣно его съ Москвы послать въ дальніе монастыри подъ начальъ».

Калужскій посадскій былъ Ѳедоръ Мутовозовъ за то его воровство, что онъ написалъ и подкинулъ воровское подметное письмо и съ пытокъ въ томъ воровствѣ винился. Мутовозова велѣно держать въ монастырскихъ трудахъ до смерти, никуда изъ монастыря не выпускать, чернилъ, бумаги и прочаго, чѣмъ писать можно, давать ему не велѣно.

Бродящій монахъ Симіонъ, что слыветъ Сава большая слава, за то, что онъ по Москвѣ ходитъ по кружаламъ и валяется по улицамъ, а въ монастыряхъ нигдѣ не живетъ, держать велѣно его въ монастырскихъ трудахъ до царскаго указа, а пищу давать братскую.

Въ 1708 г. присланы въ Соловки люди, замѣшанные въ борьбу между Кочубеемъ и Мазепою: попъ Иванъ Святайло съ сыномъ Иваномъ и іеромонахъ Сѣвскаго Спасскаго монастыря Никаноръ*). Этимъ людямъ старый Кочубей довѣрилъ свою тайну объ измѣнѣ Мазепы и поручилъ имъ доносъ на Москвѣ царю. Но пользующійся въ то время довѣріемъ царя Мазепа сумѣлъ оправдаться отъ доноса, и довѣренные Кочубея поплатились за свою услугу

*) Объ этомъ дѣлѣ см. въ Ист. Р. Соловьева, т. XV, стр. 274, 277, 294.

ссылкою. Присланы они при указахъ царя Петра, въ коихъ про вину Святайлова выражено такъ: «попа Ивана Святайло за ложное донесеніе на гетмана и кавалера Ивана Степановича Мазепу сослать въ Соловецкій монастырь на вѣчное житье съ сыномъ Иваномъ, и если изъявитъ желаніе, то постричь въ монахи»; а про чернеца Никанора сказано, что онъ «явился въ Кочубеевѣ дѣлѣ». За Никанора просилъ холмогорскій архіепископъ Аѳанасій, чтобы архимандритъ былъ къ нему «милостивымъ».

Въ концѣ года измѣна Мазепы оправдала доносъ Кочубея, и въ Соловкахъ былъ полученъ указъ объ освобожденіи Святайлова и Никанора.

Въ 1709 г. присланъ въ Соловки двое-крещенецъ жидовскаго роду Матѳей Никифоровъ. Дѣло было такого рода: еврей изъявилъ желаніе принять православную вѣру и былъ крещенъ подъ именемъ Ивана. Спустя нѣкоторое время онъ снова крестился и принялъ имя Матѳея. Эта продѣлка была замѣчена, и перекрещенецъ попалъ въ патріаршій приказъ, который рѣшилъ: за тѣ его вины учинить ему жестокое наказаніе, бить плетьми безъ пощады, что онъ тѣмъ крещеніемъ другимъ преступилъ правила святыя и уставъ церковный, знатно посмѣваясь христіанской вѣрѣ, чего бы ему дѣлать не довелось».

Около этого времени были заточены въ соловецкую крѣпость два графа Толстыхъ. Письменныхъ документовъ объ ихъ присылкѣ не нашлось; но находится слѣдственное дѣло по доносу одного монаха на архимандрита Варѳонофія въ томъ, что онъ «мирволитъ гр. Толстымъ» посылаетъ со своего стола явства и питія. Изъ этого дѣла видно, что они сидѣли въ келарской тюрьмѣ, и что при нихъ былъ слуга. Умерли они въ заточеніи и похоронены на западной сторонѣ Преображенскаго собора. На ихъ могилахъ до сихъ поръ видны бѣлыя надгробныя плиты.

1721 г. игуменъ Мошногорскаго монастыря Іосафъ за

нѣкоторыя дерзновенныя важныя слова и за нечестное сложеніе крестнаго креста и за пострижение монахинь былъ наказанъ нещадно плетьми и присланъ въ Соловецкій монастырь въ земляную тюрьму. Ему, должно быть, какъ-нибудь удалось бѣжать или онъ былъ освобожденъ, такъ какъ въ 1712 г. снова присылается въ Соловки вмѣстѣ со священникомъ Новгородской епархіи Өеодоромъ Ефимовымъ и казначеемъ Троице-Сергіева монастыря Өеогностомъ, съ наказомъ, чтобы ихъ держали въ самыхъ крѣпкихъ тюрьмахъ [illegible], ихъ не выпуская, къ нимъ никого не впуская и ни въ чемъ имъ не вѣря. Въ 1713 г. онъ объявилъ слово и дѣло. Когда отказались везти его по этому заявленію въ Москву, то онъ объявилъ, что за Днѣпромъ онъ знаетъ мѣсто, гдѣ зарыто въ землю много драгоцѣнностей, и это мѣсто онъ можетъ указать. Что дало ему это заявленіе по дѣлу — неизвѣстно, вѣроятно, плети, ибо онъ вскорѣ умеръ въ Соловкахъ.

Въ 1722 году, по повелѣнію Петра I, изъ тайнаго Преображенскаго приказа былъ присланъ іеромонахъ Соловецкаго монастыря Иванъ Обуяновскій за произнесеніе имъ бѣсныхъ и непристойныхъ словъ, въ земляную тюрьму, на вѣчно. Черезъ годъ Обуяновскому сдѣлано облегченіе, онъ переведенъ изъ земляной тюрьмы въ казематъ подъ Успенскимъ крыльцомъ. Сидя тамъ въ сосѣдствѣ съ другими такими же подначальными греками-монахами Герасимомъ и Паросіемъ, онъ посовѣтывалъ имъ объявить государево слово и дѣло и съ помощью этого избавиться не только отъ тюрьмы, но и отъ ссылки. Согласно этому совѣту, ссыльные греки объявили слово и дѣло. Этимъ заявленіемъ началось большое дѣло. Въ соборной кельѣ собралось все монастырское начальство: архимандритъ Варсонофій, казначей монахъ Андроникъ, [illegible] и [illegible] іеромо-

*) [illegible] Петромъ I. Въ монастыр-[illegible] находилось больше [illegible] и [illegible] дѣятельности.

нахъ Миронъ, ризной іеромонахъ Ѳеодосій, монахъ Иларій Стромиловскій; городничій Діодоръ представилъ предъ ихъ лицо объявителей слова и дѣла монаховъ Герасима и Парѳенія. Начали ихъ распрашивать: какое слово и дѣло они знаютъ, откуда узнали, не научилъ ли кто объявить имъ это? Изъ разспросовъ оказалось, что ихъ подговорилъ объявить это распопъ Иванъ Обуяновскій, обѣщая тѣмъ избавиться отъ суда и ссылки. Призванный на это судилище Обуяновскій признался, что, желая освободить невинныхъ монаховъ отъ ссылки, онъ посовѣтовалъ имъ объявить государеву важность: важность эта состояла въ слѣдующемъ: а) одинъ пришлой монахъ обокралъ съ иконъ драгоцѣнные камни и эти камни взялъ себѣ архимандритъ, а вора отпустилъ: b) что въ монастырѣ есть въ числѣ монаховъ бѣглые солдаты; с) когда на Дону была съ татарами война, тогда татары, будто, много нашихъ казаковъ взяли въ плѣнъ къ себѣ. И когда съ ними учинили миръ, тогда велѣно тѣхъ казаковъ назадъ отдать, и будто тѣ татары, не хотя нашихъ казаковъ назадъ возвратить, дали за то много денегъ Петру Матвѣевичу Апраксину и тѣмъ оныхъ, будто, у себя удержали.

Первыя два показанія, по тщательному изслѣдованію монастырской коллегіи, оказались ложными, а о третьей они ничего не могли рѣшить, а потому рѣшили Обуяновскаго отослать для разслѣдованія дѣла въ Москву, въ Преображенскій приказъ. Такъ какъ дѣло это считалось государственнымъ, важнымъ, поэтому, не дожидая открытія навигаціи Обуяновскаго, сковавъ по рукамъ и ногамъ, 1 января 1725 года отправили изъ Соловецкаго монастыря въ Москву. Въ тайномъ приказѣ онъ, должно быть, не могъ доказать вѣрности показанія своего относительно взятки Апраксина, а потому, получивъ въ приказѣ жесточайшее наказаніе плетьми, снова былъ заключенъ въ соловецкій казематъ. Пытался онъ еще разъ объявить слово и дѣло, но это объявленіе

не было принято къ свѣдѣнію, и онъ принужденъ былъ 26 лѣтъ просидѣть въ казематѣ и тамъ покончить свою жизнь.

IX.

1727 г., священникъ села Качалаева, Пензенской губерніи. Кириллъ Ѳедотовъ, находясь въ командѣ съ крестьяниномъ помѣщика Сумарокова Лукіаномъ Серебряниковымъ, имѣлъ дерзость говорить попосныя слова, относящіяся до императрицы Екатерины I. Этотъ разговоръ былъ кѣмъ-то подслушанъ и переданъ начальству. Священникъ привезенъ въ тайную канцелярію, а также слушавшій его Серебряниковъ. Подвергнутый пыткамъ, священникъ Ѳедоровъ заявилъ, что попосныя слова на императрицу говорилъ потому, что былъ пьянъ. Тайная канцелярія учинила имъ такую резолюцію: расопу Кирилла Ѳедорова за великія его непристойныя слова бить кнутомъ и урѣзать языка; крестьянина помѣщика Сумарокова Лукіана Серебряникова за не извѣсть о тѣхъ словахъ бить кнутомъ же и сослать ихъ: расопу и Серебряникова въ Соловецкій монастырь, расопу въ заточеніе, а Серебряникова въ тяжкіе монастырскіе труды.

Черезъ три года расопъ умеръ въ заточеніи, а Серебряниковъ былъ освобожденъ въ 1743 году.

1732 г. Дворцоваго села, Московскаго уѣзда, раздьяконъ Алексѣй Клементьевъ, «который причинялъ въ кражѣ имъ въ той церкви изъ алтаря съ престола евангелія, креста и разныхъ книгъ и въ сказываныи слова и дѣла». По рѣшенію тайной канцеляріи велѣно его, наказавъ нещадно плетьми, сослать въ Соловецкій монастырь. При пересылкѣ его изъ Москвы въ Соловки, вышла непріятность между тайной канцеляріей и смотрителемъ московскаго соловецкаго подворья, показывающаго порядки того врем ни.

Дьякопъ Клементьевъ, назначенный въ Соловки, былъ присланъ смотрителю московскаго подворья для отправки по назначенію. Смотритель, ссылаясь на то, что у нихъ нѣтъ вотчины въ Московскомъ уѣздѣ, и на бѣдпость пастыря, отказывался переслать арестанта на свой счетъ и отправилъ обратно въ канцелярію, чтобы отправили его на казенный счетъ. Канцелярія, не внявъ его жалобамъ, отправляетъ арестанта опять на подворье, съ подворья опять въ канцелярію, и такъ до трехъ разъ, пока, наконецъ, не сдался смотритель подворья и не отправилъ арестанта въ Соловки.

Клементьевъ умеръ въ Соловкахъ въ 1739 году.

Въ томъ же году прислапъ подьячій Константиновъ при слѣдующемъ указѣ тайной канцеляріи: «понеже имянпымъ ея и. в. указомъ велѣно содержащагося въ канцеляріи розыскныхъ дѣлъ колодника подьячаго Ивана Константинова за важную его вину послать въ Соловецкій монастырь и содержать его въ томъ монастырѣ въ крѣпкомъ смотрѣніи, не выпуская никуда, и чернилъ и бумаги не давать, и того накрѣпко, вамъ, архимандриту съ братіею, смотрѣть за нимъ, чтобы опъ отнюдь ничего не писалъ и ни съ кѣмъ не разговаривалъ и никуды не ушелъ и въ томъ вамъ подписаться, а такъ же и впредь, которыя во ономъ монастырѣ будутъ власти по тому жъ подписываться, и тѣ подписки присылать за руками вашими въ тайную канцелярію. Понеже, ежели что посему опущено будетъ или отъ него, Константинова, явятся какія письма, или на словахъ что непристойное будетъ разсѣвать, и то все будетъ взыскано на васъ, властяхъ, и Соловецкаго монастыря архимандриту съ братіею о вышеписапномъ учинить по сему ея и. в. указу. 1732 года генваря 6 дня. Генералъ и гвардіи полковникъ Ушаковъ».

Колодникъ былъ сданъ на руки монастырскому городничему монаху Діонисію, и съ него взята расписка въ этомъ

смыслѣ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по привозѣ въ монастырь Константиновъ умеръ.

1737 г., священникъ выгозерскаго погоста, Олонецкой губерніи, Григорій Гавриловъ «за нѣкоторую его вину», по наказаніи кнутомъ, сосланъ въ Соловецкій монастырь. Живя въ монастырѣ, Гавриловъ признался, что онъ крестьянинъ пюхотской соловецкой вотчины. Въ 1715 году, будучи 15 лѣтъ отъ роду, онъ ушелъ съ родины на Выгъ, тамъ своею начитанностію пріобрѣлъ довѣріе жителей и по просьбѣ ихъ посвященъ въ С.-Петербургѣ во священника. Возвратясь на Выгъ, онъ перешелъ въ расколъ и сдѣлался на Выгозерѣ раскольническимъ священникомъ, въ чемъ и состояла его «нѣкоторая вина». Былъ съ женою и дѣтьми водворенъ въ Пьюхчу, въ число прежнихъ крестьянъ.

1739 г., по указу тайныхъ розыскныхъ дѣлъ канцеляріи присланъ «адмиралтейскаго вѣдомства магазинъ-вахтеръ князь Дмитрій Мещерскій за нѣкоторую важную его вину». Содержать его приказано было «въ земляной тюрьмѣ до смерти неисходно», подъ самымъ крѣпкимъ карауломъ. Въ 1741 году, по указу тайной же канцеляріи, дана льгота князю Мещерскому: его приказано изъ земляной тюрьмы освободить, а помѣстить на житье въ монастырѣ, но только подъ строгое смотрѣніе, чтобы онъ куда-либо уйти не могъ.

X.

Секретарь Бѣлгородской провинціи Пархомовъ.

Въ 1742 году г. Архангельска, при указѣ Варсонофія, архіепископа архангельскаго, былъ присланъ въ Соловецкій монастырь Бѣлгородской провинціи секретарь Максимъ Пархомовъ за немалогажную его духовную вину», при чемъ велѣно, расковавъ его, держать въ монастырскихъ трудахъ неисходно. Человѣкъ онъ по тому времени былъ довольно образованный, зналъ грамматику, риторику, ла-

тинскій, греческій и нѣмецкій языки. «Немаловажная духовная его вина» была такою рода.

1722 года 8-го ноября, въ Рыльскомъ женскомъ монастырѣ, происходило необычное дѣйствіе: постриженіе замужней женщины въ монашество. При обычномъ всѣмъ постригающимъ вопросѣ игумена: «почто, дщерь, притекла еси?» она первно вздрогнула, углы рта искривились въ страдальческую улыбку, что то въ родѣ протеста, отказа готово было сорваться съ языка ея, но суровый взглядъ мужчины, стоявшаго нѣсколько поодаль ея, точно надвисшій мечъ надъ головою, заставилъ ее дать уставный отвѣтъ: «иноческаго житія хощу, отче честный». Когда же, послѣ вычисленія всѣхъ обязанностей и тягостей монашеской жизни, ее спросили — волею ли она хочетъ ангельскаго житія, языкъ ея отказался дать отвѣтъ, первная дрожь пробѣжала по всему ея тѣлу, и крупныя слезы потекли изъ глазъ. Послѣ постриженія, когда стали на нее накладывать монашеское платье, силы окончательно покинули ее, ноги подкосились, и она только потому не упала, что стоящія возлѣ нея монахини поддержали ее подъ руки. Послѣ окончанія обряда, ее, совершенно обезсиленную, унесли въ приготовленную ей келью. Всѣ присутствующія при постриженіи монахини, пораженныя этимъ печальнымъ случаемъ, плакали.

Этому событію предшествовала длинная семейная драма.

Секретарь Бѣлгородской провинціи Макемъ Пархомовъ былъ женатъ уже лѣтъ семь и имѣлъ четверыхъ дѣтей; жену его звали Прпной. Жили они сначала согласно, любовно, но на бѣду приглянулась ему чернобровая статная красавица Дарья, жена Сѣвскаго воеводы Григорія Колтовскаго, съ которой Пархомовъ состоялъ въ духовномъ родствѣ. Страсть Пархомова разгоралась все болѣе и болѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ стала противѣть ему его худенькая жена Прпна. Къ увеличенію зла, на привязанность Пархомова Дарья отвѣчала ему взаимностью, и они вступили въ

преступную связь. Съ этихъ поръ для жены Пархомова начинается не жизнь, а каторга: ненавидимая мужемъ, она должна была выносить всевозможныя униженія и тяжкія истязанія. Одна отрада въ жизни ея были дѣти: это только спасало ее отъ самоубійства.

Случилось, что мужъ любовницы Пархомова вскорѣ умеръ, и она, сдѣлавшись свободной, начала добиваться скрѣпленія своей связи бракомъ. Но для этого нужно было, чтобы жена Пархомова или умерла, или постриглась въ монастырство. Естественная смерть не приходила, а на убійство они не рѣшались, оставалось одно: уговорить Прину постричься въ монастырство. Все было пущено въ ходъ: и ласки, и угрозы, голодъ и смертные побои, но бѣдная женщина не сдавалась, выносила всю эту каторгу ради дѣтей. Видя неуспѣшность всѣхъ своихъ стараній, чтобы согласить жену къ постриженію, Пархомовъ рѣшился на отчаянный шагъ — постричь ее силою. Невозможное дѣло нынѣ, насильное постриженіе, въ старое время было въ большомъ ходу, — примѣры подавались къ этому свыше. Не полюбилась жена, надо жениться на другой: незаконная связь преслѣдовалась и государствомъ, и обществомъ, развода не дозволялся, а можно было заживо погребсти жену въ монастырѣ и съ чистою совѣстью жениться на другой. Секретарь, важное лицо въ провинціи въ то время, избивъ жену до полусмерти, ведетъ ее въ монастырь и заставляетъ, при его же глазахъ, постричь ее въ монахини. Схоронивъ жену въ монастырѣ, Пархомовъ черезъ четыре дня перевѣнчался со своей возлюбленной Дарьей.

Проходитъ годъ. Пархомовъ, съ чистою совѣстью, какъ законный мужъ, живетъ со своей красавицей Дарьей. Несчастная инокиня Прасковья, въ тиши монастыря забывъ побои, вздумала снять съ себя ненавистное черное платье, и съ этою цѣлью подаетъ просьбу въ духовную консисторію, жалуясь на насильное постриженіе, проситъ разрѣшить ее

отъ узъ монашества. Духовная дикастерія уважила просьбу жены Пархомова и освободила ее отъ монашества, о чемъ ей и выдали на руки указъ. Къ мужу она не смѣла явиться, а поселилась жить у своихъ родныхъ. Духовная дикастерія, принявъ фактъ насилія и освободивъ отъ монашества жену Пархомова, самого Пархомова не коснулась, не подвергла его никакому наказанію за насиліе; онъ преспокойно поживалъ со своей новой женой Дарьей, когда другая жена Ирина, боясь явиться къ нему, скиталась по родственникамъ. Минуло еще три года, у Пархомова отъ Дарьи родился сынъ Богданъ: по этому случаю, на радостяхъ, онъ задалъ большой пиръ. Родственники первой жены, изъ мести, написали въ синодъ доносъ, что Пархомовъ имѣетъ двухъ живыхъ женъ. Для обсужденія этой жалобы, 16-го декабря 1726 г., было въ синодѣ особое засѣданіе, на которомъ рѣшили, что постриженіе первой жены Ирины и бракъ со второй Дарьей Колтовской были противны уставамъ церкви, а потому рѣшили: бракъ Пархомова съ Дарьей Колтовской расторгнуть и считать недѣйствительнымъ, а велѣть ему, Пархомову, снова жить съ первой своей женой Ириной, если она того сама пожелаетъ: Пархомова же до конца жизни ни съ кѣмъ болѣе не вѣнчать. Для выслушанія этого приговора Пархомовъ былъ выгребованъ, въ маѣ 1727 г., въ С.-Петербургъ и далъ своеручную расписку въ томъ. Первая жена Пархомова, больная, еле живая, отказалась жить съ нимъ: вскорѣ она умерла.

Пархомовъ, давъ расписку, что не будетъ жить со второй женой, преспокойно отправился вмѣстѣ съ нею въ свою вотчину въ Переяславскую провинцію и началъ жить по старому. У нихъ опять родился ребенокъ, дочь Елисавета, и Пархомовъ такъ былъ радъ этому случаю, что родины и крестины праздновалъ на широкую ногу. Объ этомъ случаѣ не преминули донести синоду, выставляя празднованіе родинъ и крестинъ какъ бы насмѣшкою надъ рѣшеніемъ

синода. Синодъ, видя упрямство Нархомова относительно несожитія съ Дарьей Колтовской, рѣшилъ, на страхъ другимъ, предать его отлученію отъ церкви и анаѳемѣ. Синодскимъ указомъ отъ 5-го мая 1729 г. велѣно Нархомова и Дарью Колтовскую къ церкви не пущать, ни до какихъ таинствъ не допущать и ни съ какими требами духовенству въ домъ ихъ не входить. Должно быть крѣпка была ихъ взаимная привязанность, что, несмотря на такія страшныя въ то время мѣры синода, они не думали разлучаться и просить у синода пріобщенія къ церкви. Пождавъ полгода раскаянія и смиренія отлученныхъ супруговъ, синодъ рѣшился прибѣгнуть уже не къ духовнымъ мѣрамъ строгости: онъ послалъ указъ въ юстицъ-коллегію, чтобы она распорядилась розыскомъ беззаконниковъ: если найдетъ ихъ, то прислала бы въ синодъ для наказанія. Но не тутъ-то было. Услыхавъ о такомъ распоряженіи, беззаконники уѣхали въ одну глухую свою вотчину, около Глухова, и тамъ, аки свиніи въ блатѣ чрезъ многихъ лѣтъ валялись въ прелюбодѣйствѣ.

Прошло болѣе десяти лѣтъ, какъ Нархомовъ скрылся, много произошло перемѣнъ за это время на Руси, много правителей смѣнилось. Въ 1741 г. Нархомовъ задумалъ попытать счастья: онъ обратился въ кабинетъ принцессы Анны Брауншвейгской, съ просьбою освободить его отъ наказанія, въ юстицъ-коллегію не спрашивать и разрѣшить законное сожитіе съ Дарьей Колтовской, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время синодъ распорядился секвестромъ нархомовскихъ деревень, пока онъ не явится въ синодъ. Просьба его была уважена. Получивъ изъ кабинета указъ, онъ имѣлъ опложность явиться съ нимъ въ синодъ для ходатайства о причтеніи къ церкви и тамъ былъ арестованъ. Сидя подъ карауломъ, скованный, Нархомовъ подалъ синоду допесеніе, въ коемъ объявляетъ, что постановленіе синода объ отлученіи отъ церкви признаетъ правильнымъ, и что

жить болѣе съ Дарьей Колтовской не будетъ. Представленный предъ собраніемъ синода, онъ выразилъ тоже словесно. За такое покаяніе его освободили отъ оковъ, оставивъ подъ арестомъ. Но трудно было Пархомову отказаться отъ любимой женщины, съ которой прожилъ 20 лѣтъ, и онъ началъ умолять синодъ не разводить его съ Дарьей, простить его старую вину, дать возможность дожить имъ съ ней вѣкъ вмѣстѣ на законномъ основаніи. Такую просьбу синодъ счелъ дерзостью, и оковы снова на него были наложены. Такимъ образомъ, Пархомовъ содержался при синодѣ 8 мѣсяцевъ, то вполнѣ раскаиваясь и подчиняясь рѣшенію синода, то прося разрѣшенія жить съ женою. Но при каждой попыткѣ просить разрѣшенія жить съ Дарьей на него налагались оковы, и снимали ихъ лишь тогда, когда онъ отказывался отъ такого злого намѣренія. Въ началѣ 1742 г. нашли и Дарью Колтовскую въ Глуховѣ и прислали ее въ синодъ подъ карауль. Перепуганная женщина согласилась на все, отказывалась отъ мужа, лишь бы дали ей свободу. Наконецъ, и Пархомовъ и жена его окончательно объявили, что они болѣе не будутъ жить вмѣстѣ и просили свободы. Синодъ предварительно предложилъ имъ, дабы загладить ихъ проступки, не пожелаютъ ли они потрудиться въ монастырѣ, онъ въ мужскомъ, она въ женскомъ, но они отказались.

Получивъ отъ Пархомовыхъ раскаяніе, синодъ все-таки не рѣшался выпустить ихъ на свободу, опасаясь, что и послѣ этого они снова начнутъ «въ плотоугодіи пребывать», а потому опредѣлилъ: Пархомова и Дарью Колтовскую отъ клятвъ и анаѳемы по церковному чиноположенію разрѣшить и вести ихъ, какъ уставъ повелѣваетъ, въ церковь. Принимая во вниманіе важность ихъ вины, сочинить краткое письменное объясненіе ихъ проступка и приказать учредному архіерею въ с.-петербургскомъ Петропавловскомъ соборѣ въ воскресный день, при собраніи народа, прочесть послѣ присоединенія Пархомовыхъ къ церкви. А чтобы Пархомовы не

имѣли возможности жить вмѣстѣ, то рѣшили, заковавъ ихъ, отослать Пархомова въ Соловецкій монастырь, а Колтовскую въ одинъ изъ женскихъ монастырей.

Въ первое воскресенье послѣ Крещенья 1712 г. въ Петропавловскомъ соборѣ состоялось торжественное присоединеніе къ церкви Пархомова и Колтовской, послѣ чего служащій архіерей прочелъ описаніе ихъ вины, которое заканчивалось приговоромъ:

«Онаго Пархомова и Колтовскую отъ наложенныхъ на нихъ клятвъ и анаѳемы по церковному уположенію разрѣшить и въ церковь ввести ихъ, ако же чинъ и уставъ церкви о таковѣхъ повелѣваетъ, а о важности преступленія ихъ для публичнаго въ церкви прочтенія сочинить краткое на письмѣ изъясненіе, и то все учинить въ с.-петербургскомъ Петропавловскомъ соборѣ въ воскресный день, при народномъ собраніи, предослужащему архіерею. (Что и учинлется).

«Понеже оные Пархомовъ и Колтовская, не устрашася таковыхъ нашихъ клятвъ и гнѣва Божія, и безсовѣстно и каменносердечно аки свиніи въ блатѣ чрезъ многихъ лѣтъ валялись въ прелюбодѣйствѣ и сами отъ своего произволенія съ покаяніемъ къ св. церкви не возвратились, и уже въ арестѣ будучи, особливо оный Пархомовъ, разными св. синоду доношеніями, повинуясь св. церкви и суду духовному и обѣщаваясь въ тому съ Колтовскою не жити, употреблялъ прошеніе о перазводѣ ихъ. И тако, ежели по принятіи ихъ къ св. церкви, допустить ихъ свободно жити отнюдь не надежно, чтобы они всесовершенно разлучились, но есть крайняя опасность паки по своему безстрастію и каменносердечію не впали въ прежнее сквернос безаконіе и тѣ сношенія съ душами своими вѣчно, какъ и прежде, за учиненнымъ уже проклятіемъ, то чинили. И для того, во отвращеніе отъ такового ихъ душепагубнаго сквернодѣйства, а на наставленіе ихъ къ покаянію и на путь спасенія,

разослать ихъ каждаго въ монастыри подъ карауломъ скованныхъ».

Такое торжественное шествіе въ церкви, подобное вывозу на эшафотъ, собрало громадную массу народа, и Пархомовы, навѣрное, не одну недѣлю были темою для разговора.

О судьбѣ Дарьи я не имѣю никакихъ свѣдѣній; самъ же Пархомовъ, скованный, былъ 1 февраля того года отправленъ чрезъ Архангельскъ и Суму въ Соловецкій монастырь подъ конвоемъ двухъ синодскихъ солдатъ. Монастырскому начальству приказывалось расковать его и держать въ монастырскихъ трудахъ до кончины живота его неисходно, подъ надлежащимъ присмотромъ, чтобы онъ побѣгу не учинилъ, во всякомъ воздержаніи и наблюдательствѣ, и велѣть приходить ему къ божественной службѣ всегда и слушать ее со всеприлежнымъ усердіемъ объ отпущеніи тягчайшаго своего согрѣшенія моленіемъ. Велѣно было поручить наблюденіе надъ нимъ какому-либо опытному старцу и сему послѣднему вмѣнено въ обязанность дѣлать Пархомову наставленія. Особенное вниманіе приказывалось обратить на то, чтобы Пархомовъ не переписывался со своей женой, но по запросу архимандрита монастыря ему дозволено было переписываться съ дѣтьми и знакомыми, письма Пархомова къ которымъ сохранились при дѣлѣ, и я приведу нѣкоторыя изъ нихъ, такъ какъ они знакомятъ съ состояніемъ ссыльныхъ.

Разлука съ любимой женой, оторванность отъ родины, благодатной Малороссіи, и поселеніе въ такомъ крайневѣтномъ монастырѣ, какъ Соловки, сильно повліяли на бѣднаго Пархомова. Ему становилось въ Соловкахъ такъ невыносимо, хотя онъ жилъ на свободѣ и сравнительно хорошо, что онъ сталъ просить какъ милости каторжной работы, писалъ объ этомъ и дѣтямъ и друзьямъ. По поводу этихъ писемъ и не разъ выраженнаго Пархомовымъ желанія быть пере-

веденнымъ въ Петербургъ на каторгу, архимандритъ доносилъ синоду, что Пархомовъ ведетъ себя хорошо, но просится на каторгу и, описывая его отчаяніе, боится, «чтобы отъ онаго Пархомова обители убытку, а невиновнымъ напраснаго страданія не учинилось». Изъ дѣла не видно, была ли уважена просьба Пархомова о переводѣ на каторгу, видно только, что онъ былъ куда-то увезенъ изъ Соловокъ.

Письма Пархомова изъ Соловокъ.

«М. г. мои, Павелъ Васильевичъ! Прошу васъ, государя моего, не оставить меня прегорчайшаго невольника въ забвеніи. И елико Богъ тебѣ да поможетъ, сотвори милость. Изъ дѣтей моихъ ежели кого случится вамъ гдѣ видать, изволь сказать, что при отпускѣ сего письма я живъ. А дѣти мои служатъ въ арміи: Левъ капитаномъ въ Рязанскомъ драгунскомъ полку, Савва подпоручикомъ въ Черниговскомъ пѣхотномъ полку, Христофоръ прапорщикомъ въ Новотроицкомъ драг. пол., Богданъ кантенарчусомъ въ Слободскомъ драг. полку. И скажи, пожалуй, имъ, ежели изъ нихъ кого увидишь, чтобъ они о свободѣ моей изъ такой прегорькой моей неволи и ссылки били челомъ. А я въ прегорькой неволѣ и ссылкѣ стражду съ два года и о нихъ, дѣтяхъ своихъ, всѣ ли они живы, гдѣ и какъ обрѣтаются, ни о чемъ неизвѣстенъ, и писемъ отъ нихъ ни отъ кого здѣсь, въ крайсвѣтномъ заморскомъ островѣ не получалъ, ибо и переслать не можно. Опиши, пожалуй, ко мнѣ о своемъ здоровьѣ и изъ бѣлаго свѣта въ наше невольное, прегорькое и прескорбное темное мѣсто. А ежели кто человѣколюбецъ, милостивая утроба, ту высокую милость ко мнѣ показалъ и отъ сей прегорькой ссылки чрезъ его милостивое представительство меня свободили, а вмѣсто сей ссылки въ каторжную работу меня отдали, съ радостію моей души готовъ на каторгу нежели въ семъ крайсвѣтномъ, заморскомъ, темномъ и студеномъ, прегорькомъ и прескорбномъ мѣстѣ быти. Здѣшней же горести нашей и описать не можно. Да подастъ вамъ всевышній Богъ на бѣломъ свѣтѣ при всякомъ благополучіи здравствовать на множество лѣтъ, чего я вамъ сердечно желаю. Азъ въ прегорьчайшей моей неволѣ въ денно и въ ночномъ моемъ рыданіи остаюсь вамъ слугою секретарь

М. Нархомовъ. 4 февр. 1743 г. Соловки». (Синодскому канцеляристу Шеславскому).

«Богдань Максимовичъ, свѣтъ очей моихъ, здравствуй!

Я Божіею милостію въ претерпѣваніи неволь, въ ссылкѣ, въ Соловецкомъ монастырѣ еще по волѣ Божіей живъ. Отсюда же я послалъ къ вамъ и писалъ о своей горести четыре письма. А тѣ письма посланы въ Москву, въ пакетѣ, къ г-ну капитану Михаилу Семенову Ладыгину да г-ну секретарю Сергѣю Ив. Попову. И изъ оныхъ вы получили ли, о томъ отъ васъ и отъ ихъ милости ни отъ кого сюда къ себѣ писемъ я не получалъ и по нынѣ. Здѣсь при горькаяніи моей неволѣ и въ ссылкѣ страждү другой годъ, а въ С.-Петербургѣ, при св. синодѣ, въ казармѣ, содержался девять мѣсяцевъ подъ крѣпкимъ карауломъ. По указу св. синода велѣно соловец. мон. о. архимандриту, въ какомъ я буду состояніи, оно мнѣ въ синодъ писать, который по тому указу обо мнѣ, что я въ смиреніи нахожусь, и писалъ. И притомъ и мое прошеніе о свободѣ меня изъ ссылки послано марта 26 ч., прошлый годъ. И то все въ поворѣ мѣсяцъ, въ прошломъ году, прислать къ нему, о. архимандриту, указъ, что доношеніе и прошеніе мое получены, и обо мнѣ велѣно писать, какъ мнѣ въ ссылкѣ годъ пройдетъ. Нынѣ писалъ я къ отцу архимандриту съ прошеніемъ, чтобы онъ пожаловалъ по тому вторичному указу и обо мнѣ отписалъ и притомъ мое прошеніе въ синодъ къ нему послалъ, понеже въ зиму онъ обрѣтается на сухомъ тамъ берегу (а мы въ монастырѣ за моремъ, на островѣ) и что изволитъ учинить, того не знаю.

Когда ты сіе мое письмо получишь, какъ можешь у господъ своихъ командующихъ попроси объ отпускѣ себя и поѣзжай въ Москву или С.-Петербургъ, гдѣ св. синодъ обрѣтается, и проси милости у нихъ. И гдѣ тебѣ Господь способность подастъ о свободѣ меня изъ претерпѣваніи сей неволи изъ ссылки, тамъ и проси. Лучше мнѣ быть на каторгѣ, нежели въ здѣшнемъ климатѣ на морѣ Соловецкомъ островѣ. Не только здѣшнимъ морскимъ жестокимъ, ядовитымъ воздухомъ человѣческое здоровье, но и жельза съѣдаются. И ежели милости о свободѣ моей не получишь, то проси и бей челомъ и прямо напиши, чтобы меня изъ сей ссылки взяли и въ каторжную работу въ Спб. отдали...

А письма изъ Москвы или С.-Петербурга посылай на нѣмецкой почтѣ, на г. Архангельскъ, а на пакетѣ надписывай: отдать въ гор. Архангельскъ, губер. секретарю Θед. Осип. Котельникову. 3 февр. 1743 года». (Писано сыну Богдану).

XI.

1743 г. -расшонъ Михайло Степановъ за убійство своей работницы — въ черные труды навѣчно.

1744 г. По указу св. синода велѣно матроса Никифора Кунцына «за богоотступное своеручное его письмо, каково писалъ на князь тьмы, содержать его въ вѣчныхъ монастырскихъ до смерти его никуда не исходныхъ трудѣхъ... и что за такое его тяжкое предъ Богомъ согрѣшеніе во всю свою жизнь приносить Господу Богу покаяніе, приходя съ работъ въ церковь ко всякому словословію по вся дни».

Въ томъ же году, раскольщикъ Аѳанасій Бѣлокопытовъ, «за раскольническое его вымышленное толкованіе и за написаніе имъ важныхъ злодѣйственныхъ противныхъ тетрадишекъ и за непокорство святѣй православной восточной церкви и за прочія его воровства, вмѣсто смертныя казни, учинить жестокое наказаніе: бить кнутомъ и, урѣзавъ языкъ, сослать его во оный вашъ Соловецкій монастырь, въ которомъ содержать его подъ крѣпкимъ карауломъ до смерти никуда неисходна».

Въ слѣдующемъ 1745 г. Бѣлокопытову удалось убѣжать изъ тюрьмы, но не надолго; черезъ четыре дня его поймали и снова посадили. Вотъ что онъ разсказываетъ на допросѣ о своемъ побѣгѣ.

Къ окну его тюрьмы, по древнему обычаю, приходили разные люди и приносили подаянія, кто нитокъ, кто холста, кто съѣстнаго. Къ нѣкоторымъ приходящимъ къ нему людямъ онъ сталъ обращаться съ просьбою принести ему досокъ для того, чтобы построить въ своемъ казематѣ

чуланъ. Досокъ ему напосилп, и чуланъ онъ построилъ, хотя топора ему не было дано. Найдя въ стѣнѣ кусокъ желѣза и нѣсколько гвоздей, за чуланною заборкою началъ понемногу ломать стѣну и послѣ долгихъ усилій, наконецъ, проломалъ ее. Въ темную ночь на 15 августа онъ вышелъ чрезъ проломанную дыру изъ каземата, взошелъ на крѣпостную стѣну и оттуда черезъ бойницу на веревкѣ, заранѣе приготовленной изъ подаяннаго холста и питокъ, спустился на землю. Выйдя за стѣну, онъ ушелъ въ лѣсъ и, найдя тамъ пустую избу, на время скрылся въ нее. Въ слѣдующую ночь онъ натаскалъ отъ этой избы къ морю досокъ, связалъ ихъ веревкою и на такомъ плотѣ пустился плыть въ море. Но на его несчастіе вѣтеръ былъ неблагопріятный, за море онъ уѣхать не могъ, его снова прибило къ берегу и 20 августа его схватили.

Первая неудача не отбила у него охоты еще попытать счастія какъ-либо уйти изъ Соловокъ. Разъ его переводили изъ одного каземата въ другой, дорогой удалось ему незамѣтно взять ножъ. Съ помощію этого ножа онъ началъ у дверей своего каземата прорѣзывать отверстіе, а чтобы не было замѣтно это, то прорѣзанное мѣсто закладывалъ кускомъ дерева. Въ ночь на 14 сентября 1746 г., когда караульные всѣ спали, окончательно прорѣзалъ у двери отверстіе и, выйдя чрезъ него изъ каземата, скрылся въ лѣсъ. И этотъ побѣгъ былъ неудаченъ: не зная мѣстности, онъ заблудился въ лѣсѣ и 22 сент. былъ пойманъ, засаженъ въ самый крѣпкій казематъ, скованный по рукамъ и ногамъ, и такъ сидѣлъ до смерти.

Въ 1746 г. изъ самарской воеводской канцеляріи, по распоряженію синода, присланъ новокрещенный изъ персіянъ Александръ Михайловъ за то, «чтобы онъ отъ благочестія какимъ либо случаемъ не могъ въ невѣріе обратиться и тѣмъ благочестіе поругано не было и для лучшаго въ благочестномъ законѣ къ вѣрѣ утвержденія содержать его

безвыходно съ дачею надлежащаго пропитанія и съ крѣпкимъ смотрѣніемъ».

Гренадеръ Ѳедоръ Устиновъ и канцелярист канцеляріи главной фортификаціи Михаилъ Платоновъ за «нѣкоторыя важныя вины», первый подъ караулъ, другой подъ присмотръ. Платоновъ въ томъ же году умеръ.

1748 г. присланъ воспріявшій изъ жидовъ вѣру греческую Павелъ Ѳедоровъ, «дабы онъ отъ православной вѣры не отвратился», съ присовокупленіемъ. что если онъ пожелаетъ постричься въ монашество. то постричь его. Дѣйствительно, 1760 г. іюня 22 д., онъ былъ постриженъ монахомъ.

1749 г. Нижегородецъ Григорій Дружининъ. за расколъ, сумасшедшій, въ желѣзахъ и въ тюрьму. Изъ тюрьмы онъ бѣжалъ два раза, и въ обоихъ случаяхъ пойманъ. Какъ иногда бывалъ слабъ надзоръ за арестантами показываютъ побѣги Дружинина. Онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ у Никольскихъ воротъ, вмѣстѣ съ другими арестантами. Разъ караульные всѣ вышли изъ коридора и забыли задвинуть засовъ у его чулана. Пользуясь этимъ, онъ свободно вышелъ изъ тюрьмы. посидѣлъ немного между кор бми въ Никольскихъ воротъ. пока народъ прошелъ на обѣдъ, потомъ вышелъ изъ за стѣны въ близъ лежащій лѣсокъ и тамъ сбилъ съ ногъ кандалы. Въ лѣсѣ онъ заплуталъ между озерами, и потомъ былъ пойманъ.

1750 г. Пѣменъ московской епархіи Крестовоздвиженскаго монастыря Ѳеофанъ «за явное съ женскимъ поломъ грѣхопаденіе» сосланъ на годъ монастырскихъ трудовъ. а потомъ навсегда простымъ монахомъ. Человѣкъ, должно быть. образованный. что видно изъ описи его книгъ на четырехъ языкахъ: латинскомъ, греческомъ, французскомъ и нѣмецкомъ. Онъ былъ лишенъ игуменства и іеромонашества.

1752 г. По распоряженію архангельскаго епископа іеромонахъ Соловецкаго монастыря Рафаилъ за «волшеб-

ство» лишенъ іеромонашества и отдалъ въ монастырскіе поваренные труды, а равно и пономарь Кострюковъ и іеромонахъ Сергѣй за то же преступленіе посажены въ тюрьму.

Того же года. Дворцоваго села Ишеева крестьянинъ Василій Щербаковъ за важную его вину, учинивъ наказаніе, битъ кнутомъ нещадно, посланъ въ Соловецкій монастырь въ монастырскіе труды навѣчно, «понеже онъ, Щербаковъ, явился въ немаловажной винѣ и дабы отъ него впредь таковыхъ важныхъ продерзостей произойти не могло». Живя въ монастырѣ, Щербаковъ написалъ какую-то тетрадь, которая, будучи отъ него отобрана, отослана въ тайную канцелярію. За написаніе этой тетради въ тайной канцеляріи опредѣлено: «оному Щербакову за сочиненіе имъ вышепоказанной суевѣрной, богопротивной и важной тетрадки и дабы онъ впредь таковыхъ тетрадокъ сочинять не дерзалъ и имѣлъ бы отъ того крѣпкую предосторожность, и во удержаніе учинить наказаніе: бить плетьми и по учиненіи того наказанія содержать его въ Соловецкомъ монастырѣ, какъ посланнымъ ранѣе указомъ велѣно. Смотрѣть надъ нимъ весьма прилежно, почасту, дабы онъ впредь таковыхъ же тетрадишекъ сочинять не могъ, чего ради пера, чернилъ, бумаги, угля, береста и прочаго къ письму способнаго отнюдь бы при немъ не было и онаго ему не давать». Черезъ три года послѣ этого Щербаковъ умеръ.

1753 г. По распоряженію конторы тайныхъ розыскныхъ дѣлъ канцеляріи присланъ раскольщикъ дьячковъ сынъ Иванъ Яковлевъ. Въ инструкціи, присланной вмѣстѣ съ нимъ, приказывается содержать его съ большою строгостію. «Раскольщика дьячкова сына Ивана Яковлева, говоритъ инструкція, за злодѣйственныя богопротивныя важныя его вины (о которыхъ въ тайной канцеляріи явно по дѣлу), сверхъ бывшаго ему розыску, вмѣсто смертныя казни, учинить жесточайшее наказаніе: бить кнутомъ нещадно и. вы-

вѣзавъ ноздри (которое ему и учинено), сковапа въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ содержать въ особомъ уединенномъ мѣстѣ подъ крѣпкимъ карауломъ никуда неисходна, и посторонпихъ къ нему, кромѣ караульныхъ, ни для чего не допускать, и караульнымъ же разговоровъ съ нимъ никакихъ имѣть не велѣть, и писемъ ни къ кому ни о чемъ писать ему не давать, чего ради пера, чернилъ и прочаго, чѣмъ можно писать, отнюдь бы при немъ не было; смотрѣть же накрѣпко того, дабы онъ не могъ каковымъ образомъ утечки учинить, и во время того его содержанія пищу ему давать токмо одинъ хлѣбъ и воду. А ежели, паче чаянія, опый Яковлевъ станетъ произносить какопыя важныя и непристойныя слова, тогда ему въ ротъ класть кляпъ, который вынимать тогда, когда ему пища давана быть и хлѣбъ, и о томъ, записывать и содержа секретно, изъ онаго монастыря писать въ тайную канцелярію.

При такомъ способѣ содержанія въ уединенномъ мѣстѣ, Яковлевъ имѣлъ силы прожить семь лѣтъ; онъ умеръ безъ раскаянія 11 авг. 1760 г.

Того же 1753 г. Игуменъ Руфъ, черниговскаго Клюшевскаго монастыря за произнесеніе важныхъ и непристойныхъ словъ жестоко наказанъ плетьми и сосланъ въ Соловки монахомъ. Черезъ годъ снова былъ посланъ игуменомъ въ тотъ же Клюшевскій монастырь.

1754 г. Бывшій уніатскій попъ, принявшій православіе, Корнилій Судиловскій, «который подъ слѣдствіемъ явился въ наиважнѣйшей винѣ». Содержать его велѣно въ трудахъ подъ карауломъ до кончины живота съ правомъ, впрочемъ, принять монашество.

1755 г. Холмогорецъ Василій Еремѣевъ въ уединенное мѣсто, съ правомъ класть кляпъ въ ротъ.

Новокрещенный изъ евреевъ Аѳанасій Кискинъ за произнесеніе о вѣрѣ Христовой непристойныхъ словъ и поруганія св. креста, для пребыванія на братской порціи, дер-

жать раскована, только подъ присмотромъ, «дабы онъ таковыхъ продерзостей, каковы у него прежде послѣдовали, чинить не могъ».

Купецъ Яковъ Сергѣевъ, раскольникъ, въ уединенную тюрьму.

Іеромонахъ Высокопетровскаго монастыря Принархъ «за произношеніе отъ него тягчайшаго богохуленіемъ согрѣшенія». Ему запрещено на три года священнослуженіе и назначено быть въ черной работѣ. Пища монашеская, въ среду и пятокъ сухояденіе, а хмѣльнаго никогда.

1756 г. Колодникъ Макаръ Алексѣевъ. Кто онъ и за что — неизвѣстно. Сказано только, что если онъ будетъ объявлять слово и дѣло или важность, то въ тайную канцелярію его не присылать, а, записавъ оныя секретно, посылать въ тайную канцелярію, а ему чинить за это наказаніе плетьми.

Бывшій іеродіаконъ Боровскаго монастыря Мартирій, а по растриженіи Митрофанъ Васильевъ, «за великоважную его вину, по учиненіи жестокаго наказанія кнутомъ, содержать вѣчно, неисходно въ тяжкихъ монастырскихъ трудахъ».

Колодникъ Ѳедоръ Васильевъ за «вину его» содержать до кончины живота его никуда неисходно въ тяжкихъ трудахъ, дабы онъ утечки учинить не могъ, скована. Пищу давать ему противъ одного монаха.

1757 г. Свято-троицкой Сергіевой лавры монахъ Серапіонъ Магницкій «за безпокойство»: содержать въ поваренныхъ и хлѣбопечныхъ трудахъ неисходно, а если будетъ чинить безпокойство, то держать въ тюрьмѣ.

Сержантъ Московскаго полка Алексѣй Совѣтовъ «за учиненіе имъ продерзостной вины и не раскаяніе» содержать пять лѣтъ въ тяжкихъ монастырскихъ трудахъ.

1758 г. Новгородскаго Юрьева монастыря іеродіаконъ Іоасафъ Масловъ «за вину его» быть въ монастырѣ въ вѣч-

номъ неисходномъ житіи, а ежели паче чаянія, оный Іоасафъ, будучи въ томъ монастырѣ, станетъ за собою или за кѣмъ другимъ сказывать слово и дѣло по 1 и 2 пунктамъ, или объявлять важность, то ему въ томъ, за многимъ его подозрительствомъ, не вѣрить и оговоренныхъ имъ людей подъ карауль не брать и въ тайную канцелярію не присылать, а за то его сказываньс имъ слова и дѣла и объявленіе важности чинить въ монастырѣ наказанія плетьми и для извѣстія объ этомъ писать въ тайную канцелярію.

1759 г. Прислалъ изъ тайныхъ розыскныхъ дѣлъ канцеляріи колодника Петръ Салтыковъ, коего велѣно было содержать до кончины живота его никуда изъ онаго монастыря неисходно подъ карауломъ и поступать во всемъ, какъ отъ тайной канцеляріи опредѣлено «непремѣнно». При Салтыковѣ прислалъ для услугъ его дворовый человѣкъ Игнатій Рагозинъ съ тѣмъ, что если Салтыковъ захочетъ отпустить Рагозина, то прислать его сначала въ тайную канцелярію. Зимою 1762 года Салтыковъ былъ освобожденъ. Объ его освобожденіи была послана экстренная грамота въ зимнее время, и арестантъ былъ немедленно увезенъ въ Петербургъ.

Въ 1759 году присланы:

Два вдовые попа изъ Москвы Иванъ Леоптьевъ и Андрей Шаикинъ за пьянство первый, а второй по желанію, «а паче дабы отъ него нѣкотораго продерзоства не происходило»; и обои «за нѣкоторую вину» биты были предварительно плетьми. Если захотятъ они принять монашество, то постричь ихъ, чѣмъ и воспользовался Шаикинъ. Замѣчено про обоихъ, чтобы объявленію ими слова и дѣла не вѣрили а били бы за это плетьми на мѣстѣ.

По указу Варсонофія, архіепископа холмогорскаго, присланы въ іюнѣ мѣсяцѣ архангелогородской Кузнечевской церкви попы Никола Ивановъ и Иванъ Васильевъ, дьякопъ Иванъ Кузьминъ и Нижнекайдокурской церкви

попъ Никифоръ Наумовъ, всѣхъ ихъ, по наказаніи плетьми, велѣно держать до указа въ тяжкихъ монастырскихъ трудахъ, «а ежели оные попы и дьяконъ учнутъ чинить непослушаніе и своевольство, то смирять ихъ, по монастырскому обычаю, нещадно». Всѣ они были освобождены въ октябрѣ того же года.

Крестьянинъ Хлотаевскаго уѣзда Новотроицкаго дворцоваго села Ардатова слѣпой Василій Дуриовъ «за вину его» до кончины живота неисходно. Пища ему была назначена противу одного работника.

1760 г. Бывшій строитель Предтеченской пустыни, Трубчевскаго уѣзда, монахъ Варсонофій (Василій Марковъ) «за важную его вину содержать подъ крѣпкимъ карауломъ до конца живота его неисходно и никуда не пускать, а пищу давать противъ одного монаха».

1761 г. Старотроицкаго Александро-невскаго монастыря монахъ Антонія за непристойные его монашескому чину непорядочные поступки и за разные изъ монастыря побѣги и сказываніе за собою слова и дѣла бытъ быль, по распоряженію тайной канцеляріи, предъ собраніемъ того Александро-невскаго монастыря братіи, плетьми нещадно и послать въ Соловецкій монастырь подъ караулъ «неисходно».

Донскаго монастыря бѣглые: іеромонахъ Игнатій и іеродіаконъ Кипріянъ за «неоднократные побѣги изъ монастыря, за напрасное святѣйшаго синода утруждепіе, за несправедливыя жалобы на члена синода Донскаго монастыря архимандрита Варсонофія; а паче за производимые отъ нихъ непристойные монашескому чину неприличные поступки и непотребства». За эти вины имъ учинено было наказаніе шелепами при собраніи братства въ трапезѣ Донскаго монастыря. Въ Соловки посланы на послушаніе.

Изъ обрѣтающейся въ С.-Петербургѣ конторы преосвященнаго Іоасафа, епископа архангельскаго и холмогорскаго, «велѣно присланнаго изъ опой конторы главнаго ма-

гистрата ратсгера Андрея Давидова Онащикова сына его Петра, по просьбѣ отца, за непотребные, противомерзкіе и пьяпственные его поступки въ монастырскіе черные труды до исправленія его въ состояніе».

1762 г. Дворовый человѣкъ поручика Сабурова, Сергѣй Трифоновъ, въ монастырскіе труды. «А какъ онъ сумасшедшій, и оттого происходятъ разныя непристойныя слова, и для того во всемъ томъ, что онъ въ разговорахъ произносить будетъ, не вѣрить».

Московскаго уѣзда села Жукова попъ Семенъ Васильевъ за «ложно вымышленное его о нѣкоторыхъ продерзкихъ и непристойныхъ словахъ показаніе», закованный въ кандалахъ, «дабы онъ впредь ни на кого ложно доносить не отважпвался», послапъ къ вѣчному и неисходному содержанію въ Соловецкомъ монастырѣ, гдѣ употреблять его вмѣсто въ работы. Буде же онъ будучи въ пути или монастырѣ станетъ на кого о какихъ-либо дѣлахъ доносить или же что произносить, то дабы неповинные люди не могли отъ него иногда претерпѣть каковаго оскорбленія, онымъ его доносамъ не вѣрить и никакихъ слѣдствій не производить, а ему, яко уже доказательному клеветнику и продерзателю, чинить въ томъ мѣстѣ плетьми наказаніе».

1781 г. Секретарская вдова Матрена Теплицкая принесла жалобу оберъ прокурору синода кн. Вяземскому на сына своего подпоручика Александра Теплицкаго, который за непорядочное поведеніе, по просьбѣ ея, содержался въ смирительномъ домѣ больше года и по сіе время весь себя не порядочно, чиня ослушаніе и грубости и съ содержащимися тамъ колодниками завсдя драки. По увольненіи изъ смирительнаго дома, онъ попрежнему «обращался въ предосудительныхъ поступкахъ». И, наконецъ, придя въ домъ матери своей, сначала обругалъ ее непотребными словами, а потомъ избилъ ее. Обо всемъ этомъ доложено было ея и. величеству, на что она повелѣть соизволила:

онаго Теплицкаго послать въ Соловецкій монастырь, чтобы содержать его тамъ до того времени, покуда онъ въ дерзновеніи своемъ раскается и развращенную свою жизнь исправитъ». Въ монастырѣ велѣно заставлять его рубить дрова, копать огороды и возить для монастыря воду.

Какъ не исправился Теплицкій въ смирительномъ домѣ, такъ мало пользы принесла ему жизнь въ Соловкахъ. Въ теченіе года въ монастырѣ онъ столько накуралесилъ, что архимандритъ не зналъ, что съ нимъ и дѣлать, и просилъ его убрать куда-либо. На это отвѣчали изъ Петербурга, чтобы для смиренія назначили Теплицкаго въ такія тяжкія работы, какія только найдутся въ Соловкахъ. Но и это не помогло. Теплицкій въ Соловкахъ устроилъ фабрикацію фальшивой монеты, былъ пойманъ, судимъ и, по наказаніи кнутомъ, сосланъ въ каторгу.

XII.

Въ 1781 г. былъ присланъ особенный колодникъ, который именовался бывшимъ Пушкинымъ. Это годъ до его присылки вологодскій и ярославскій генералъ-губернаторъ Мельгуновъ потребовалъ отъ соловецкаго архимандрита точнаго плана всѣхъ арестантскихъ помѣщеній. Въ октябрѣ того же года архимандритъ получилъ отъ Мельгунова слѣдующее письмо:

«Весьма секретно». Высочайше именное ея и. в. имѣю я повелѣніе о переводѣ одного секретнаго колодника изъ того мѣста, гдѣ онъ нынѣ содержится, для таково-жъ содержанія въ Соловецкомъ монастырѣ. А какъ сей преступникъ человѣкъ хитрый и дерзкій, того ради и повелѣно держать его такъ, чтобы онъ не только приходящихъ богомольцевъ, ниже кого изъ монастырскихъ жителей, исключая караульныхъ, какъ онъ ни кого, такъ и его никтобъ видѣть не могли. Оный же колодникъ будетъ къ вамъ присланъ будущею весною, для котораго прошу ваше в — преподобіе приготовить удобное мѣсто къ вышеописанному со-

держанію; для лучшаго мнѣ усмотрѣнія присылаю при семъ тотъ планъ, который вы прислали ко мнѣ, прошу на оном назначить, въ которыхъ кельяхъ назначите вы посадить того колодника, однако-жъ, чтобы въ той палатѣ было одно окошко и то небольшое за желѣзною рѣшеткою. Гдѣ вы таковой покой назначите, при увѣдомленіи прошу опять доставить ко мнѣ планъ, дабы я могъ сіе видѣть. Сентября 27-го дня 1780 года.

Согласно этому предписанію для ожидаемаго арестанта былъ назначенъ казематъ между кожевенной кладовой и живописной палатой, въ с.-з. углу крѣпостной стѣны. А такъ какъ это помѣщеніе съ двухъ сторонъ было открыто, то для полнаго изолированія отъ всего живого были устроены двѣ стѣны: одна высокая деревянная, другая каменная, упирающаяся въ крѣпостную стѣну. Для приспособленія каземата, согласно инструкціи, было израсходовано болѣе 200 рублей, которые монастырское начальство требовало съ Мельгунова, но тотъ отказалъ имъ въ этомъ на томъ основаніи, что казематъ останется у нихъ же и пригодится для другихъ людей.

Когда, такимъ образомъ, былъ устроенъ казематъ, во всемъ согласный требованіямъ Мельгунова и найденъ удовлетворяющимъ своему назначенію, былъ присланъ обѣщанный колодникъ при такомъ отношеніи Мельгунова:

«Секретно». Архангельскому оберъ-коменданту отъ меня предписано секретнаго колодника бывшаго Пушкина, о которомъ я вамъ прежде писалъ для содержанія въ Соловецкомъ монастырѣ, отправить къ вамъ на одномъ изъ монастырскихъ судовъ съ однимъ унтеръ-офицеромъ и тремя солдатами на цѣлый годъ, по гривнѣ на каждый день съ кормовыми деньгами; и для того, когда оный колодникъ къ вамъ въ Соловецкій монастырь привезенъ будетъ, имѣете в. в- преподобіе посадить его въ назначенный вами на планѣ подъ № 19 покой, приставя къ нему для караула присланныхъ съ нимъ отъ архангельскаго оберъ-коменданта унтеръ-офицера и солдатъ. А дабы онъ уйти не могъ, или не могло отъ него произойти какихъ пребывающимъ тамъ людямъ без-

покойствъ и не меньше и приходящимъ для молепія въ монастырь людей, отнодь-бы онъ, а равно и его никто видѣть не могъ, то его въ вышеписанномъ покоѣ приказать запереть, и изъ онаго никуда не выпускать, а на кормовыя деньги покупать ему пищу и платье и отдавать тѣ деньги для сей покупки оными приставленными къ нему солдатамъ. О состояніи его, и какимъ образомъ онъ жизнь провождать будетъ, по прошествіи полугода, меня и вологодское намѣстничество увѣдомлять, надписывая на конвертѣ: по секрету, а нынѣ какъ скоро привезенъ будетъ, такъ меня увѣдомить-же. Апрѣля 27 дня 1781 года. Ярославль.

Ожидаемый колодникъ былъ привезенъ въ Соловки 18 іюля 1781 г. и посаженъ въ приготовленный казематъ, согласно инструкціи. Относительно содержанія его въ матеріальномъ отношеніи вышло недоразумѣніе: на содержаніе его пищей и одеждой полагалось по гривнѣ въ день, которую и расходовали его тюремщики, но съ наступленіемъ зимы потребовалось освѣщеніе и отопленіе, а потому монахи обратились съ просьбою о выдачѣ особыхъ денегъ на этотъ предметъ. Въ выдачѣ денегъ имъ отказали, а позволили, если захотятъ, брать изъ отпускаемой гривны по двѣ копѣйки на отопленіе и освѣщеніе. Что касается поведенія арестанта, то архимандритъ каждое полугодіе по октябрь 1784 г. доносилъ, что бывшій Пушкинъ ведетъ жизнь смиренную, никакихъ продерзостей не дѣлаетъ, такъ что обвиненіе его Мельгуновымъ въ хитрости и дерзости на дѣлѣ не оправдалось. Въ началѣ 1785 года онъ былъ куда-то увезенъ изъ Соловокъ. Кто онъ былъ — изъ дѣла не видно, извѣстно только, что онъ привезенъ былъ изъ Пустозерска.

Въ царствованіе Елизаветы было совершено одно изъ ряда вонъ выдающееся преступленіе: поручикъ Куковъ вмѣстѣ со своею женою убилъ свою мать и родную сестру. Преступленіе это произвело въ обществѣ большое впечатлѣніе, и правительство не знало, какъ наказать этихъ злодѣевъ.

Екатерина II обратила вниманіе на дѣло Жуковыхъ; она дала запросъ членамъ синода, бывали ли подобныя преступленія въ исторіи, если были, то какъ относились къ нимъ святые отцы, и просила мнѣнія членовъ синода, какъ поступить съ Жуковыми. Синодъ отвѣчалъ, что подобные примѣры бывали въ исторіи и описывали разныя наказанія, коимъ подвергались такіе злодѣи, но что касается наказанія Жуковыхъ, то на это отвѣчали, что воля есть в. величества, но съ христіанской точки зрѣнія лучше всего дать злодѣямъ возможность раскаяться, т.-е. не казнить ихъ. Императрица рѣшила заключить Жуковыхъ по монастырямъ до смерти ихъ, чтобы они могли восчувствовать свой грѣхъ.

Для успокоенія общества былъ составленъ особый манифестъ, гдѣ излагалось злодѣяніе Жуковыхъ, запросъ членамъ синода и ихъ отвѣты и рѣшеніе императрицы, и манифестъ этотъ разосланъ повсемѣстно для обнародованія.

Поручикъ Жуковъ былъ заключенъ въ Соловецкую крѣпость. Изъ каземата его каждодневно водили въ церковь, гдѣ онъ долженъ былъ въ одеждѣ кающагося отмаливать свое злодѣяніе. Будучи помѣщикомъ, онъ взялъ съ собою двухъ слугъ, но не нуждаясь въ ихъ услугахъ въ казематѣ, онъ посылалъ ихъ сначала на заработки въ Архангельскъ, но когда ему запретили это дѣлать, то продалъ ихъ по 10 рублей за штуку.

Въ числѣ секретныхъ дѣлъ монастыря находится «дѣло о важномъ блеваніи смертоубійцы колодника Жукова». Блеваніе это состояло вотъ въ чемъ.

Въ день коронованія императрицы въ монастырѣ была торжественная служба, на которой, между прочимъ, былъ и Жуковъ. Во время великаго выхода, когда архимандритъ, принимая св. дары, поминалъ царскую фамилію, Жуковъ, подойдя къ настоятельскому мѣсту, закричалъ: «..... какая она императрица, она де татарка. Безумца увели.

Послѣ службы отъ всѣхъ служащихъ были отобраны расписки, что они, подъ страхомъ смертной казни, никому не разскажутъ «блеванія» Жукова. Начались допросы, почему «блевалъ», не подучалъ ли кто, не было ли священниковъ и проч., и, наконецъ, Жукова заковали и отправили въ Архангельскъ. Дѣло пошло своимъ чередомъ, и, наконецъ, о немъ доложено было государынѣ. Императрица повелѣла дѣло прекратить, а Жукова отправить обратно въ Соловки, но заключить его тамъ такъ, чтобы про него никто ничего не зналъ. Просидѣвъ въ такомъ заключеніи около двухъ лѣтъ, Жуковъ «своею волею удавился», какъ показывалъ его караульный.

Въ 1786 году монастырское начальство, имѣя въ виду манифестъ 1787 года, предоставило губернатору слѣдующую вѣдомость о содержащихся въ острогѣ арестантахъ съ обозначеніемъ ихъ преступленій, въ надеждѣ, что правительство освободитъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, подведя подъ милостивый манифестъ.

Вѣдомость о содержащихся въ Соловецкомъ монастырѣ колодникахъ отъ іюня по октябрь мѣсяцъ 1786 г.:

1) Ѳедоръ Васильевъ, содержащійся съ 1756 г., мая 28. По указу св. синода и тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи за немаловажную его вину къ содержанію до кончины живота его никуда неисходна въ тяжкихъ трудахъ скована, а въ прошломъ 766 г. по выс. ея и. в. соизволенію велѣно оставить его подъ присмотромъ монашескимъ, а не подъ карауломъ.

2) Алаторскаго уѣзда, дворцоваго села Новотроицкаго крестьянинъ Василій Думиновъ (сѣдой), съ 1759 г., окт. 4. По ук. арх. д. конс., а въ оную по ук. синода, по опредѣленію бывшей тайной канцеляріи за вину его для содержанія неисходно до кончины живота.

3) Поручика Ивана Сабурова дворовый человѣкъ Сергѣй Трифоновъ, съ 1762 г., сент. 4. По ук. синода по в. пов. для употребленія въ работы, а какъ онъ сумасшедшій, от-

чего происходятъ всякія непристойныя слова, то что въ разговорахъ произносить будетъ, во всемъ томъ не вѣрить ему.

4) Новгородскаго пѣхотнаго полка солдатъ Иванъ Алексѣевъ (умеръ 1789 г.) съ 1762 г., окт. 1. По имянному ея и. в. указу на вѣчное пребываніе, и чтобы отъ него какихъ безпокойствъ монашествующимъ не произошло для содержанія караула командированы арханг. гарнизона солдаты, и чтобы его, кромѣ церкви, никуда не выпускать. 1781 г. велѣно изъ-подъ караула свободить, а оставить подъ монашескимъ присмотромъ.

5) Малороссіянецъ Антонъ Любимскій, съ 1765 г., марта 6. По присланнымъ изъ св. синода изъ учрежденной по церковнымъ имѣніямъ комиссіи и изъ коллегіи экономіи съ прописаніемъ имяннаго ея и. в. указа для содержанія яко безумнаго неисходно, и чтобы онъ себя и кого другаго не повредилъ какимъ орудіемъ и не допускать его имѣть бумаги, чернила, пера и проч.

6) Воложскій дворянинъ Михайло Ратицовъ, съ 1766 г., августа 19. По указу св. синода во исполненіе ея и. в. конфирмаціи за оказавшееся смертное преступленіе и безумство; дабы отъ него подобныхъ тому неистовствъ и неповиннымъ людямъ вреда впредь произойти не могло, содержать скована, употреблять притомъ ко всякимъ работамъ. Ежели противъ чаянія со временемъ придетъ въ чувство, и тогда учинить ему церковное покаяніе, а чтобъ онъ другимъ людямъ вреда учинить не могъ, опредѣлить къ нему изъ обрѣтающихся въ монастырѣ солдатъ особливый караулъ, за которымъ во время священнослуженія къ церковн. славословію водить и стоять до усмотрѣнія его состоянія въ паперти.

7) Бывшій бѣлгородской епархіи, Мирополь каго Николаева монастыря архимандритъ, а нынѣ монахъ Григорій Спичинскій, съ 1772 г., марта 2. По имянному ея и. в. указу за оказавшіяся его вины, по лишеніи архимандритства, содержать простымъ монахомъ на неисходномъ послушаніи 1784 г. по секретному сообщенію яросл. и вологодск. ген. губерн. Мельгунова, по высочайш. повелѣнію Спичинскаго, какъ человѣка непостояннаго и дерзкаго нрава, также во многихъ клеветахъ и неосновательныхъ доносахъ и ложныхъ разглашеніяхъ извѣстнаго, содержать подъ стражею

въ особливомъ покоѣ и никого къ нему изъ пріѣзжающихъ въ монастырь не допущать. Равно же для удержанія его отъ всякихъ клеветъ, бумаги, чернилъ и ничего къ письму способнаго ему не давать.

8) Бывшій сѣчи запорожской кошевой Петръ Кольпишевскій*), съ 1776 г., іюля 29. По указу синода во исполненіе высочайшаго ея и. в. на всеподдан. генер.-аншефа, военной коллегіи вице-президента, новороссійск. ген.-губернатора и кавалера Григ. Ал. Потемкина докладъ конфирмаціи для содержанія безвыпускно изъ монастыря и удаленія не токмо отъ переписокъ, но и отъ всякаго съ посторонними людьми обращенія за неослабнымъ карауломъ обрѣтающихся въ монастырѣ солдатъ.

9) Филиппъ Тимофѣевъ, что нынѣ монахъ Филимонъ, съ 1780 г., декабря 22. По предписанію прокурора кн. Вяземскаго, вслѣдствіе ея и. в. соизволенія за обращеніе его напредъ сего въ пьянствѣ и отгого учиненное преступленіе и дерзость, чтобъ за жизнію и поведеніемъ имѣть неослабное смотрѣніе, и чтобъ онъ изъ монастыря никуда отлучаемъ не былъ, въ какомъ онъ состояніи находиться будетъ ежегодно къ его сіятельству рапортовать.

10) Бывшій Пушкинъ, съ 1781 г., іюня 18. По секрети. сообщенію ген.-губерн. Мельгунова во исполненіе высоч. ея и. в. повелѣнія для содержанія въ особливомъ покоѣ за особымъ карауломъ.

11) Лишенный дворянства и чиновъ отставной подпоручикъ Петръ Шелешовъ, съ 1783 г., іюня 5. По имянн. ея и. в. указу за оказавшееся неумышленное смертное отца своего убійство на вѣчное и безысходное пребываніе къ употребленію въ работу, чтобы онъ по смерть свою приносилъ покаяніе въ своемъ тяжкомъ преступленіи.

12) Отставной подпоручикъ Александръ Тепляцкій, съ 1783 г., іюня 23. Во исполненіе ея и. в. повелѣнія приказано послать для содержанія до того времени, покуда онъ въ дерзновеніи своемъ раскается и развращенную жизнь свою исправитъ. На пропитаніе же ему изъ монастырской суммы ничего не производить, но принудить, чтобы онъ доставалъ себѣ работою.

---

*) О Кольпишевскомъ и его жизни въ Соловкахъ см. статью г-жи Ефименко „Русск. Стар.“, т. XIV, изд. 1875 г.

13) Лишенный дворянства Илья Рачинскій, съ 1783 г., августа 4. Въ силу высоч. ея и. в. повелѣнія, по освобожденіи отъ оковъ, держать, во избѣжаніе побѣга и всякихъ непристойныхъ поступковъ, подъ надлежащимъ присмотромъ.

14) Лишенный чиновъ бывшій поручикъ Михаилъ Попескулъ, съ 1785 года, октября 1. По высочайшему повелѣнію. По лишеніи чиновъ за нѣкоторыя учиненныя имъ преступленія къ неисходному пребыванію и содержанію, какъ человѣка, наполненнаго дерзостію и отчаяніемъ и склоннаго не только къ клеветѣ, но и на всякія вредныя дѣянія, подъ такимъ присмотромъ, чтобы онъ никакъ изъ монастыря уйти не могъ, и писемъ писать ему никому не позволять и о образѣ жизни и поведеніи его извѣщать чрезъ каждые шесть мѣсяцевъ архангельскаго губернатора.

15) Бывшій лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка лекарь Алексѣй Лебедевъ (1790 г. въ маѣ приказано было сдать его сенатскому курьеру для отправки въ С.-Петербургъ), съ 1786 г., мая 9. По высочайшему повелѣнію для содержанія подъ крѣпкою стражею особо отъ прочихъ колодниковъ, и кромѣ церкви его никуда не выпускать, принявъ при томъ всеинастрожайше соотвѣтственно высоч. ея. и. в. повелѣнію предосторожности, дабы онъ ни себѣ, ни другимъ вреда по безумію причинить не могъ и не имѣлъ способу ни токмо къ сообществу съ кѣмъ бы то ни было, но и ни къ какому изъясненію безумныхъ изрѣченій на словахъ и на письмѣ и для того ни чернила, ни бумаги, ни прочаго къ письму служащаго ему не давать. На пропитаніе производить противъ одного монаха. О его жизни сообщать каждогодно кн. Вяземскому.

16) Полоцкаго намѣстничества мѣщанинъ Леоновичъ за переходъ изъ православія въ унію въ 1786 г.

По представленіи этой вѣдомости на благоусмотрѣніе ея и. в. государыня повелѣла, дабы всѣхъ показанныхъ въ вѣдомости, содержащихся въ Соловецкомъ монастырѣ колодниковъ, оставить въ томъ монастырѣ, на основаніи преждеучиненныхъ о содержаніи ихъ предписаній.

XIII.

Въ 1806 г. въ селѣ Константинополѣ, Маріупольскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи, захвачено было полиціей три человѣка, не исповѣдующихъ никакой религіи и не признающихъ никакой власти. Ихъ подвергли допросамъ, при чемъ оказалось, что они уже много лѣтъ ходятъ изъ мѣста въ мѣсто, проповѣдуя свое ученіе объ исчезновеніи благодати на землѣ и незаконности власти. По докладѣ о нихъ, Александръ I повелѣлъ послать ихъ въ Соловки для исправленія. 1807 г. въ Екатеринославѣ они были скованы и каждый порознь отправлены въ Соловки въ заточеніе. Вмѣстѣ съ ними также отправленъ въ Соловки екатеринбургскій мѣщанинъ Соколовъ, по примѣру ихъ оказавшій сопротивленіе властямъ. Въ монастырѣ велѣно ихъ держать въ самомъ строгомъ заключеніи и направлять на путь истины кроткими мѣрами. Пробывъ годъ въ заключеніи, они изъявили раскаяніе и желаніе присоединиться къ церкви. По донесеніи объ ихъ раскаяніи въ синодъ, они были подвергнуты еще годовому искусу, и потомъ присоединены къ церкви и чрезъ недолгое время освобождены.

Въ томъ же 1806 году въ Новгородѣ возбуждено было дѣло о распространеніи жидовствующей ереси. Однимъ изъ главнымъ виновникомъ оказался исаломщикъ Ивановъ, котораго за приверженность и распространеніе жидовствующей ереси, по высочайшему повелѣнію, сослали въ Соловки въ заточеніе, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ.

Въ томъ же году гвардеецъ Ширшевъ, за убійство въ припадкѣ сумасшествія. Какъ сумасшедшій, былъ содержимъ въ особомъ мѣстѣ, но, понятно, заточеніе не вылѣчило его отъ сумасшествія.

1812 г., по высочайшему повелѣнію, присланъ крестьянинъ Вятской губ., Орловскаго уѣзда, Семенъ Шубинъ.

за произношеніе на св. церковь и св. дары богохульныхъ словъ и за приверженность къ расколу. Пробылъ въ острогѣ непоколебимымъ въ своихъ заблужденіяхъ до своей смерти въ 1875 г. Умеръ 89 л. отъ роду; предъ смертію года три не въ состояніи былъ ходить.

Въ 1815 г., по высочайшему повелѣнію, присланъ въ Соловки изъ Петропавловской крѣпости французъ Августъ Турпель. За что — неизвѣстно. Человѣкъ онъ былъ, надо полагать, очень богатый, что видно изъ описи его имущества, привезеннаго съ собою, въ которой значится много золотыхъ и серебряныхъ вещей (колецъ золотыхъ болѣе 20 штукъ), 6 фраковъ и т. п. Въ 1820 г. онъ былъ увезенъ въ Архангельскъ.

Въ 1818 г. дворовый человѣкъ графа Головкина Антонъ Дмитріевъ, за распространеніе скопчества и за оскопленіе себя и своего господина гр. Головкина. Сидѣлъ въ соловецкой крѣпости до смерти своей. 1880 г. Онъ такъ свыкнулся съ тюрьмой, что когда въ 1870-хъ годахъ его освободили, то онъ не хотѣлъ выйти изъ тюрьмы и тамъ доживалъ свой вѣкъ не въ родѣ арестанта. Умеръ не раскаявшись.

Въ 1821 г. присланъ, по высочайшему повелѣнію, томскій купецъ Меѳодій Петровичъ Шумиловъ. При присылкѣ его въ Соловки оберъ-прокуроръ синода, кн. А. Н. Голицынъ, послалъ на имя соловецкаго архимандрита слѣдующее своеручное письмо:

Секретно. Нужнымъ считаю сообщить вамъ, что съ симъ отношеніемъ посланный арестантъ есть скопецъ, по волѣ государя императора отправленъ генералъ-губернаторомъ с.-петербургскимъ гр. Милорадовичемъ. Его имя Меѳодій, по фамиліи Шумиловъ, сильно зараженъ скопческою ересью и очень не глупый человѣкъ. Надобно обратить на него ваше вниманіе для обращенія его на истинный путь, и не давайте ему способу сообщаться письменно, ни лично со своими сообщниками. Онъ преданъ душевно старику-начальнику скопцовъ, бывшему прежде въ Петербургѣ,

и кого онъ почитаетъ даже Искупителемъ. Прошу васъ по временамъ увѣдомлять меня, какіе въ немъ плоды вы будете усматривать. Объ его фамиліи вамъ не нужно другимъ разсказывать и рапортовать въ Синодъ, а можно обозначать просто скопцомъ. Кн. Голицынъ. 19 авг. 1821 года.

Шумиловъ былъ сначала старообрядцемъ безпоповщинской секты, но въ 1818 г. присоединился къ православію. Очень богатый человѣкъ, имѣющій процессъ въ департаментомъ сената по наложенію секвестра на его имущество въ 2,591.000 р. Умеръ въ Соловкахъ безъ раскаянія въ 1823 г., не дождавшись окончанія своей тяжбы.

1821 года инвалидъ Иванъ Кузнецовъ, за совращеніе въ расколъ военныхъ нижнихъ чиновъ. Не раскаялся и умеръ въ тюрьмѣ въ 1836 г.

1822 года с.-петербургскій мѣщанинъ Семенъ Кононовъ за скопчество. Умеръ въ соловецкой тюрьмѣ въ 1856 году безъ раскаянія.

Въ 1822 г. свѣтскимъ начальствомъ въ Калужской губерніи, Перемыс. уѣзда, въ дер. Жалековѣ и Полянахъ открыта новая секта, имѣющая, по соображенію калужскаго начальства, совершенное сходство съ сектою скопцовъ. Основателями этой секты оказались: земскій писарь Варѳоломей Павловъ, экономическіе крестьяне Герасимъ и Евстафій Глумовы и Иванъ Терентьевъ. Комитетъ министровъ, на разсмотрѣніе котораго было отдано это дѣло, опредѣлилъ первыхъ троихъ послать въ Соловецкій монастырь въ число штатныхъ служителей. Варѳ. Павловъ оказался зараженнымъ венерическою болѣзнію, а потому отправленъ въ архангельскую больницу для излѣченія. Послѣ возвращенія его изъ больницы въ 1825 году аресантъ штабсъ-капитанъ Озоновичъ произвелъ надъ нимъ операцію оскопленія, о чемъ монастырское начальство узнало лишь въ 1827 г. Послѣ этого случая Павлова заперли въ тюрьму, гдѣ онъ умеръ, въ 1834 г., не раскаявшись.

Въ 1823 г. присланы въ соловецкій острогъ наставники

старообрядческаго московскаго Рогожскаго кладбища, московскіе мѣщане Иванъ Ѳедотовъ и Сергѣй Гпусинъ, какъ распространители вреднаго государству ученія. При дѣлѣ о нихъ находится и слѣдующее забайкальскихъ старообрядцевъ, гдѣ они просятъ своихъ наставниковъ разъяснить многіе спорные пункты своего вѣроученія. Изъ этого послапія видно, что Гпусинъ и Ѳедотовъ играли очень видную роль въ мірѣ старообрядцевъ. Сосланные въ Соловки, они были заключены въ острогъ и тамъ составляли одну душу. Въ своихъ заблужденіяхъ остались непоколебимы до смерти. Умерли они почти вмѣстѣ: Ѳедотовъ 22, а Гпусинъ 27 іюня 1839 г. Оставшіяся послѣ нихъ деньги 65 р., по духовному завѣщанію, были отданы для поминовенія неимущимъ, преимущественно содержащимся въ острогѣ.

Въ томъ же году, по высочайшему повелѣнію, присланы въ заточеніе рядовые 34 го егерскаго полка: Степанъ Евсѣевъ, Алекс. Яковлевъ, Иванъ Ивановъ, Клементій Григорьевъ, Игнатій Дружининъ и Иванъ Низовцевъ и крестьянинъ Павловъ за скопчество. Никто изъ нихъ не раскаялся, а потому они сидѣли въ заточеніи до смерти.

Въ 1825 г., по высочайшему повелѣнію, по наказаніи кнутомъ, присланъ на вѣчно въ соловецкій острогъ на заточеніе учитель новоторжскаго приходскаго училища Василій Воскресенскій за богохульство. Находясь въ острогѣ, онъ, какъ человѣкъ сравнительно образованный, былъ употребляемъ на письменныя работы при архимандритѣ Досиѳеѣ. Его трудами разобранъ былъ соловецкій архивъ, сдѣлана ему опись; онъ составилъ «Историческое описаніе Соловецкаго монастыря», 3 тома. - очень серьезный и добросовѣстный трудъ, изданный архимандритомъ Досиѳеемъ Нѣмчиновымъ, какъ его собственный трудъ. Конечно, онъ тотчасъ же по пріѣздѣ въ Соловки раскаялся въ своихъ

рѣзкихъ словахъ относительно религіи, сказанныхъ въ запальчивости, но только черезъ десять лѣтъ освободили его изъ тюрьмы и то съ условіемъ остаться въ монастырѣ. Въ 1841 г. онъ принялъ монашество подъ именемъ Кассіана.

Крестьянинъ Нижегородской губерніи, Княгининскаго уѣзда, Иванъ Низовъ — въ 1825 г. посланъ въ Соловки, за расколъ и оскорбленіе святыни, въ число штатныхъ служителей. 4-го іюля 1826 г. бѣжалъ, подговоривъ пріѣзжихъ крестьянъ перевести его на материкъ, но былъ пойманъ и заключенъ въ острогъ. Въ 1835 г. подалъ заявленіе о раскаяніи, и вскорѣ освобожденъ.

XIV.

Въ 1826 г. по высочайшему повелѣнію были присланы въ Соловецкій острогъ, при одномъ указѣ: шт.-кап. Щеголевъ, «повлеченный безправственностью и невѣжествомъ въ духовное преступленіе», и есаулъ войска донского Евлампій Котельниковъ «за распространеніе вредныхъ толковъ о вѣрѣ». О Щеголевѣ изъ дѣла можно почерпнуть немного: начальникъ Соловецкаго острога донесъ только архимандриту о слѣдующемъ «сумнительствѣ». Когда Щеголева привели въ казематъ, тогда онъ съ гнѣвомъ объявилъ караульному офицеру, что если его долго будутъ держать тутъ, то онъ разобьетъ себѣ голову о стѣну. Въ 1831 г. онъ былъ освобожденъ изъ монастыря.

На счетъ Котельникова свѣдѣнія нѣсколько подробнѣе, при чемъ вырисовывается не совсѣмъ заурядная личность этого несчастнаго, душевно-больного фанатика, вынесшаго 28 лѣтнее заточеніе и дожившаго до 80 лѣтъ.

Котельниковъ, интересуясь религіозными предметами и желая постичь суть православія, обратился къ одному изъ архіереевъ за указаніями, гдѣ найти ему это. Архіерей

указалъ ему на книгу «Добротолюбіе». Будучи уже ранѣе начитанъ въ святомъ писаніи и духовныхъ книгахъ, Котельниковъ, прочитавъ «Добротолюбіе», рѣшилъ выступить на защиту православія отъ разныхъ ересей и вольнодумства, чувствуя въ себѣ наитіе св. Духа.

Гдѣ у него кончался религіозный фанатизмъ и начиналось сумасшествіе — разобрать трудно, но защита православія и анаѳемствованіе ересей было такъ энергично, что представители церкви нашли нужнымъ услать яраго своего защитника на исправленіе въ Юрьевъ монастырь. Нѣкоторое время спустя, Котельниковъ согласился написать расписку въ раскаяніи и былъ освобожденъ *). Но лишь только Котельниковъ почувствовалъ себя свободнымъ, вступилъ въ роль ветхозавѣтнаго пророка; началъ громить ереси, вольнодумство и нечестіе людей. Видя, что раскаяніе Котельникова ложно, начальство сочло за благо услать его въ Соловки на заточеніе. Но и тамъ, въ заточеніи, этотъ фанатикъ не переставалъ ратоборствовать въ защиту православія, ведя, при случаѣ, жестокіе, доходящіе до изступленія, споры съ другими арестантами и намѣревался написать книгу, которая объяснила бы все непонятное въ св. писаніи.

«Долженъ я, пишетъ онъ въ своей просьбѣ въ синодъ, раскрыть въ себѣ даръ Его (Бога) во славу Его, долженъ оправдать вѣру мою и во оправданіе ея написать небольшую книгу, предреченную пророкомъ Ездрою, содержащую 204 книги или матеріи, которыя написаны въ ветхомъ и прояснены въ новомъ завѣтѣ. Первыя 134 составлю явственно для чтенія достойныхъ и недостойныхъ, а послѣднія 70—сокрыты и преданы мудрымъ, ибо въ нихъ корень разума и премудрости источникъ. Книга сія расположится по числу 7 столбовъ, сущихъ въ домѣ премудрости, т. е. въ твари, писаніи и судѣ чистой совѣсти, оправдывающей и самого язычника...»

* См. о пребываніи Котельникова въ Юрьевѣ монастырѣ и его расписку въ раскаяніи въ „Русской Старинѣ“, т. IV, изд. 1871 г., стр. 92,

«Такъ возлюбленный востокъ открываетъ красоту восточныя невѣсты своея предъ глазами всего вольнодумства и многочисленныхъ толковъ раскольническихъ въ Россіи; такъ покажетъ великолѣпное величіе ея предъ очами западныхъ церквей; такъ обличитъ ложь Магомета и вразумитъ о истинѣ ея язычниковъ и дикіе народы поразитъ свѣтомъ ея... Такимъ образомъ Богъ оправдываетъ церковь свою посредствомъ недостойной руки моей...»

При этомъ онъ просилъ у государя позволенія написать оправданіе вѣры своей подъ цензурой синода, при чемъ присовокупляетъ, что хочетъ писать это не по какимъ-либо прелестнымъ видѣніямъ, которыхъ онъ чуждъ, но «по единому отверзенію ума» на разумѣніе св. писанія, слѣдуя руководительству св. духа, а не по собственному толкованію. Если онъ напишетъ свою книгу, то заключающійся въ библіи донынѣ неудобовразумительный порядокъ въ созданіи невидимой и видимой, прежней и новой твари, въ тѣлесномъ, нравственномъ и духовномъ состояніяхъ, и во времени, мѣрою, числомъ и вѣсомъ, будетъ не труденъ и удивителенъ понятію даже обыкновеннаго ума.

Въ отвѣтъ на такое намѣреніе защитить православіе былъ полученъ изъ синода въ монастырь указъ, коимъ предписывалось усилить строгость заключенія Котельникова. Ему было запрещено пріобщаться св. таинъ, и это доставляло ему большую печаль. Много разъ Котельниковъ просилъ у синода разрѣшенія пріобщаться, но каждый разъ получался отказъ: причастить его разрѣшалось тогда, когда онъ чистосердечно раскается. Раскаяться для Котельникова значило отказаться отъ защиты православія, а это онъ считалъ смертнымъ грѣхомъ, и постоянно состязался о вѣрѣ съ другими сектантами-арестантами, проклиная ереси и защищая православіе. Монастырское начальство, не видя съ его стороны ни малѣйшаго желанія измѣнить свой образъ мыслей, изъ года въ годъ въ теченіе 25 лѣтъ аттестовало Котельникова такъ: «есаулъ Котельни-

ковъ только по наружности кажется набожнымъ, но эту набожность прикрываетъ лицемѣріемъ; въ церковь ходитъ рѣдко, не признавая себя однако принадлежащимъ къ ереси, а основываясь на томъ, что съ еретиками бывшимъ игуменомъ Израилемъ, крестьяниномъ Степаномъ Сергѣевымъ, крестящимся только двумя перстами и прельщеннымъ ложными видѣніями, да третьимъ бывшимъ послушникомъ Коневскаго монастыря Михаиломъ Курочкинымъ, который имѣетъ привычку отъ легкомыслія объявлять предсказанія, оказывающіяся ложными; не можетъ имѣть общенія въ общемъ моленіи; пристрастенъ къ своевольному толкованію пророческихъ писаній; ожидаетъ, что будетъ вселенскимъ апостоломъ и учителемъ или самимъ Іисусомъ Христомъ и что будетъ во всемъ измѣненіе; гордится знаніемъ духовныхъ предметовъ; приписываетъ себѣ благодатное состояніе и считаетъ себя всѣхъ умнѣе, отчего не слушаетъ дѣлаемыхъ ему внушеній; нрава вспыльчиваго и сварливаго, при томъ лживъ и не постоянетъ въ рѣчахъ: отрекается отъ того, что говорилъ, и по хитрымъ оборотамъ своимъ весьма подозрителенъ въ противности православія».

Такъ отзывались о немъ четыре архимандрита въ теченіе 25 лѣтъ, но вотъ въ 1853 г. пріѣзжаетъ архимандритъ Александръ и съ перваго раза аттестуетъ его такъ: въ бесѣдахъ моихъ съ нимъ не замѣтилъ ничего противнаго ученію православной церкви и что онъ характера, по старости уже лѣтъ и по образу жизни, смиреннаго, кроткаго, благочестиваго и желающаго всѣмъ добра». Синодъ, принимая во вниманіе отзывы прежнихъ настоятелей, недовѣрчиво отнесся къ одобренію архимандрита Александра, рекомендуя ему лучше узнать Котельникова. Но Котельниковъ не дожидался повторенія рекомендацій: онъ вскорѣ, 3 марта 1854 г., умеръ, чистосердечно раскаявшись и при

частившись, чего тщетно просилъ и домогался во время своего заключенія.

Вся тяжесть страданій и заключенія нисколько не поколебала его фанатизма и вѣры въ самого себя.

«Тогда какъ, пишетъ онъ, буря и всѣ волны моря обрушились на голову мою, вмѣсто боязни, возбудилась какъ отъ сна ревность противу маловѣровъ и всякаго нечестія для защиты преимуществъ православной вѣры съ клятвенною анаѳемою всѣхъ ересей, расколовъ, внѣ церкви стоящихъ и всякаго вольнодумства и лицемѣрія внутри ея находящихся, расшибаясь, такъ сказать, предъ всякимъ спорщикомъ за нерушимость ихъ отъ точки до іоты... Проклятъ всякъ возбраняющій мечу своему отъ нравственной крови нечестивыхъ. Анаѳема, если и апостолы и великаго свѣта ангелъ съ неба будетъ благовѣствовать не то, что они сами предали, и что потому содержитъ св. грекороссійская церковь. Тогда (послѣ этихъ заявленій) имя мое сдѣлалось всеобщимъ предметомъ разговоровъ и пересудовъ во всемъ пространствѣ войска донского и далѣе. Одни говорили, онъ сошелъ съ ума отъ учености, другіе—онъ заразенъ ересью—самарянинъ и бѣсъ въ немъ. И какъ казалось, самъ Богъ положилъ мнѣ быть униженному и какъ бы на смерть осужденному. Самыя проясненія защиты моей усугубляли порицанія со всѣхъ сторонъ. Ибо я усиливался доказать необходимость св. причащенія достойнымъ всегда, а недостойнымъ никогда, что св. причастіе оживотворяетъ и возвращаетъ внутреннія признаки христіанина, физически: теплоту, сладость, умиленіе, слезы, свѣтъ, благоуханіе и всѣ плоды духа, что самое многимъ казалось непонятною странностью, чуждою христіанства, а нѣмъ сказкою и бредомъ, далекимъ отъ смысла писанія» .

Котельниковъ нѣсколько извѣстенъ и въ свѣтской литературѣ: въ 1886 году изданю его описаніе одной казацкой станицы *).

Священникъ Тульской губерніи Василій Степановъ въ пьяномъ видѣ произносилъ дерзкія слова, относящіяся

*) „Русская Старина“ изд. 1886 г., октябрь, библіографическій листокъ.

къ особѣ государя. Сдѣланъ былъ допосъ, и священникъ преданъ суду. Тульская уголовная палата приговорила его къ каторгѣ, но государь повелѣлъ заключить его въ Новосильскій монастырь. Такъ какъ по отзывамъ монастырскаго начальства Степановъ и тамъ велъ пьяную и буйную жизнь, то синодъ рѣшилъ послать его въ Соловецкій монастырь. Въ 1835 г. вышло повелѣніе, что въ Соловецкій монастырь ссылать можно только по высочайшему повелѣнію. а такъ какъ Степановъ былъ посланъ безъ вѣдома государя, то рѣшили его перевести въ Суздальскій монастырь.

Въ 1827 г. присланы два бывшіе православные, а потомъ сбѣжавшіе къ старообрядцамъ, попа Добронравовъ и Степановъ. Оба раскаялись, сидя въ тюрьмѣ; изъ нихъ Степановъ былъ освобожденъ въ 1831 году, а Добронравовъ умеръ въ тюрьмѣ.

Гвардейцы Николаевъ и Богдановъ бѣжали изъ военной службы въ раскольническій скитъ, устроенный въ лѣсу мѣщанномъ Соколовымъ. При поимкѣ одинъ изъ нихъ отказался вовсе служить въ военной службѣ, какъ несогласной съ его убѣжденіями, и не хотѣлъ присягать, а другой присягалъ, но съ условіемъ, чтобы ему дозволено было исповѣдывать старообрядчество. Военное начальство рѣшило за такой проступокъ прогнать ихъ сквозь строй и отдать въ арестантскія роты, но государь повелѣлъ заточить ихъ въ Соловецкомъ острогѣ, въ 1827 г. Николаевъ умеръ въ тюрьмѣ, не раскаявшись, въ 1830 году, а Богдановъ раскаялся и былъ въ 1831 году опредѣленъ въ архангельскій баталіонъ рядовымъ.

Въ маѣ 1828 г., по высочайшему повелѣнію, присланы для заточенія въ Соловецкій острогъ студенты московскаго университета Поповъ и Критскій за соучастіе въ злоумышленномъ обществѣ (декабристы). Въ 1835 году, по высочайшему повелѣнію, они были отданы въ военную службу рядовыми.

Въ 1827 г., по высочайшему повелѣнію, присланъ въ Соловецкую тюрьму подполковникъ Ганнибалъ за буйство и дерзкіе поступки. Въ 1832 году, по поводу просьбы жены его о возвращеніи мужа ея къ семейству, потребованы были свѣдѣнія отъ соловецкаго настоятеля о поведеніи Ганнибала и заслуживаетъ ли онъ, испрашиваемое женою его, всеподданнѣйшее прощеніе? Отвѣтъ былъ утвердительный. Послѣ этого, по представленію гр. Бенкендорфа, государь изъявилъ соизволеніе на совершенное прощеніе Ганнибала и дозволилъ назначить ему мѣсто жительства ближе къ Петербургу. Ганнибалъ имѣлъ ордена: Владимира съ бантомъ, Анны 3й степени и высочайшее благоволеніе за сраженіе при Даневицѣ.

1829 г. Полтавской губерніи казачій сынъ Потапенко, будучи 10 лѣтъ, убилъ 8 мѣсячную дѣвочку, за что и былъ посланъ въ Соловецкій монастырь на 15 лѣтнее заключеніе съ употребленіемъ во всѣ тяжелыя работы. Въ 1835 году сданъ въ солдаты.

Того же года присланъ крестьянскій сынъ Коломенскаго уѣзда, д. Горы, Софронъ Соломатовъ за принадлежность къ жидовствующей ереси. Вмѣстѣ съ нимъ сосланы его отецъ, дряхлый старикъ, и братъ, по разнымъ монастырямъ. Соломатовъ умеръ въ тюрьмѣ, безъ раскаянія, 31 января 1831 года.

Въ 1820хъ годахъ шатался по монастырямъ одинъ юродивый, ходившій зимою босымъ, разсказывавшій пророчества и разныя нелѣпости въ родѣ того, что архангелы Михаилъ, Гавріилъ и Рафаиль и святитель Николай Всевышнимъ владыкою за ослушаніе засажены въ небольшую избу подъ арестъ. Въ 1825 году полиція арестовала этого человѣка; онъ оказался безпаспортнымъ, звали его Егоръ Сергѣевъ, крѣпостной г. Дурново; ранѣе жилъ у барина, сначала форейторомъ 8 лѣтъ, потомъ три года у буфета. Послѣ ареста его держали 14 мѣсяцевъ въ Шлиссельбургской

крѣпости, потомъ 3 мѣсяца въ Литовскомъ замкѣ, а оттуда отправили въ монастырь на Ужмѣ. На Ужмѣ онъ прожилъ 2 года и 8 мѣсяцевъ; въ монастырѣ онъ исполнялъ всѣ церковные обряды, но твердо держался двухперстнаго сложенія креста; все-таки въ его поведеніи монастырское начальство усмотрѣло много такого, что указывало на помѣшательство его разсудка. Поэтому Сергѣевъ былъ отправленъ въ костромское губернское правленіе для освидѣтельствованія и признанъ умственно здоровымъ. Врачебное начальство дало такой отзывъ о немъ:

«Крестьянинъ Сергѣевъ, при возбужденіи религіозныхъ ощущеній, воспламеняется необыкновеннымъ энтузіазмомъ, и воображеніе его, напитанное, можетъ-быть, какими-либо невѣжественными понятіями о духовномъ мірѣ, выходитъ изъ правилъ здраваго разсудка, но обществу никакого вреда нанести не можетъ, а потому считаетъ возможнымъ оставить его на свободѣ». Синодъ съ этимъ заключеніемъ не согласился и рѣшилъ его заключить въ Соловецкій монастырь. Въ Соловки онъ прибылъ въ 1829 году и пробылъ тамъ до 1865 года, «раскаявшись во всемъ(?), кромѣ двухперстнаго сложенія».

Въ 1839 г. въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи, мѣстнымъ исправникомъ были схвачены неизвѣстные мужчина и женщина. При допросѣ мужчина показалъ: зовутъ его Егоръ Ивановъ, откуда онъ—того не знаетъ, отца у себя, кромѣ Христа Спасителя, не имѣлъ и не имѣетъ, отъ роду 65 лѣтъ, пропитывался я е въ раз ыхъ мѣстахъ милостынею, а болѣе находился въ разныхъ государствахъ, какъ-то: въ Молдавіи, Турціи, Нѣмецкой землѣ. Женщина заявила, что зовутъ ее Ѳедосьей, отца не имѣла и не имѣетъ, кромѣ Христа Спасителя. Оба они у исповѣди и св. причастія отъ роду не бывали. Кромѣ того, при священническомъ увѣщаніи въ земскомъ судѣ, дополнили, что кромѣ одного небеснаго царя никого на землѣ, какъ-то:

государя императора, установленнаго гражданскаго и духовнаго правительства не признаютъ. На вопросы: кто они, откуда, какой секты, гдѣ ей научились,—ничего не отвѣчали. Вызванный въ палату Егоръ Ивановъ повторилъ, что ему 70 лѣтъ, властей духовныхъ и гражданскихъ признаетъ только потому, что оные на свѣтѣ существуютъ, но за истинныхъ христіанъ ихъ вовсе не признаетъ, а принимаетъ ихъ за отступниковъ отъ правилъ религіи христіанской. За такое преступленіе Егоръ Ивановъ былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь для употребленія въ работы, но почему-то онъ содержался въ острогѣ, гдѣ и пробылъ до своей смерти, случившейся въ 1839 году. Умеръ твердымъ въ своихъ заблужденіяхъ.

Въ 1829 г. іеромонахъ Тихвинскаго монастыря Іероним послалъ нѣсколько писемъ с.-петербургскому военному губернатору, адмиралу Грейгу и гр. Бенкендорфу, въ которыхъ онъ, между прочимъ, просилъ ихъ ходатайствовать объ устроеніи памятника великому князю Рюрику, и изъявилъ желаніе объявить его и. в. какую-то тайну. Вслѣдствіе этихъ писемъ онъ былъ чрезъ фельдъегеря привезенъ въ С.-Петербургъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. Въ крѣпости гр. Бенкендорфъ подвергъ его допросамъ касательно объявляемой имъ тайны и нѣкоторыхъ выраженій, находящихся въ его письмахъ. Отвѣты Іеронима были такъ сбивчивы и не логичны, что возымѣли сомнѣніе о нормальности его умственныхъ способностей и, вслѣдствіе этого, приказали освидѣтельствовать его, не подвергается ли онъ временному умопомѣшательству. Свидѣтельствовавшій его докторъ Петропавловской крѣпости Елькинъ далъ свое заключеніе, что этотъ монахъ отнюдь не сумасшедшій, но только сварливаго нрава, что доказывается и прежнимъ его поведеніемъ; съ этимъ мнѣніемъ вполнѣ согласился гр. Бенкендорфъ. На спросъ гр. Бенкендорфа ярославская духовная консисторія сообщила, что іеромонахъ Иеро-

нимъ, въ началѣ 1820-хъ годовъ, былъ привлеченъ къ слѣдствію и суду по обвиненію его, въ отсутствіе настоятеля Тихвинскаго монастыря, въ кражѣ съ престола антиминса и въ пьянственной и развратной жизни. По изслѣдованію дѣла судъ оставилъ его въ подозрѣніи относительно покражи антиминса, но обвинилъ въ пьянственномъ и развратномъ поведеніи и приговорилъ къ лишенію священства; но приговоръ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе, потому что Іеронима подвели подъ милостивый манифестъ по случаю восшествія на престолъ императора Николая Павловича.

Касательно нѣкоторыхъ выраженій въ его письмахъ и его тайны онъ объявилъ слѣдующее:

«Въ августѣ мѣсяцѣ прошлаго года (1828) во время прогулки его по стѣнѣ, окружающей Тихвинскій монастырь, часу въ 9 веч., примѣтилъ онъ двухъ человѣкъ разговаривающихъ, сидя подъ стѣною, но такъ тихо, что онъ едва могъ услышать часто повторяемую однимъ изъ нихъ фамилію Пестеля. Другой молчалъ или говорилъ тихо; наконецъ, первый сказалъ громко, съ жаромъ: «развѣ ты не знаешь, что у насъ милліонъ четыреста тысячъ массоновъ, это все Пестели». Послѣ этого онъ, Іеронимъ, сказалъ, въ свою очередь: «не вѣрь, друже, кромѣ него никого нѣтъ». Услышавъ это, они встали и ушли посѣшно. Они были въ короткихъ сюртукахъ и шляпахъ. Кто они—онъ не знаетъ».

За подобные лживые доносы и прежнюю порочную жизнь Іеронимъ былъ посланъ въ Соловки, въ острогъ. Черезъ два года, въ 1832 г., во вниманіе его преклонныхъ лѣтъ и тихой жизни, онъ былъ освобожденъ изъ острога и отданъ подъ надзоръ, но съ тѣмъ, что если будетъ писать какіе-либо доносы и прошенія, то монастырское начальство можетъ своею властію снова посадить его въ тюрьму, донеся только объ этомъ синоду. Выпустивъ изъ тюрьмы, соловецкій настоятель послалъ Іеронима для житья въ Лизерскій

скитъ. Но тамъ Іерониму не жилось хорошо: анзерскій строитель нѣсколько разъ жаловался соловецкому архимандриту, что Іеронимъ права сварливаго, заводитъ несогласія, смущаетъ братію и что-то пишетъ. Несмотря на эти доносы, его все-таки не подвергали взысканію до 1841 г., когда онъ написалъ доносъ на высочайшее имя, обвиняя соловецкаго настоятеля въ кражѣ драгоцѣнныхъ камней при сдачѣ-пріемѣ монастырскаго имущества. Доносъ этотъ былъ перехваченъ; обвиненія оказались ложными, и Іеронимъ снова заключенъ въ острогъ. Въ острогѣ онъ просидѣлъ до 1846 г., когда въ уваженіе 80-ти-лѣтней старости и скромнаго поведенія выпущенъ изъ острога и посланъ въ Анзерскій скитъ, гдѣ онъ скончался въ 1847 г. Послѣ него остались обширныя записки-дневникъ, наполненный разными монашескими размышленіями въ духѣ мистицизма. Іеронимъ помѣщенъ въ соловецкомъ патерикѣ, наравнѣ съ великими подвижниками, прославившими сію обитель. Необходимо замѣтить, что Іеронимъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ извѣстнымъ юрьевскимъ архимандритомъ Фотіемъ.

Въ 1830 г., по высочайшему повелѣнію, былъ присланъ въ Соловки на заточеніе дворовый человѣкъ князя Лобанова-Ростовскаго Ѳедоръ Ив. Подшиваловъ за подбрасываніе писемъ, на высочайшее имя адресованныхъ, и за ложное толкованіе св. писанія относительно церкви и государства. Вотъ какъ онъ въ своемъ объясненіи соловецкому архимандриту описываетъ свои дѣянія:

«Уроженецъ я Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда, с. Александрина, изъ дворовыхъ людей кн. А. Я. Лобанова-Ростовскаго. Крещеніе и воспитаніе по религіозной части отъ рожденія моего принято мною отъ православной греко-россійской церкви. Въ семъ состояніи пребывалъ до настоящаго 1830 г. Находясь въ услуженіи по поваренной части у флигель-адъютанта подполковника конно гвардейскаго полка,

Г. А. Захаржевскаго, гдѣ со мною случилось и самому мнѣ неожиданное слѣдующее несчастное приключеніе. Господу Богу такъ угодно было, или постигло меня искушеніе отъ дьявола, что я съ мѣсяца марта сего года силился слабымъ моимъ разсудкомъ постичь начала и причины бѣдствій рода человѣческаго и въ особенности страждущихъ отъ деспотизма. Отъ непросвѣщенія ли людей это происходитъ, или это законы божескіе и гражданскіе, обуздывая грѣховныя страсти, тому причины? Это такъ сильно впечатлѣлось въ моемъ сердцѣ, что я денно и нощно размышлялъ о семъ предметѣ и искалъ таковыхъ книгъ и сочиненій, которыя бы способствовали къ моей цѣли, но ни одной книги я не находилъ такой, чтобы съ мнѣніями моими была сходна, и потому ничто не казалось вѣроятнымъ. При томъ же по натурѣ слабаго моего разсудка такія о сочиненіяхъ (разсужденія) дѣлать и судить я могъ, какъ можетъ отъ рожденія слѣпой судить о цвѣтахъ. Обращаясь по знакомству съ дворовыми людьми гр. Румянцева: офиціантомъ Григоріемъ Ивановымъ и поваромъ Леонтіемъ Дмитріевымъ, которые, читая вмѣстѣ съ мною книги разныхъ свѣтскихъ сочиненій, замѣтивъ меня помѣшавшимся въ разсудкѣ, по той причинѣ, что я спорилъ съ ними о всѣхъ матеріяхъ и заключалъ, что всѣ книги исполнены пустяковъ. И когда старался увѣрить ихъ, что я не сумасшедшій, то болѣе ихъ утверждалъ въ томъ мнѣніи. Засимъ послѣдовали со мною сонныя видѣнія, которымъ я, по разсудку моему, очень вѣрилъ и толковалъ оныя, какъ внушало мнѣ внутреннее побужденіе моего сердца, а именно: первый сонъ состоялъ въ томъ, что я видѣлъ въ самомъ сводѣ небесъ утвержденную блестящую алмазную луну, поддерживающуюся на облакахъ, и будто бы я, самъ находившись тутъ же, слышалъ необыкновенный голосъ, говорящій, что здѣсь пребываетъ свѣтъ чистый и праведный. Я спрашивалъ: гдѣ же тѣ знаки или пятна.

которые мы примѣчаемъ на лунѣ? Мнѣ отвѣтствовано, что подобный оному знакъ находится у меня на лѣвой рукѣ, на коей у меня дѣйствительно находилось, такъ называемое, родимое пятно. Изъ сего я понялъ, что для просвѣщенія народа и самъ я могу писать наставительныя книги.

«Вслѣдствіе сего и подобныхъ сему семи словъ, которыя описаны мною и представлены гр. Бенкендорфу, я усердно молился Господу Богу, дабы Онъ открылъ мнѣ истинное и совершенное просвѣщеніе. А какъ засимъ послѣдовало со мною необыкновенное сверхъестественное обуяніе, вѣроятно, отъ духа нечистаго, или естественно отъ приключившейся болѣзни, которую медики называютъ бѣлою горячкою, то я съ великимъ внутреннимъ движеніемъ и побужденіемъ принялся за перо и написалъ... о свойствахъ и качествахъ человѣка, что я уже имѣю точныя свѣдѣнія распознавать его склонности; послѣ долгое время написанное при себѣ, воображая, что я уже нашелъ неоцѣненное сокровище познанія. Вздумавши переписать оную тетрадь набѣло, по усилившемуся во мнѣ сумасшествію или болѣзни, прибавилъ я въ оную столько безсвязныхъ сумасбродныхъ идей, противныхъ религіи, законамъ гражданскимъ и здравому смыслу, что за слабостію памяти вспомнить теперь не могу, и чтобы, объясняя то въ здравомъ умѣ, не могъ бы написать и того, чего тамъ вовсе не содержится... Дѣйствіе моего бѣшенства столь было сильно, что я, чувствуя въ себѣ ужасныя перемѣны, то восхитительной радости, то ужаснѣйшаго страха, то душевнаго волненія чрезъ продолженіе двухъ недѣль, не вкушая почти пищи и безъ сна, чуть было не лишился и самой жизни, если бы не покрыла меня всемогущая десница благодати Божіей, какъ видѣли всѣ находящіеся вокругъ меня, притомъ я всѣ силы къ тому употреблялъ, чтобы какъ можно скрыть всѣ чувства и движенія моего дѣйствія. Письма мои, которыхъ количества я не упомню, адресованныхъ на имя его и. в., исполненныя

подобныхъ же безразсудныхъ, а можетъ быть и хульныхъ изображеній, были мною составляемы въ подобномъ же сумасшествіи; даже однимъ словомъ сказать, что все опое произошло не отъ меня, или, лучше сказать, я въ такомъ положеніи не волент былъ управлять самимъ собою или здраво судить о чемъ бы то ни было, да при томъ, какъ нѣсколько теперь помнится, руководствуемъ я былъ въ томъ моемъ положеніи, отъ внѣ меня происходящимъ какимъ-то отголоскомъ, который былъ пробудителемъ и совѣтникомъ во всѣхъ моихъ словахъ и поступкахъ. Всѣхъ же моихъ дѣйствій, случившихся во время болѣзни, я не упомню. По открытіи моего сумасшествія предъ начальствомъ, взятъ я былъ въ собственную канцелярію упомянутаго гр. Бепкендорфа, откуда въ неперемѣняемомъ моемъ положеніи перевезенъ былъ въ богоспасаемую соловецкую обитель». Далѣе слѣдуетъ увѣреніе въ исполненіи православія и раскаяніе въ своихъ поступкахъ.

Подшиваловъ освобожденъ въ 1839 г. и отосланъ къ своему господину, противъ права власти котораго возникалъ было въ душѣ его протестъ.

Въ 1830-мъ году присланъ въ острогъ «бывшій іеромонахъ Боровскаго монастыря Ефимій за доносы бездоказательные, ложные, превратно изложенные, клеветническіе, вымышленные злостью». Кромѣ того, онъ сочинилъ, яко бы по повелѣнію Духа Божія, изъясненіе о сотвореніи міра и на первую главу евангелія Іоанна. Между прочимъ, онъ утверждалъ: a) что Духа Божія свойства: хладъ, теплота и сила, и это называетъ тріипостась; первая ипостась — премудрость, вторая — разумъ, третья — разумъ или сила; b) что тьма, бывшая при сотвореніи міра, есть нечистота или духъ нечистоты, отъ которой произошла земля и вся еже на ней; c) что человѣкъ имѣетъ три ипостати: теплоту, хладъ и силу; d) что въ Іисусѣ Христѣ духъ есть совершенный Богъ Отецъ, плоть Его — совершенный

Богъ Сынъ; е) что нѣтъ никакого различія человѣка отъ скота, что человѣкъ хуже скота, птицы и пр. На намѣстника своего монастыря Θеофила донесъ, что онъ открылся ему на исповѣди въ мудрованіи противъ божества Іисуса Христа, чтеніи противныхъ церкви книгъ и заговорѣ противъ государя и его фамиліи. Все это оказалось ложнымъ. Въ 1833 г., 14 октября, прибылъ въ Соловки изъ С.-Петербурга фельдъегерь, и Ефимій былъ куда-то увезенъ изъ Соловокъ.

1830 года. Бывшій хорунжій оренбургскаго казачьяго войска Василій Шулеповъ за нелѣпыя толкованія св. Писанія съ дерзновенными выраженіями противъ высочайшихъ особъ и власти. Онъ утверждалъ: а) что царь Алексѣй Михайловичъ преступилъ уложеніе св. отецъ 7 вселенскаго собора, что въ царствованіе его Никонъ патріархъ перемѣнилъ нѣкоторыя слова въ писаніи Божіемъ и церковные обряды, отъ чего сдѣлался расколъ; а .... россійскіе возлюбили вмѣсто монастырей театры и трактиры b)что императоръ Петръ I навлекъ на себя гнѣвъ Божій за утвержденіе никоновой перемѣны, уничтоженіе патріаршей власти и подчиненіе себѣ духовной власти и установленіе 25-лѣтней невольной службы съ принужденіемъ клясться предъ Всевышнимъ Богомъ; что гордые императора Петра I законы богопротивны, по ....., ради славы и корысти, угодны и попыпѣ .... ; что императрица Елизавета такъ же. какъ и Петръ, по законамъ его судила, казнила, и вѣшала (!?) безъ пощады своихъ подданныхъ христіанъ; с) что упоминаемые въ св. Писаніи рога агнца — суть (вожди) христіанскіе, что Николай и Михаилъ готовы предать его тѣло на смертное мученіе; d) называя нынѣшніе законы богопротивными, а начальство злымъ, уподобляетъ оные звѣринымъ ногамъ и орлинымъ когтямъ; гербъ же россійскаго государства называетъ печатью антихриста; е) что его и. в. изволилъ сѣсть на царство не по порядку, минуя

трехъ наслѣдниковъ, и во время бунта въ С.-Петербургѣ, хотя Богъ и сохранилъ его величество, но онъ будетъ царствовать, — въ одномъ мѣстѣ писалъ Шуленовъ,—не долго, а въ другомъ—долго, а скончается внезапу. Послѣ противъ двухъ наслѣдниковъ Александра и Константина Николаевичей возстанетъ Константинъ Павловичъ и будетъ царемъ, а потомъ Михаилъ Павловичъ будетъ одинъ царствовать на всей землѣ; f) россійское государство Шуленовъ называетъ звѣремъ, имѣющимъ гербъ двухглаваго орла, т.-е. правая и неправая вѣра во Христа.

Будучи подъ судомъ, Шуленовъ съ двумя сыновьями уѣхалъ изъ мѣста своего жительства, Троицка, скрылся въ лѣсъ, выстроилъ тамъ землянку и въ ней жилъ до поимки его десять дней; а все бывшее при немъ имѣніе и лошадей съ повозкою роздалъ жителямъ Чебаркульской станицы. Во время производства суда передалъ атаману станицы 100 р. для внесенія за бѣдныхъ и малолѣтнихъ на земскія повинности. Заявилъ, что онъ не желаетъ имѣть офицерскаго чина и подъ выпиской расписался: «азъ есмь узникъ Христовъ, смиренный христіанинъ В. Шуленовъ».

Еще пишетъ, что нынѣ власти духовныя проклинаютъ въ Россіи православныхъ христіанъ, за что получаютъ не принадлежащія имъ кавалеріи.

В. Шуленовъ умеръ въ соловецкой тюрьмѣ, вѣрный своимъ дикимъ заблужденіямъ, 19 мая 1833 г.

Въ началѣ 1831 года въ г. Муромѣ, Владимірской губерніи, было возбуждено дѣло о подкидываніи «подметныхъ листковъ» возмутительнаго содержанія, въ которыхъ порицалось крѣпостное право и совѣтовалось крестьянамъ писать письма къ дѣтямъ въ армію, совѣтуя имъ возмутиться для уничтоженія крѣпостного права. Листочки эти были разбрасываемы не по одной Владимірской губерніи. Между прочимъ, къ этому дѣлу были привлечены: муромскій протоіерей Лекторскій, священникъ Лавровскій и дьяконъ Васильевъ.

Жандармскій полковникъ Масловъ предложилъ свящ. Лавровскому 18 вопросныхъ пунктовъ на три предмета: 1) имѣлъ ли онъ участіе въ сочиненіи съ бывшимъ муромскимъ протоіереемъ Лекторскимъ относительно многоженства или, по крайней мѣрѣ, зналъ ли о его къ тому намѣреніи? 2) Какого рода листочки были присланы ему лѣтъ 15 назадъ прот. Лекторскимъ изъ Владиміра во время нахожденія Лекторскаго подъ судомъ дух. консисторіи по дѣлу его помѣшательства въ умѣ, и какое изъ нихъ сдѣлалъ употребленіе? 3) Муромскій дьякопъ Васильевъ показывалъ ли ему письма, данныя Васильеву для прочтенія какимъ-то дворовымъ человѣкомъ, или, по крайней мѣрѣ, сказывалъ ли онъ о нихъ и ихъ содержаніи? На эти вопросы Лавровскій отвѣчалъ, что прот. Лекторскій хотя и былъ съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ, но онъ не только не имѣлъ участія съ нимъ въ сочиненіи, но и не подозрѣвалъ его въ семъ намѣреніи до времени публичной его, въ помѣшательствѣ ума, при многочисленномъ народѣ исповѣди; что листочки, присланные ему, содержали предсказаніе о скоромъ пришествіи Христа Спасителя при кончинѣ вѣка, которые Лекторскій просилъ его доставить нѣкоторымъ дворянамъ и въ томъ числѣ графу Зубову за его хлѣбъ-соль, но такъ какъ, по его мнѣнію, они содержали глупость, то онъ ихъ и сжегъ; что дьяконъ Васильевъ никакихъ писемъ ему не показывалъ.

На этомъ Лавровскій думалъ и успокоиться, но вышло не такъ. Въ одно мартовское утро къ его дому подъѣзжаетъ повозка съ фельдъегеремъ, и его увозятъ въ Петербургъ, заключаютъ въ Петропавловскую крѣпость и держатъ его тамъ цѣлый годъ. Во время нахожденія Лавровскаго въ крѣпости было поручено свящ. Мысловскому сдѣлать ему у в ѣ щ а т е л ь н ы е вопросы, но Лавровскій ни въ чемъ себя виновнымъ не призналъ. Въ результатѣ вышло высочайшее повелѣніе такого рода: «Протоіерея

Лекторскаго, какъ человѣка вреднаго для общества своимъ пылкимъ умомъ, направленнымъ къ страннымъ преобразованіямъ, возвратить въ Суздальскій монастырь подъ строгій надзоръ тамошняго начальства; свящ. Лавровскаго заключить въ какой-либо отдаленный монастырь съ запрещеніемъ священнослуженія до тѣхъ поръ, пока онъ совершенно не исправится и не очистить себя монашескимъ искусомъ». Лавровскій всѣми страшными клятвами клялся, что онъ къ этому дѣлу не причастенъ, но ничто не помогло, его услали въ Соловки и посадили въ острогъ. Во время ревизіи соловецкаго острога подполковникомъ Озерецковскимъ въ 1835 г. онъ вымолилъ себѣ облегченіе участи, изъ тюрьмы освобожденъ подъ монашескій надзоръ, а въ 1839 г. освобожденъ на родину съ отдачею подъ надзоръ гражданскаго начальства и благочиннаго.

Видимо, что это былъ человѣкъ дѣйствительно невинный, жертва ошибки со стороны правосудія. Послѣ него остались записки, рисующія положеніе арестантовъ въ его время, отрывокъ изъ которыхъ приведенъ мною ниже.

Въ 1831 г. по высочайшему повелѣнію присланъ въ Соловки подъ строгій надзоръ поручикъ 7 оренбургскаго линейн. баталіона А. С. Горожанскій за «дерзкій поступокъ и произнесеніе непристойныхъ словъ насчетъ особы его величества». Такъ какъ у Горожанскаго замѣчалось ранѣе умственное разстройство, то мать его подавала въ III отдѣленіе заявленіе объ этомъ, прося освидѣтельствовать его, на что государь положилъ резолюцію: «освидѣтельствовать и, что окажется, донести». Результаты этого свидѣтельства неизвѣстны; участь Горожанскаго не измѣнилась, онъ сидѣлъ въ соловецкомъ острогѣ.

Въ 1832 г. 22 декабря Горожанскій сильно прибилъ караульнаго унтеръ-офицера. Воинскій начальникъ, донося объ этомъ поступкѣ соловецкому архимандриту, замѣчаетъ, что, по его мнѣнію, Горожанскій находится «въ весьма не здо-

ровомъ разсудкѣ». Въ отвѣтъ на это донесеніе караульнаго офицера архимандритъ дастъ ему наставленіе строго слѣдить за арестантами, никуда не выпускать ихъ изъ чулановъ, кромѣ бани и церкви, а унтеръ-офицерамъ и рядовымъ обходиться со всѣми арестантами кротко и человѣколюбиво, безъ малѣйшей дерзости, въ особенности съ чиновниками, коимъ оказывали бъ приличное уваженіе, «дабы при какомъ-либо случаѣ не могло отнюдь со стороны арестантовъ произойти жалобы».

1833 г. мая 9 дня поручикъ Горожанскій, выйдя для естественной нужды изъ своей каморы, взялъ непримѣтно висящій въ коридорѣ на стѣнѣ ножъ и вонзилъ его въ грудь часового Скворцова, который отъ этого черезъ пять минутъ и умеръ.

При допросахъ онъ объяснялъ свой поступокъ тѣмъ, что солдаты своимъ шумомъ мѣшаютъ ему сидѣть въ своей каморѣ, безпокоятъ его, а часовой не унимаетъ ихъ. Слѣдствіе выяснило, что поступокъ свой Горожанскій совершилъ въ припадкѣ сумасшествія, а потому государь повелѣлъ оставить его въ томъ же мѣстѣ. Умеръ онъ въ тюрьмѣ въ въ 1846 г.

Начальство, пріѣхавшее въ Соловки для производства слѣдствія по поводу убійства, совершеннаго Горожанскимъ, конечно, не могло не замѣтить тѣхъ безпорядковъ, кои исокон вѣка практиковались въ соловецкомъ острогѣ, и не преминуло донести объ этомъ въ Петербургъ. Узнавъ объ этихъ безпорядкахъ, государь приказалъ произвести ревизію острога.

Съ 1830 по 1833 г. было много прислано въ Соловки солдатъ съ военныхъ поселеній, за расколъ и разныя религіозныя преступленія. Нѣкоторымъ изъ нихъ бѣгствомъ съ пути удавалось освободиться отъ знакомства съ Соловками. Военный поселянинъ Мелентій Минкинъ, назначенный въ Соловки на покаяніе, во время пути бѣжалъ; вскорѣ его

поймали, и государь немедленно повелѣлъ отправить его къ мѣсту назначенія. Въ Соловкахъ ждали его 30 лѣтъ и не дождались и кончили тѣмъ, что сдали дѣло о немъ въ архивъ. Такимъ же способомъ избавились ссылки военный поселянинъ упт.-офицеръ Кузьма Макаровъ и крестьянинъ Евтрапій Блиновъ.

Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка рядовой, Карпъ Петровъ, въ 1830 г. присланъ въ заточеніе за расколъ. Не раскаявшись, былъ въ 1833 г. отосланъ въ Бобруйскъ въ арестантскія роты.

Послушникъ Копевскаго монастыря Михаилъ Курочкинъ, изъ солдатъ, имѣлъ обыкновеніе дѣлать разныя предсказанія, толкованія сновъ, и этимъ возбуждалъ соблазнъ между монахами и окружающими жителями. За подобныя «нелѣпыя предсказанія» онъ былъ въ 1833 г. отправленъ въ соловецкій острогъ. Изъ тюрьмы выпущенъ по слабости здоровья и малоумію въ 1846 г.

Военный поселянинъ Ѳедоръ Хоменко распространялъ разные нелѣпые толки; ему снились разные сны, на основаніи которыхъ онъ пророчествовалъ и даже объявилъ сіи пророчества начальству, которое и услало его въ соловецкій острогъ въ 1834 г. за такія объясненія. Освобожденъ изъ острога въ 1846 г.

Въ тридцатыхъ годахъ текущаго вѣка въ Троицко-савской крѣпости, Иркутской губ., появилась новая секта, основателемъ которой былъ настоятель Селенгинскаго монастыря игуменъ Израиль. Въ основу этой секты входили измѣненія церковныхъ обрядовъ: введена была умная молитва, сопровождающаяся всегда пантіями свыше и разными видѣніями, измѣненіе чина божественной литургіи и вѣра въ обновленіе церкви чрезъ игумена Израиля, котораго многіе изъ членовъ этой секты считали Христомъ Спасителемъ. Ихъ молитвенныя собранія отличались массовыми галлюцинаціями. Для примѣра, Израиль описываетъ одну всенощ-

ную на Срѣтеніе Господне, во время которой все совершаемое въ службѣ являлось имъ въ видѣніяхъ. Когда пѣли тропарь праздника: Радуйся, благодатная Богородице Дѣво, предъ ними являлась прекрасная дѣвица, — изъ тебѣ бо возсія солнце правды и т. д., изъ женщины выходилъ свѣтъ; веселися ты, старче праведный — являлся старецъ и т. д. Божественную литургію они замѣняли преломленіемъ хлѣбовъ и возліяніемъ вина въ чаши съ произнесеніемъ словъ изъ евангелія, относящихся къ сему дѣйствію; потомъ всѣ присутствующіе вкушали хлѣбъ и пили вино. Въ преломленіи хлѣбовъ участвовали всѣ мужчины и женщины. Членами этой секты были кяхтинскіе купцы, чиновники, монахи и монахини.

Основатель этой секты, игуменъ Израиль, происходилъ изъ крестьянъ Костромской губерніи, бѣдной семьи. Въ дѣтствѣ мать научила его читать и началамъ православія, потомъ онъ выучился малярному, а, наконецъ, и живописному мастерству. Уже съ ранняго дѣтства Иванъ (такъ въ мірѣ звали Израиля) началъ ощущать въ себѣ особыя душевныя движенія, заставлявшія его углубляться въ самого себя и бѣжать мірской суеты. Благодаря своему живописному мастерству, онъ зарабатывалъ много денегъ; ему предстояла весьма выгодная женитьба, но ни деньги, ни счастливая брачная жизнь не влекли его сердца. Съ 20 лѣтъ онъ отправился въ монастырь, но общая монастырская жизнь не удовлетворила его. Онъ отправился странствовать по монастырямъ, желая найти въ нихъ опытныхъ подвижниковъ и отъ нихъ научиться жить по-Божьему. Сильное вліяніе произвела на него одна подвижница-старуха, которую онъ нашелъ въ одной изъ деревень Ярославской губерніи. Послѣ странствованія онъ удалился въ лѣсъ и тамъ, въ вырытой имъ землянкѣ, прожилъ годъ, питаясь сухарями и кореньями. Вслѣдствіе какого-то сна, — которымъ онъ вѣрилъ, — онъ оставилъ пустыню и явился къ ярославскому архіерею, на

котораго произвелъ хорошее впечатлѣніе, и былъ рукоположенъ имъ сначала въ дьяконы, а потомъ въ іеромонахи. Потомъ, по вызову, онъ поѣхалъ въ Сибирь, въ Селенгинскій монастырь для возобновленія и устроенія его. При отъѣздѣ въ Сибирь онъ жилъ нѣкоторое время въ Москвѣ, часто бывалъ у покойнаго митрополита Филарета и пользовался его благоволеніемъ; въ Москвѣ онъ пріобрѣлъ много знатныхъ знакомствъ, какъ изъ ряда вонъ выдающійся монахъ. Но пріѣздѣ въ Сибирь Израиль очень скоро возобновилъ и устроилъ свой монастырь и сдѣлался правою рукою иркутскаго епископа Иннея, о бытѣ котораго интересныя сообщенія были напечатаны въ «Русской Старинѣ». Въ Сибири Израиль скоро вошелъ въ славу, вся сибирская знать, начиная съ генералъ-губернатора, относилась къ нему съ уваженіемъ. Онъ дѣлалъ много благодѣяній окружающему бѣдному населенію, пользуясь вліяніемъ на богатыхъ кяхтинскихъ купцовъ: кормилъ голодныхъ, подавалъ помощь словомъ и дѣломъ несчастнымъ обѣднѣвшимъ семьямъ, устраивалъ училища для мальчиковъ и дѣвочекъ и не только училъ ихъ, но кормилъ и одѣвалъ. Онъ бывалъ и въ рудникахъ у каторжниковъ, посѣщалъ ссыльныхъ декабристовъ, вызывая у нихъ слезы своимъ задушевнымъ словомъ. Александръ Николаевичъ Муравьевъ (декабристъ, впослѣдствіи нижегородскій губернаторъ) былъ его близкимъ другомъ, писалъ и заботился о немъ даже и тогда, когда онъ былъ въ Соловкахъ.

Разъѣзжая по распоряженію иркутскаго архіерея для осмотра церквей, Израиль очень круто обходился съ распущеннымъ сибирскимъ духовенствомъ и тѣмъ нажилъ себѣ массу враговъ.

Объ его нововведеніяхъ и измѣненіяхъ церковныхъ обрядовъ было донесено, и Израиля арестовали, отдали подъ судъ и по высочайшему повелѣнію, чрезъ фельдъегеря, отправили въ соловецкій острогъ.

Вотъ выписка изъ указа синода, при коемъ былъ присланъ Израиль въ Соловки: «св. синодъ слушали выписку изъ дѣла о новой сектѣ, открывшейся между жителями Троицко-савской крѣпости, въ составленіи и распространеніи которой обвиняются Селенгинскаго монастыря игуменъ Израиль съ іеромонахомъ Досиѳеемъ. Положили: согласуясь съ мнѣніемъ иркутскаго епархіальнаго начальства, которое обвиняетъ игумена Израиля во введеніи новаго ученія, противнаго ученію св. церкви, въ измѣненіи чина божественной литургіи, явно уничтожающемъ таинство евхаристіи, въ поруганіи всей церкви чрезъ мнимое обновленіе ея и въ прочемъ, а іеромонаха Досиѳея въ дѣятельномъ участіи съ Израилемъ къ распространенію его ученія, и св. синодъ изъ существа ихъ показаній еще усматриваетъ другія и не менѣе важныя обвиненія на нихъ въ томъ, что Израиль безстрашно дерзаетъ выдавать себя, а Досиѳей вѣритъ, что онъ, Израиль, есть истинный сынъ Божій, спаситель міра, а потому къ пресѣченію и совершенному истребленію столь пагубнаго и вреднаго для православія лжеученія и пововведенія опредѣляетъ, относительно игумена Израиля: 1) отрѣшить его отъ управленія Селенгинскимъ монастыремъ, лишивъ его достоинства игуменскаго, священства и монашества, и заключить его навсегда въ Соловецкій монастырь подъ присмотръ военной стражи: 2) настоятелю Соловецкаго монастыря вмѣнить въ обязанность стараться кроткими и благоразумными увѣщаніями и вразумленіями разсѣевать въ немъ принятыя имъ ложныя мнѣнія какъ о тысячелѣтнемъ царствованіи Іисуса Христа на землѣ, начавшемся уже яко бы въ лицѣ его, Израиля, такъ и въ учрежденномъ имъ новомъ и, по мнѣнію его, вѣчномъ служеніи».

Въ Соловкахъ не могли разсѣять его ученія; тюрьма не вліяла на него подавляющимъ образомъ; онъ всю жизнь былъ полонъ вѣры въ самого себя, въ свое ученіе. Много разъ онъ просилъ доказать ему противность его ученія св.

писанію, или освободить его, если оно не противорѣчитъ писанію, но все тщетно. Умеръ онъ въ Соловкахъ 2 ноября 1862 г., стоя на колѣняхъ, въ молитвенномъ положеніи.

Послѣ Изранля остались обширныя автобіографическія записки, полныя интереса, особенно въ психологическомъ отношеніи. Кромѣ того, у него было написано нѣсколько рукописныхъ книгъ философско религіознаго содержанія, гдѣ блестящія мысли перемѣшаны съ глупыми кабалистическими вычисленіями. Особенно хороша его маленькая брошюра о бракѣ.

Въ 1835 г. въ Ярославской губ. пойманъ неизвѣстный человѣкъ, называющій себя Иваномъ. Онъ заявилъ себя не признающимъ св. угодниковъ, императора и никакого начальства. По повелѣнію государя былъ отправленъ въ Соловки для употребленія по лѣтамъ въ работы. Въ томъ же году по высочайшему повелѣнію сданъ въ солдаты.

1835 г. была, по высочайшему повелѣнію, произведена ревизія соловецкаго острога; для этой цѣли былъ командированъ изъ Петербурга въ Соловки подполковникъ корпуса жандармовъ Озерецковскій, который пріѣхалъ въ Соловки 16 іюня. По пріѣздѣ въ монастырь онъ потребовалъ вѣдомость о всѣхъ арестантахъ: кто, за что и какъ ведетъ себя. Посѣщая арестантовъ, онъ подолгу бесѣдовалъ съ ними, разспрашивалъ ихъ о житьѣ-бытьѣ въ острогѣ, входилъ въ ихъ жизнь. Приводимъ далѣе, по окончаніи нашей статьи, вѣдомость объ арестантахъ, представленную монастырскимъ начальствомъ Озерецковскому.

По изслѣдованію Озерецковскаго оказалось, что положеніе арестантовъ Соловецкаго монастыря весьма тяжелое, что нѣкоторые изъ нихъ искренно раскаиваются въ своихъ поступкахъ и что нѣкоторые арестанты несутъ наказаніе, весьма превышающее мѣру вины ихъ. Объ этомъ гр. Бенкендорфъ докладывалъ государю, и Николай Павло-

впчь повелѣлъ: I. Изъ числа арестантовъ 15 человѣкъ опредѣлить въ военную службу рядовыми, а именно:

1) Льва Павлова;
2) Діомида Григорьева;
3) Не помнящихъ родства: Васплья;
4) Ивана;
5) Ивана Иванова;
6) Клементія Григорьева;
7) Ивана Низовцева;
8) Степана Евсѣева;
9) Александра Яковлева;
10) Игнатія Дружинина;
11) каптониста Кириллова;

скопцы.

12) Ивана Кузнецова—расколоучитель;
13) Николая Попова:
14) Михаила Критскаго;

бывшіе студенты московскаго университета.

15) Потапенко Ивана, казачій сынъ.

II. Священника Лавровскаго и корнета Сычинскаго оставить въ монастырѣ на свободѣ.

III. Крестьянъ: Ивана Безполчепова, Ивана Низова и свящ. Ал. Степанова отправить на родину.

IV. Дворовато человѣка помѣщика Амосова Ивана Кудимова, лишившагося зрѣнія, отправить въ с.-петербургскій институтъ слѣпыхъ.

V. Учителя Вас. Воскресенскаго освободить изъ заключенія и помѣстить въ число штатныхъ послушниковъ Соловецкаго монастыря, а если захочетъ, то и постричь въ монахи.

Въ Соловецкій монастырь съ того времени повелѣно ссылать не иначе, какъ по высочайшему соизволенію. Вскорѣ послѣ ревизіи бывшій въ то время архим. Досиѳей перемѣщенъ на другое мѣсто, а на этотъ постъ назначенъ архим.

Иларій, кому было поручено реформировать острожные порядки.

XV.

Флигель-адъютантъ М. А. Шумскій.

Въ 1836 г. присланъ былъ изъ Юрьевскаго въ Соловецкій монастырь на житье флигель-адъютантъ поручикъ Михаилъ Андреевичъ Шумскій. Въ свое время много было напечатано разныхъ анекдотовъ про этого злосчастнаго человѣка, который, какъ увѣряли, былъ незаконнымъ сыномъ страшнаго графа Аракчеева.

За что Шумскій былъ первоначально сосланъ въ Юрьевъ монастырь, изъ дѣла не видно. Въ Соловки же онъ переведенъ согласно его просьбѣ; жилъ въ монастырѣ свободно, только безъ права выѣзда оттуда.

По разсказамъ монаховъ, которые помнили Шумскаго, онъ былъ человѣкъ далеко неглупый, очень добрый, но въ высшей степени безхарактерный, непостоянный, безалаберный. Одинъ день онъ щедрою рукою даетъ всякому, кто у него ни попроситъ, а на другой день беретъ взаймы безъ отдачи; сегодня вольнодумствуетъ, кощунствуетъ, завтра напускаетъ на себя аскетизмъ: ходитъ къ полунощницамъ, читаетъ, поетъ на клиросѣ, бьетъ поклоны и проч. То представляетъ изъ себя «образъ кротости», то насмѣхается надъ монахами и деботширпчаетъ. Впрочемъ, безобразничалъ онъ только въ пьяномъ видѣ, и его насмѣшки и обиды не носили характера злости, звѣрства; скорѣе, это были шутки, веселящія какъ его самого, такъ и окружающихъ людей. Такъ, онъ за извѣстное вознагражденіе заставлялъ одного послушника босого, безъ нижняго бѣлья обѣгать кругомъ монастырской крѣпости. Среди окружающаго грубаго, невѣжественнаго общества въ монастырѣ Шумскому было, конечно, невыносимо скучно, и единственный въ то время образованный человѣкъ, іеромонахъ Николай былъ частымъ

его собесѣдникомъ. Бесѣды эти и жизнь соловецкой общины, съ ея оригинальнымъ общественнымъ строемъ, съ ея образцовымъ хозяйствомъ и точнымъ исполненіемъ обрядовой стороны монашества, при отсутствіи постояннаго мірского вліянія такъ сильно повліяли на пылкаго флигель-адъютанта, что онъ рѣшился принять монашество.

Черезъ полгода по прибытіи въ монастырь, Шумскій подастъ настоятелю монастыря прошеніе, въ которомъ, между прочимъ, заявляетъ, что «нынѣ, имѣя ревностное желаніе положить основаніе къ пріобученію себя иноческой жизни соотвѣтствующимъ.... прошу учинить распоряженіе ваше о включеніи меня въ питатъ послушниковъ Соловецкаго монастыря. 1836 г. Ноября 22 дня».

Прошеніе это чрезъ епископальнаго оберъ-прокурора было доложено государю, при чемъ «его величеству благоугодно было изъявить на то высочайшее соизволеніе».

Какъ скоро горячій умъ Шумскаго увлекся монашескою жизнію, такъ скоро и разочаровался въ ней. Едва прошло два года, какъ онъ просилъ дозволенія быть послушникомъ монастыря, какъ Шумскій уже вновь проситъ государя освободить его отъ неудобоносимаго для него бремени монашества. Вслѣдствіе этого прошенія, государь приказалъ спросить Шумскаго, какое онъ избираетъ состояніе, гдѣ желаетъ поселиться и какіе имѣетъ способы къ существованію.

Въ отвѣтъ на эти вопросы Шумскій подаетъ новое прошеніе на имя государя, въ которомъ проситъ: 1) разрѣшенія, по увольненіи изъ Соловецкаго монастыря, припасть къ стопамъ государя и умолять его о милосердіи, 2) о назначеніи ему отъ короны мѣста засѣдателя или подобнаго ему, или же о назначеніи ежегоднаго пособія на содержаніе, такъ какъ «до кончины благодѣтеля моего графа Аракчеева, хотя я имѣлъ пребываніе въ монастырѣ, но получалъ отъ него щедрое пособіе по 100 рублей въ мѣсяцъ съ обѣщаніемъ

положить на меня капиталъ, съ коего я могъ бы пользоваться процентами, но непредвидѣнная смерть разрушила всѣ сіи предположенія», 3) простить «проступокъ неопытной молодости, навсегда исключающій меня изъ сыновъ Россіи».

Шумскій не ошибся, разсчитывая на государя: ему назначена изъ кабинета е. в. пенсія по 1200 рублей въ годъ и разрѣшено избрать мѣстожительство, но Шумскій согласился остаться въ Соловецкомъ монастырѣ.

Разсказываютъ, что Шумскій, подавая прошеніе о назначеніи пенсіи, далъ обѣтъ, въ случаѣ назначенія пенсіи, жертвовать въ монастырь третью часть ея. И дѣйствительно, получивъ такой большой пенсіонъ, Шумскій на радостяхъ объявилъ, что ежегодно жертвуетъ въ монастырь по 300 рублей изъ своего пенсіона. Прошелъ годъ, Шумскій не только истратилъ весь остальной пенсіонъ, но даже много задолжалъ. Чтобы выйти изъ такого неловкаго положенія, онъ подаетъ архимандриту прошеніе, чтобы монастырь не бралъ изъ его пенсіона 300 рублей, а только 100 рублей въ годъ, что и было уважено. Пьянствовалъ онъ въ это время сильно и настолько ослабѣлъ нравственно, что не могъ владѣть своими поступками. Бралъ взаймы деньги, а когда требовали отдачи, ругался, отказывался отъ долга, заводилъ скандалъ, закладывалъ вещи и требовалъ, безъ возврата денегъ, ихъ обратно. Отсюда выходила масса непріятностей. Настоятель монастыря сдѣлалъ Шумскому энергичное внушеніе за такое поведеніе, — вотъ онъ пишетъ на имя игумена, конечно, по внушенію монастырскаго начальства, слѣдующее комическое прошеніе: «Ваше Высокопреподобіе, всечестнѣйшій о. игуменъ. Чувствуя слабость и немощь, и по болѣзненному своему положенію и лѣтамъ, желая спасенія душевнаго, припадаю къ стопамъ Вашимъ и всепокорнѣйше прошу приказать какъ братіи св. обители и скитовъ, такъ и штатнымъ служителямъ и рабочимъ, дабы не вѣрили и не давали мнѣ, нижеподпи-

савшемуся, взаймы денегъ, ибо расписки будутъ считать недѣйствительными и не будутъ преемлемы, а равно вещей и платья отъ меня не принимать. Отставной поручикъ М. Шумскій». Резолюція: «Согласно сей просьбѣ отставного поручика Шумскаго о недаваніи ему денегъ взаймы, а равно и неприниманіи отъ него никакихъ вещей и платья, поручаю о. намѣстнику объявить о томъ всему братству нашему, такъ и всѣмъ безызъятья живущимъ здѣсь и въ скитахъ людямъ. А просьбу сію впредь хранить въ конторѣ при дѣлѣ о Шумскомъ. Февраля 15 дня 1845 г.».

Къ этому времени относится его попытка, подобно древнимъ отшельникамъ, удалиться для безмолвія и богомыслія въ лѣсъ Анзерскаго острова, вдаль отъ живыхъ людей. Въ 1841 г. Шумскій подалъ настоятелю монастыря просьбу, что онъ жертвуетъ 600 рублей на постройку въ лѣсу Анзерскаго острова часовни и кельи, гдѣ бы онъ могъ въ тишинѣ, вдали отъ людского соблазна, упорядочить свою жизнь. Настоятель разрѣшилъ ему это. Выстроили келью, куда вскорѣ отправился отшельникъ флигель-адъютантъ. Изъ людей съ собою, правда, онъ никого не взялъ, но за то сдѣлалъ изрядный запасъ «пьянственнаго питія». Скитскіе старцы, узнавъ о новомъ отшельникѣ и пустынникѣ, начали стекаться къ нему для благочестивыхъ бесѣдъ и общихъ молитвъ, а обратно въ скиты возвращались подъ пантіемъ духа веселія и нерѣдко во образѣ четвероногихъ.

Такъ какъ это было отъ монастыря за 25 верстъ, куда въ зимнее время иногда и проникнуть нельзя, то монастырское начальство долго не знало, какіе подвиги совершаетъ новый отшельникъ. Вѣсть о подвигахъ новаго отшельника и его учениковъ все-таки дошла до монастыря, и монастырское начальство попросило старца паки возвратиться въ монастырь, на что онъ охотно согласился, тѣмъ болѣе, что живительная влага испарилась вся, а новый запасъ въ зимнее время сдѣлать было невозможно.

Тѣмъ и кончились отшельническіе подвиги Шумскаго, продолжавшіеся около трехъ мѣсяцевъ.

Грѣхи молодости и почти постоянное «пьянственное житіе» подъ старость стали сказываться въ Шумскомъ настолько серьезно, что онъ забоялся жить въ суровомъ климатѣ Соловецкаго монастыря, безъ всякой врачебной помощи, и началъ хлопотать о переводѣ его на родину, въ Новгородскую губернію въ Филиппо-Ирбскую пустынь. Просьба была уважена и въ 1851 году Шумскій выѣхалъ изъ Соловокъ, но до родины не доѣхалъ, дорогою заболѣлъ и 10 іюня 1851 г., 48 лѣтъ отъ роду, умеръ въ Архангельской больницѣ приказа общественнаго призрѣнія. Такъ окончилъ свою жизнь блестящій нѣкогда гвардеецъ.

Въ послужномъ спискѣ о службѣ Шумскаго значится, что онъ изъ дворянъ грекороссійскаго исповѣданія: недвижимаго имѣнія не имѣетъ. Въ службу вступилъ изъ камеръ-пажей двора е. и. в. лейбъ-гвардіи конную артиллерію въ 1821 г., имѣя отъ роду 18 лѣтъ. Въ 1824 г. назначенъ флигель-адъютантомъ къ е. и. в. съ назначеніемъ состоять для особыхъ порученій при графѣ Аракчеевѣ. Въ 1826 г. за неприличные поступки по высочайшему приказу переведенъ во Владикавказскій гарнизонный полкъ. Съ 1826 г. по 1830 г. Шумскій провелъ на Кавказѣ, ведя постоянную боевую жизнь, участвовалъ въ десяткахъ сраженій. За отличія въ сраженіяхъ былъ награжденъ орденами Анны 4 ст. и 3 съ бантами. 18 іюня 1830 г., по болѣзни, былъ уволенъ въ отставку.

Въ 1836 г. прислалъ крестьянинъ Пермской губ. Петръ Вакоринъ за вторичное уклоненіе въ расколъ, самовольную отлучку въ лѣса, куда увлекалъ и другихъ, совращая ихъ въ расколъ и перекрещивая, и за непризнаваніе и дерзкіе отзывы на счетъ евхаристіи, священства и государя со властями. Судимъ былъ пермской уголовной палатой и присужденъ къ плетямъ и каторгѣ. Комитетъ

министровъ отмѣнилъ это рѣшеніе и постановилъ отослать Вакорина въ Соловецкій монастырь на заключеніе съ тѣмъ, чтобы были употреблены всевозможныя мѣры къ обращенію его на путь истины. Первые годы заключенія Вакоринъ на всякія увѣщанія отвѣчалъ грубостію, дерзостію и богохульствомъ; такъ изъ монастыря относились въ синодъ, что нѣтъ никакой надежды на исправленіе. Но въ 1841 г. Вакоринъ, сверхъ ожиданія, подалъ письменное раскаяніе, а въ 1842 г. былъ освобожденъ съ учрежденіемъ надъ нимъ тайнаго надзора.

Поручикъ Украинскаго полка Веселаго, который, будучи судимъ за растрату казенныхъ денегъ, ложные доносы и т. п., былъ разжалованъ въ солдаты. Прослуживъ въ солдатахъ 5 лѣтъ, онъ вышелъ въ отставку и вскорѣ послѣ этого объявилъ себя политическимъ преступникомъ съ цѣлію имѣть свиданіе съ гр. Бенкендорфомъ, котораго онъ просилъ послать его въ монастырь. Государь, коему было доложено о просьбѣ Веселаго, повелѣлъ послать его въ Соловецкій монастырь. Изъ Соловокъ онъ былъ переведенъ въ Псковскій монастырь, затѣмъ въ г. Архангельскъ, нисцомъ, но, пожившя немного, былъ препровожденъ снова въ Соловки за неспокойный характеръ и дерзости. Жилъ въ Соловкахъ съ 1836 по 1854 г., когда былъ освобожденъ за участіе въ защитѣ монастыря отъ нападенія англичанъ.

1836 г. Наставникъ молоканской ереси, саратовскій мѣщанинъ Петръ Плехановъ. Черезъ годъ онъ подалъ архимандриту записку, въ коей раскаивался въ своей ереси. Содержаніе этой записки, съ рѣшеніемъ освободить Плеханова, оберъ-прокуроромъ синода доложено было государю, который положилъ такую резолюцію: «согласенъ, но полезно испытать его, точно ли онъ утвержденъ въ православіи, переведя для этого въ Юрьевъ монастырь».

Въ томъ же году бѣглый іеромонахъ казанской епархіи Иларій, который будто бы жилъ въ раскольническихъ

скитахъ Пермской губерніи, прислать въ заточеніе въ соловецкій острогъ. Пларія много разъ и при поимкѣ, и чрезъ соловецкаго архимандрита спрашивали о мѣстопахожденіи скита и лицахъ, въ немъ живущихъ, но онъ ничего не хотѣлъ сказать насчетъ этого. Просидѣвъ въ острогѣ годъ, онъ вдругъ объявляетъ, что онъ вовсе не іеромонахъ Пларій, а бѣглый солдатъ Волковъ. Относительно того, какъ онъ попалъ въ Соловки вмѣсто настоящаго Пларія, онъ разсказалъ вотъ что. Происхожденіе его изъ дворовыхъ людей; сданъ барином за пьянство въ солдаты, грамоты ни читать, ни писать не умѣетъ. Послѣ рекрутства онъ вмѣстѣ съ арестантами переправлялся въ Нижегородскую губернію. Въ числѣ арестантовъ ихъ партіи находился лишенный іеромонашества Иванъ Нестеровъ, ссылаемый въ Соловки. Во время пути Нестеровъ и Волковъ познакомились и первый предложилъ второму помѣняться съ нимъ именемъ за 1,500 руб., на что Волковъ и согласился. Нестеровъ, разсказавъ ему свои обстоятельства, увѣрилъ, что въ монастырѣ онъ будетъ жить вмѣсто послушника, жизнь будетъ покойная, только ходи Богу молись, а если хорошо заживешь, добавилъ Нестеровъ, то черезъ годъ-два и вовсе отпустятъ. Самъ же Нестеровъ обѣщалъ бѣжать изъ военной службы и уйти къ раскольникамъ въ лѣса, и оттуда, если можно, достать Волкова въ Вологодской губ. и освободить его. Всему этому Волковъ повѣрилъ. Обмѣнявшись именами, они притворились больными и отстали отъ партіи. Нестеровъ, давъ Волкову 120 рублей и какого-то питья, отъ котораго тотъ былъ трое сутокъ безъ памяти, ушелъ съ партіей впередъ какъ рекрутъ Волковъ, и вскорѣ бѣжалъ, а Волковъ слѣдовалъ со слѣдующей партіей въ Соловки подъ именемъ Пларія. По справкѣ, гдѣ слѣдуетъ, это показаніе оказалось правильнымъ, а потому ложный іеромонахъ Пларій былъ сданъ снова въ военную службу, получивъ предварительно достодолжное наказаніе на тѣлѣ, подлежащееся за

побѣгъ изъ службы по воинскому артикулу. Нестеровъ же, то-есть настоящій Иларій, вовсе не былъ отыскапъ.

Канцелярскій служитель Чевкуповъ за пьянство и безнравственное поведеніе, по просьбѣ отца, содержался въ Соловецкомъ монастырѣ подъ присмотромъ, «не въ родѣ арестанта», съ 1848 по 1853 г.

Съ 1836 по 1846 г. нѣтъ извѣстій о присылкѣ новыхъ арестантовъ, но я думаю скорѣе, что извѣстія о нихъ утрачены, нежели вовсе не было присылки.

Въ 1846 г. по высочайшему государя императора повелѣнію прислапъ въ соловецкій острогъ, съ падписью на бумагѣ, при которой опъ послапъ: весьма секретно, фельдфебель 6 дирекціи варшавской телеграфной линіи Яковъ Пыжьяповъ, православный, изъ каптопистовъ; за что — не сказано. Въ 1853 г., по ходатайству архимандрита Александра, Пыжьяповъ, въ силу его желанія, былъ по царской волѣ зачисленъ въ послушники монастыря, а въ 1854 г. переведенъ унтеръ-офицеромъ въ 1-й архангельскій баталіонъ.

Въ 1849 г. прислапъ раскольническій монахъ Иларій, котораго означали мірскимъ именемъ Иванъ Сорокинъ, для заключенія въ соловецкомъ острогѣ за расколъ. Человѣкъ опъ бывалый, начитанный: жилъ за границей, имѣлъ близкія знакомства съ главными вожаками раскола въ Австріи. Просидѣвъ 10 лѣтъ въ соловецкой тюрьмѣ въ особомъ мѣстѣ отъ прочихъ арестантовъ и не слушая никакихъ увѣщаній, вдругъ, вслѣдствіе какого-то чудеснаго сна, раскаялся и былъ присоединенъ къ церкви. Соловецкіе монахи, принимая во вниманіе строгую подвижническую жизнь его, а главное — чудесное обращеніе къ православію такого закоренѣлаго въ раскольническихъ убѣжденіяхъ человѣка, внесли его въ свой патерикъ, какъ человѣка, прославляющаго сію славную обитель.

Рекрутъ изъ крестьянъ Московской губ. Иванъ Шуру-

новъ, 19 л., по принятіи на службу, отказался дать присягу, несмотря на всевозможныя принужденія. Свой отказъ онъ мотивировалъ тѣмъ, что, по слову Божію, нужно служить одному Богу, а потому служить государю онъ не хочетъ и присяги принимать не желаетъ, боясь быть клятвопреступникомъ. Начальство, разсуждая, что разглашать это дѣло, предавъ Шурупова суду, было бы соблазномъ, а потому рѣшило заключить его въ монастырь. Императоръ Николай Павловичъ, на докладѣ о Шуруповѣ, положилъ такую резолюцію: «отправить упомянутаго рекрута за конвойными въ Соловецкій монастырь». Вскорѣ по прибытіи въ монастырь Шуруповъ раскаялся, и въ 1854 г. выпущенъ изъ тюрьмы и назначенъ рядовымъ соловецкой конвойной команды. Шуруповъ значился молокашникомъ.

Въ 1851 г. придворный пѣвчій Александръ Орловскій, кончившій курсъ въ черниговской дух. семинаріи, присланъ за безбожіе въ острогъ. Судя по его рукописному изложенію своей вины, безбожіе это состояло въ томъ, что Орловскій въ пьяной компаніи хотѣлъ похвастаться своею ученостію, своимъ вольнодумствомъ, и произнесъ нѣсколько дерзкихъ словъ на религію. Слова эти были кѣмъ-то изъ присутствующихъ переданы начальству. Началось «дѣло», и Орловскому привелось познакомиться съ Соловками. Вскорѣ по прибытіи въ соловецкій острогъ, Орловскій написалъ на имя архимандрита подробное велерѣчивое покаяніе; покаянію этому повѣрили и освободили его изъ острога съ зачисленіемъ въ число послушниковъ монастыря. Пробывъ около двухъ лѣтъ послушникомъ, онъ былъ совсѣмъ освобожденъ изъ монастыря. По словамъ знавшихъ его монаховъ, это былъ человѣкъ съ прекраснымъ темпераментомъ, но великій забулдыга.

Въ 1850 г. присланъ бывшій студентъ Георгій Андрузкій по высочайшему повелѣнію, за вредный образъ мыслей и злонамѣренныя сочиненія. Вотъ что Андрузкій

разсказывать о себѣ въ своемъ покаяніи соловецкому архимандриту: «Родился я въ 1827 г., до 1839 г. воспитывался дома, родомъ изъ дворянъ Полтавской губерніи. Съ 1839 по 1847 г. воспитывался въ 1-мъ благородномъ пансіонѣ 1-й кіевской гимназіи, откуда поступилъ въ университетъ св. Владиміра. Въ 1847 г. взятъ въ Петербургъ и по повелѣнію государя отправленъ въ казанскій университетъ для окончанія курса наукъ; при чемъ мнѣ всемилостивѣйше пожаловано на первоначальное обзаведеніе 200 р. Причиной перемѣщенія были мои бумаги и стихи мятежнаго содержанія, имѣющіе цѣлію возстановленіе малорусской народности. Въ 1848 г., по окончаніи курса наукъ, переведенъ изъ Казани на службу въ Петрозаводскъ, вслѣдствіе повреждения глазъ и неспокойнаго поведенія. Въ Петрозаводскѣ служилъ или, лучше, числился въ олонецкомъ губ. правленіи при газетномъ столѣ писцомъ по 1-е мая 1850 г. 19 марта 1850 г., по распоряженію гражданскаго губернатора, обысканъ, арестованъ на дому, и чрезъ мѣсяцъ, по высочайшему повелѣнію, отправленъ въ Соловецкій монастырь, о чемъ я узналъ частнымъ образомъ, по прибытіи въ Архангельскъ, гдѣ мѣсяцъ находился въ тюрьмѣ до вскрытія водъ. Причина этой ссылки: сочиненія предосудительнаго, а отчасти не религіознаго содержанія. Во всѣхъ сихъ случаяхъ поступлено со мною справедливо и весьма снисходительно... Впрочемъ, я никогда не возставалъ противъ монархіи, ни противъ личныхъ основъ царской власти, а только, полагая, что во всероссійской державѣ должно быть и всероссійское господство, вооружался на исключительное господство великороссіянъ въ защиту давно отжившей малорусской народности. Отъ церкви я никогда не отлучался... Если же въ моихъ сочиненіяхъ и попадаются выходки противъ власти монархической и церковной, то онѣ вслѣдствіе молодечества и раздраженнаго воображенія». Далѣе слѣдуютъ выраженія раскаянія, при-

чемъ Андрузкій заявляетъ, что ему «нѣтъ дѣла ни до Малороссіи, ни до Европы, ни до всего свѣта — я желаю быть христіанишомъ». Это раскаяніе было отправлено въ синодъ въ 1850 г., при чемъ приложенъ отзывъ архимандрита, что Андрузкій ведетъ себя смирно, въ церковь ходитъ; но освобожденъ онъ былъ лишь послѣ нападенія англичанъ, въ 1855 году.

XVI.

Раскольническій попъ Николай Петровъ, будучи православнымъ священникомъ, бѣжалъ къ раскольникамъ, но былъ тамъ пойманъ и заключенъ въ Новгородъ-сѣверскій монастырь. Изъ этого монастыря ему вскорѣ удалось бѣжать опять къ раскольникамъ, но и на этотъ разъ не удачно: его чрезъ два года, въ 1851 г., поймали и заключили навсегда въ Соловецкій монастырь. При поимкѣ Петрова, у него отобрали 2,060 р. денегъ, которыя повелѣно было передать въ Соловецкій монастырь съ тѣмъ, чтобы проценты съ капитала шли на его содержаніе. Послѣ смерти Петрова, случившейся въ 1860 г., въ Соловецкомъ острогѣ, остался сынъ — стрянчій Пермской губерніи, который, по праву наслѣдства, хотѣлъ получить отцовскій капиталъ, оставляя монастырю на поминъ отцовской души 300 р., но синодъ въ этой просьбѣ ему отказалъ. Обращался онъ и къ монастырю, надѣясь на его великодушіе, но монастырь вмѣсто денегъ далъ икону и утѣшеніе, что на томъ свѣтѣ за это получится съ лихвою.

Въ 1852 г. схвачены въ Москвѣ: 1) эмиссаръ заграничныхъ раскольниковъ, проживающій въ Турціи лжеинокъ Ипполитъ, называющійся мѣщанишомъ Егоромъ Ивановымъ. По высочайшему повелѣнію сослать навсегда въ Соловки. Будучи въ острогѣ, изъявилъ желаніе присоединиться къ единовѣрію, а посему, послѣ предварительнаго искуса, былъ освобожденъ въ 1858 г.

2) Московскій мѣщанинъ Михаилъ Поликарповъ, именующій себя инокомъ Маркіаномъ — за расколъ. Онъ жилъ въ Буковинѣ и черниговскихъ раскольническихъ скитахъ, сосланъ за сношеніе съ этими раскольниками и распространеніе раскола. Умеръ въ 1864 г., вѣрный своимъ убѣжденіямъ.

Проживавшій у начальника черчуковской этапной команды Раткевича слабоумный сынъ окружнаго генерала IV округа внутренней стражи генералъ-лейтенанта Мандрыка, Андрей Николаевъ, 27 лѣтъ, 26 октября 1852 года, пришелъ къ обѣдни въ церковь с. Черчугова, гдѣ, простоявъ литургію, по окончаніи оной, вошелъ въ алтарь холодной церкви въ то время, когда весь причтъ занятъ былъ пѣніемъ молебновъ, и тамъ всѣ лежащія на престолѣ вещи, какъ-то: антиминсъ, лентіонъ, два евангелія, крестъ, дарохранительницу и самое престольное одѣяніе вымаралъ ранѣе приготовленнымъ имъ. . . . . Совершивъ это, онъ объявилъ о своемъ преступленіи причту. Причиною такого поступка, по его словамъ, было желаніе избавиться отъ надзора родителя своего за его поступками, поэтому онъ принялъ намѣреніе сдѣлать какое-либо преступленіе, чтобы удалиться отъ родныхъ въ Сибирь и жить тамъ, а до рѣшенія дѣла содержаться въ гражданскомъ казематѣ. Слѣдствіемъ выяснено, что Мандрыка ранѣе былъ набоженъ и религіозенъ, а преступленіе совершилъ по слабоумію. Отецъ его подалъ государю просьбу, чтобы прекратить дѣло, а сына сослать навѣчно въ Соловецкій монастырь, на что и послѣдовало высочайшее соизволеніе.

Въ монастырѣ Андрей Мандрыка жилъ то въ тюрьмѣ, то на ряду съ братіею. Въ тюрьмѣ велъ себя смирно, а лишь былъ выпускаемъ на свободу начиналъ безчинствовать: пьянствовать, воровать по кельямъ чай, сахаръ и пр. вещи, даже сбивалъ для этого замки, христарадничалъ у пріѣзжающихъ богомольцевъ, въ случаѣ отказа ругался, дѣ-

лалъ мальчикамъ безнравственныя предложенія, а потому снова былъ на время заключенъ въ тюрьму. Такъ прожилъ онъ до 1864 года, когда былъ отправленъ въ домъ умалишенныхъ, куда бы слѣдовало отправить его съ самаго начала.

Вахтеръ ставропольскаго полевого комиссіонерства Иванъ Буракоѣъ (изъ воронежскихъ крестьянъ) въ 1853 г. заточенъ въ соловецкій острогъ за «отступленіе въ расколъ и ученіе еретическое и богохульное». «Расколъ» Буракова настолько былъ необыкновенъ и чуждъ религіознымъ понятіямъ русскаго народа, что трудно понять, откуда онъ могъ пріобрѣсти свои мнѣнія. Со словъ Буракова внукомъ его написана была цѣлая книга, излагающая его ученіе, которая была вытребована въ синодъ и тамъ хранится. Благочинный архангельскихъ церквей протоіерей Ѳ. Жаравовъ, которому была отдана эта книга для разсмотрѣнія, далъ о ней такой отзывъ: «книга Буракова преисполнена суемудрыхъ и нелѣпыхъ вымысловъ; правила вѣроученія, въ ней заключающіяся, отзываются грубыми ересями жида Захаріи и аптекаря Башкина, бывшаго въ Россіи въ XV и XVI столѣтіяхъ; есть даже прямыя мысли и изложенія, хулыю-отвергающія божество Іисуса Христа, повозавѣтное изложеніе спасенія и вообще христіанство». О происхожденіи и содержаніи еретическаго ученія Буракова мы лучше всего можемъ познакомиться изъ доиесенія объ этомъ въ синодъ архимандрита Александра, такъ какъ доиесеніе есть результатъ его личныхъ бесѣдъ съ Бураковымъ:

«Съ самаго начала своей жизни, какъ Бураковъ сталъ хорошо все понимать, онъ почувствовалъ охлажденіе отъ таинства причащенія, и какъ я могъ заключить изъ словъ его, это было поводомъ, что въ полудни явился ему ангелъ въ саду Буракова и сказалъ: «приходи въ полночь на кладбище, въ лѣсъ, тамъ есть камень на могилѣ, на немъ получишь откровеніе Божіе, котораго ты достоинъ.

Бураковъ часто началъ удаляться на таинственный камень, бесѣдовать съ двумя ангелами, или попеременно, то съ однимъ, то съ другимъ; между прочимъ ему объявлено, что святѣе пѣть на небеси и на земли царя Давида, а Іисусъ Христосъ не святъ, боялся смерти, когда молился въ саду Геѳсиманскомъ, да мимо идетъ отъ него чаша.

«За всѣмъ тѣмъ Бураковъ продолжалъ исполнять всѣ таинства св. нашей церкви. Съ своимъ не малымъ семействомъ и приходскимъ священникомъ жилъ дружно, на исповѣди и причастіи св. таинъ также бывалъ, и явленій никому не объявлялъ. Когда же получилъ повелѣніе отъ архангела Измаила оставить христіанскую церковь, то открыто объявилъ о себѣ, каковъ есть, и сталъ составлять книгу, которая представляется св. синоду. Начальство тамошнее не обратило строгаго вниманія съ самаго начала на эту ересь Буракова, и онъ успѣлъ утвердить себя въ ней, но, по словамъ его, никому не передавалъ оной, ни своему семейству (которое, какъ видно изъ писемъ къ Буракову, очень хорошее и благочестивое), ни постороннимъ; не было на это повелѣнія отъ ангеловъ. Но за то самъ Бураковъ величайшій врагъ имени Іисуса Христа. Когда я (архимандритъ), при посѣщеніи его на Пасху, сказалъ: Христосъ воскресе! то онъ молчалъ, а когда сказалъ: во имя воскресшаго прими яйцо красное, то онъ отвѣчалъ мнѣ грубо, съ запальчивостью и ругательствомъ на святыню... Изъ сего я заключаю, что съ этимъ жалкимъ, несчастнымъ человѣкомъ нужно имѣть терпѣніе и осторожно дѣйствовать на него, чтобы съ Божіею помощью уврачевать его душевную болѣзнь». Но на самомъ дѣлѣ уврачевать душевную болѣзнь Буракова не удалось; всѣ увѣщанія отлетали отъ него, какъ горохъ отъ стѣны. Умеръ онъ въ тюрьмѣ въ 1860 году, полный вѣры въ себя самого и въ свои откровенія.

Мѣщанинъ города Воскресенска, Московской губерніи, Василій Занегинъ, за распространеніе сектаторскихъ тол-

ковъ, стараніе совратить православныхъ въ расколъ и предсказаніе Россіи бѣдствій и скораго ея окончанія, въ 1851 году былъ заключенъ въ Суздальскій монастырь. Во время посѣщенія его арестантской камеры владимірскимъ гражданскимъ губернаторомъ, Замегинъ сорвалъ камилавку съ головы и бросилъ на полъ у сопровождавшаго его архимандрита сего монастыря Іоакима, за что былъ преданъ уголовному суду, который приговорилъ его къ 80 ударамъ розогъ. Послѣ наказанія, по высочайшему повелѣнію былъ, въ 1853 году, сосланъ въ Соловецкій острогъ для строжайшаго содержанія. Въ Соловкахъ ему не поздоровилось, болѣлъ три года, не выходя изъ каземата, и пока шла переписка о переводѣ его для лѣченія въ больницу города Архангельска, онъ, 7 марта 1863 года, умеръ. Въ своихъ заблужденіяхъ былъ твердъ до самой смерти; для увѣщанія принималъ архимандрита, увѣщанія его выслушивалъ охотно, но ничему священному не вѣровалъ, упорно противился церкви и порицалъ ея уставы.

Въ 1856 г. привезенъ въ Соловецкій монастырь крестьяниномъ Ярославской губерніи Меркурій Киселевъ (Никита Семеновъ), для духовнаго назиданія, а не какъ арестантъ. Поймалъ онъ былъ въ городѣ Вологдѣ, и оказался наставникомъ странической секты. Сидя въ вологодской тюрьмѣ, изъявилъ желаніе присоединиться къ единовѣрію, что было и исполнено; но для духовнаго назиданія все-таки нашли нужнымъ послать его въ Соловки. Во время пути изъ Вологды въ Соловки, сопровождаемый двумя жандармами, близъ города Шенкурска, успѣлъ бѣжать, но вскорѣ былъ пойманъ и привезенъ въ Соловки. Въ Соловкахъ, въ виду этого, нашли нужнымъ посадить его въ острогъ, гдѣ онъ и пробылъ до 1858 года. Въ этомъ году государь Александръ Николаевичъ, во время своего посѣщенія Соловецкаго монастыря, обходилъ и арестантскіе чуланы, и, между прочимъ, въ виду раскаянія Киселева, повелѣлъ освободить его изъ острога

для житья въ монастырѣ. Вскорѣ по выходѣ изъ острога онъ встрѣтился съ своими единомышленниками, прибывшими въ монастырь провѣдать своего наставника, съ помощью которыхъ успѣшно бѣжалъ изъ монастыря 22 іюня 1858 года. Всѣ розыски на первое время оказались безуспѣшными, лишь въ 1865 г. въ городѣ Кишенмѣ, Костромской губерніи, полиціею былъ, между прочими людьми, захваченъ неизвѣстный человѣкъ, принадлежащій къ сектѣ странниковъ, у котораго была найдена рукописная поэма, изображающая освобожденіе судьбами Всевышняго Промысла кого-то изъ соловецкаго заключенія. Судебный слѣдователь города Кишенмы, принимая во вниманіе отобранную поэму, обратился въ Соловецкій монастырь съ запросомъ, подробно описывая примѣты пойманнаго владѣльца поэмы, не бѣжалъ ли кто въ недавнемъ прошломъ изъ Соловецка. По примѣтамъ оказалось, что пойманный былъ не кто иной, какъ бѣжавшій Киселевъ.

Я позволю себѣ привести эту поэму, какъ образчикъ раскольническаго стихосложенія:

Поэма страдавшаго и освобожденнаго судьбами Вышняго Промысла.

Изложить хощу въ поэму повѣсть горестныхъ причинъ,
Всѣмъ любимымъ подаему, кто свободенъ злыхъ личинъ.
Что есть въ мірѣ—все приложно, постоянства тверда нѣтъ,
Доказать о томъ возможно тѣмъ, что явный есть предметъ.
Станьте тѣломъ, будьте духомъ во преблизкихъ мѣрахъ нам
И внушайте чистымъ слухомъ, ясну повѣсть передамъ.
Уважаемъ былъ я всѣми, кто свѣтъ истины любилъ,
Но не знаемъ же и тѣми и на вѣрныхъ кто грозилъ.
Былъ вложенъ потомъ въ горнило искушеній, тяжкихъ ранъ
И участны тамъ, гдѣ гнило и нечестій полный планъ.
Онъ нашъ древній врагъ завистникъ принялъ мѣры и успѣхъ,
Непросплъ насъ ненавистникъ у Владыки Бога всѣхъ.
Оскорбилъ тѣхъ, кто есть вѣренъ, Богомъ знаемъ навсегда,
Всѣхъ утѣшилъ, кто зловѣренъ, хулитъ истину всегда,
Кто не смысленъ какъ скотина и имѣетъ нравъ звѣрей,
Въ комъ нечестія вся тина и нѣсть евангельскихъ дверей.

Эти приняли насъ въ руки, столь терзали, такъ тряслн,
Не влагая въ явны муки, тѣхъ не меньше подвесли.
Чѣмъ томится умъ и тѣло и лишаются тѣхъ мѣстъ,
Въ чемъ стоитъ правды дѣло и терпѣнья Христовъ крестъ,
Явна ближнихъ въ чемъ разлука, и унынья весь каналъ,
Столь несносна есть та мука, въ самомъ опытѣ позналъ.
Когда былъ я удаленнымъ въ страны сѣверна края
Въ полномъ видѣ всѣхъ лишеннымъ, ближнихъ, Бога и рая.
Заключенъ въ число несчастныхъ горьку участь понести,
Всѣхъ Спасителя подвластныхъ въ страхъ и трепетъ привести,
Гдѣ съ побѣдою спасенье вѣрныхъ было отъ враговъ *),
Теперь явное смущенье и сонмъ антихриста враговъ,
Эта славная обитель, монастырь на Соловкахъ,
Гдѣ Зосимъ былъ вѣрный житель, имѣлъ крестъ Христовъ въ рукахъ,
Такъ какъ агнецъ въ той я былъ, и терпѣлъ въ такой страдбинѣ,
Межъ волковъ тѣхъ скорбно жилъ, достоинъ той судьбы.
Чтобъ мнѣ было во утѣшность — не имѣлось тѣхъ въ виду.
Лишь коварство и пасмѣшность въ томъ нечестія саду.
Проливалъ тамъ къ Богу слезы, ежедневно, навсегда,
И избѣженъ былъ тѣхъ грозы, богоборцевъ тѣхъ слѣда,
И святыхъ я призывалъ первобытныхъ тѣхъ отцовъ,
Монастырь кто основалъ и ихъ потомныхъ остальцовъ,
Кои жительства всѣ мѣры тѣхъ хранили навсегда,
Что не приняли той вѣры, гдѣ душевна есть бѣда.
Вѣрно, ясно обличали, что пасѣялъ въ то драконъ,
Муки горьки пострадали за Христовъ святой законъ.
Простиралъ я къ тѣмъ моленье и просилъ ихъ какъ отца,
Чтобъ простить мнѣ согрѣшенье, умолить о томъ Творца.
И не быть бы въ этой мѣрѣ, что несносной есть судьбой,
Но служить бы въ правой вѣрѣ при любимыхъ вѣрно мной.
Тѣхъ утѣшить въ скорби тѣсной и оправдать ихъ тѣмъ,
Это знаетъ Богъ небесный, быть желаютъ они съ кѣмъ.
Охранялъ кто церковь вѣрныхъ отъ всѣхъ публики враговъ,
Заточенъ есмь отъ зловѣрныхъ, разлученъ своихъ друговъ,
Съ кѣмъ имѣлъ расположенье и всю преданность хранилъ,

*) Англичанъ въ 1854 году.

И давалъ надъ тѣмъ сужденье, какъ Сусанинъ Даніилъ.
Своеождалъ тѣхъ всякой мѣры отъ неправильныхъ судей,
Что измыслилъ (?) правой вѣры фанатизмъ грубыхъ людей.
Коихъ видѣть онъ желаетъ и разгнать въ нихъ скорби мракъ,
Коихъ письмамъ утѣшаетъ, для вѣрности имъ знакъ(?)
Ихъ любовь не забываетъ и въ несчастной той судьбѣ
Навсегда ихъ помнитъ и держимый въ той судьбѣ.
Что жъ Всевышній устрояетъ внять молитвамъ и слезамъ,
Явну милость простираетъ очевидну всѣмъ глазамъ.
Посылаетъ въ ту обитель высочайша всѣхъ людей,
Кто россіянъ есть правитель и начальникъ всѣхъ судей *).
Онъ ходилъ, смотря обитель, быстрымъ шагомъ ногъ своихъ,
Какъ отецъ, и не мучитель посѣщалъ тамъ и острогъ,
Былъ со членомъ самолично въ самыхъ каморахъ того,
И сказалъ при всѣхъ публично, нужно выпустить сего.
Отвѣщалъ за мя несчастна страшъ поморья архирей **),
Оправдалъ мя быть подвластна трону сѣверныхъ царей.
Тѣмъ я духъ свой оживилъ и въ надежды плавъ пришелъ,
И не много въ замкѣ былъ, во обитель жить взошелъ.
Видя дѣло ко успѣху, что мнѣ Вышній назначалъ
И еще послалъ утѣху, вдругъ я ближнихъ тамъ встрѣчалъ.
Тогда оныхъ я цѣлуя въ духѣ радостныхъ лучей,
И въ восторгѣ ужъ ликуя, пустя слезы изъ очей.
Видя явно Бога милость и любовь своихъ друговъ,
Это ясно изъявилось, что избуду рукъ враговъ.
Въ томъ не много провождали, въ путь готовяся идти,
Свои вещи забирали, что возможно унести.
Вышній, видя нашу немочь, послалъ помощь въ нашъ уходъ,
Явилъ случай въ явну помощь, вдругъ пришелъ тамъ пароходъ.
Такъ подъ видомъ пассажировъ, вещь не трудная была,
Черноризныхъ тѣхъ кумировъ изъ среды насъ извела.
Богомольцами вмѣнились, кто мнѣ вѣрные слуги,
Такъ навѣрно въ томъ прельщались насъ и Бога всѣхъ враги.
Что во внутренности въ насъ, это знать тѣмъ не дано.
И табашна носа глазъ почиталъ всѣхъ за одно,

---

*) Здѣсь разумѣется посѣщеніе Соловецкаго монастыря императоромъ Александромъ Николаевичемъ, въ 1858 году.

**) Епископъ архангельскій Александръ, бывшій соловецкій архимандритъ.

Чѣмъ весьма было не трудно ту судьбу намъ окончать,
Гдѣ стояло нашихъ судно, къ тому путь свой совершать.
Первымъ долгомъ мы на ономъ ограждлися крестомъ.
Все управя, что при ономъ, парусъ подняли на томъ.
Креста силой живоносной все способно было намъ,
Былъ и вѣтръ весьма попутный и доставилъ скоро тамъ.
Въ нѣдрахъ моря мы имѣли кратко время продолжать,
Знаки въ пользу нашей цѣли Вышній началъ выражать.
Гдѣ пристанище намъ было у любимыхъ намъ людей,
Первымъ долгомъ, это мило, что избывши рукъ судей,
Кои вѣрныхъ истязаютъ какъ преступниковъ всезлыхъ,
Казни тяжки налагаютъ съ разлученьемъ всѣхъ родныхъ.
А кто добрыхъ всѣхъ лишившись, тотъ и вѣренъ есть для тѣхъ.
Табакъ нюхать изучившись, православнѣе тотъ всѣхъ,
Коихъ дѣло исправленье, праву вѣру разрушать,
Только въ томъ и утѣшенье, — табакъ въ носы набивать.
Въ перво(мъ) мѣстѣ мы прибывши, себѣ спутники нашли,
Одинъ день притомъ прожившн, прямымъ трактомъ ужъ пошли.
Въ помощь Бога призывая и молитвы святыхъ всѣхъ,
Тѣмъ всѣхъ вредныхъ избывали—въ томъ и былъ нашъ весь успѣхъ.
Такъ пріявши крѣпку вѣру на Владыку Бога всѣхъ,
Тѣмъ окончалъ и скорбныхъ мѣру, ужъ избывши опыхъ всѣхъ.
Въ церкви вѣрныхъ торжествуя, славя Бога и святыхъ,
И съ любимымъ всѣмъ ликуя, написую этотъ стихъ.
Нужно вѣрить въ Промыслъ Бога и быть вѣрнымъ для того,
Не страшиться чтобъ острога, вездѣ Промыслъ есть Его.

Аминь.

Мѣщанинъ посада Воронка, Черниговской губерніи, Григорій Медвѣдевъ, по подозрѣнію въ исправленіи облазпости раскольническаго уставщика при отцѣ своемъ, находившемся въ безвѣстной отлучкѣ, лжепоцѣ Степанѣ Медвѣдевѣ, предварительно съ 1854 по 1857 г. сидѣлъ въ харьковскомъ тюремномъ замкѣ, въ секретномъ отдѣленіи, гдѣ отъ него допытывались о мѣстонахожденіи его отца, но не узнавъ ничего, по высочайшему повелѣнію, въ 1857 г.

услали въ Соловецкій монастырь, подъ строжайшій надзоръ. По прибытіи въ Соловки, онъ изъявилъ желаніе принять единовѣріе и священство, и въ 1859 году былъ освобожденъ.

Въ 1857 г. самарскій мѣщанинъ Лазарь Шепелевъ «за противузаконные по расколу проступки» присланъ въ Соловки подъ строжайшій надзоръ. Въ Соловкахъ онъ былъ помѣщенъ въ нижнемъ этажѣ тюрьмы, особо отъ всѣхъ арестантовъ. Проживъ ровно годъ въ казематѣ, «отъ старости и дряхлости волею Божіею умре». Умеръ не раскаявшись.

Въ 1861 г. посланъ въ Соловки подъ строжайшій надзоръ священникъ Ѳедоръ Померанцевъ за неправильное толкованіе крестьянамъ высочайшаго манифеста объ освобожденіи ихъ отъ господъ.

Отношеніе архангельскаго губернатора, при которомъ былъ присланъ Померанцевъ, такъ объясняетъ его вину:

Пензенской губерніи, Чембарскаго уѣзда, села Ступенки, священникъ Ѳедоръ Померанцевъ оказался виновнымъ въ неправильномъ толкованіи крестьянамъ имѣнія графа Уварова высочайше утвержденнаго 19 февраля 1861 года манифеста. Вслѣдствіе необузданнаго и предосудительнаго образа дѣйствія священника Померанцева крестьяне деревни Черная, графа Уварова, оказали неповиновеніе и ослушаніе, доведшее потомъ до возмущенія, которое прекращено только силою воинской команды. Командированный по высочайшему повелѣнію свиты е. и. в. генералъ-маіоръ Дренякинъ, на основаніи высочайше дарованнаго права рѣшить дѣло по своему усмотрѣнію, приговорилъ священника Померанцева, вдовца, какъ очевидно вреднаго и виновника стольких бѣдствій, какія произошли отъ неправильнаго толкованія манифеста, въ примѣръ прочимъ отправить въ Соловецкій монастырь. Съ этимъ рѣшеніемъ генерала Дренякина согласился и генералъ-адъютантъ Ефимовичъ,

командированный въ Пензенскую губернію для прекращенія возникшихъ между крестьянами безпорядковъ.

Померанцевъ былъ посланъ при отношеніи архангельскаго губернатора, а со стороны духовной власти о немъ не было никакого распоряженія. Когда черезъ годъ соловецкій архимандритъ, донося въ синодъ о примѣрномъ поведеніи Померанцева, просилъ разрѣшить ему священнослуженіе, то синодъ отвѣчалъ, что оно и не было никогда запрещено ему. Въ 1863 году, по представленію архимандрита Порфирія о слабости здоровья Померанцева и вредности для него соловецкаго климата, онъ былъ переведенъ въ Суздальскій монастырь. По всему было видно, что духовное начальство скорѣе сожалѣло объ участи Померанцева, нежели гнѣвалось на него.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія на Уралѣ, въ области Гороблагодатскихъ горныхъ заводовъ, образовалось религіозное братство, носившее названіе «Лесное братство». Основателемъ этого братства былъ артиллерійскій капитанъ Николай Созонтовичъ Ильинъ. Ильинъ происходилъ изъ солдатскихъ дѣтей, родился въ 1810 году. Въ 1834 г. онъ произведенъ былъ въ прапорщики, а черезъ 20 лѣтъ, въ 1854 г., въ штабсъ-капитаны и находился на уральскихъ горныхъ заводахъ для пріемки металловъ и снарядовъ. Первыми его послѣдователями были сослуживцы по Горному управленію: Будринъ, Протопоповъ, подпоручикъ Лалетинъ, его жена и жена Будрина. - Александра Николаевна, урожденная Ильина. Въ 1858 г. противъ Ильина и его послѣдователей было возбуждено судебное преслѣдованіе. Дознаніемъ было выяснено, что ученіе Ильина не только не согласно съ догматами православной церкви, но и отрицаетъ всѣ религіи. На основаніи этого Ильина обвинили въ отпаденіи отъ церкви и въ распространеніи ученія, явно несогласнаго съ догматами православной вѣры. Ильинъ былъ по высочайшему повелѣнію заключенъ въ Соловецкій мона-

стырь. Вмѣстѣ съ Ильинымъ пострадали и его единомышленники, чиновники Горнаго управленія. Всѣ они содержались сначала въ пермской тюрьмѣ, а затѣмъ въ Петропавловской крѣпости, пока въ 1859 г. не были разосланы по разнымъ монастырямъ. Ильинъ привезенъ былъ въ Соловецкій монастырь въ 1860 году и заключенъ въ одиночную камеру тюрьмы, въ которой и содержался въ теченіи 15 лѣтъ. Строгость заключенія и одиночество не повліяли на религіозныя убѣжденія Ильина. Это былъ видный представитель раціональнно-критическаго отношенія къ религіи, сумѣвшій даже въ заключеніи оказать воздѣйствіе на нѣкоторыхъ изъ соловецкихъ монаховъ и поколебать ихъ безусловную вѣру въ обрядовую сторону монашества. Одинъ изъ послушниковъ даже ушелъ изъ монастыря на Уралъ искать послѣдователей Ильина и тамъ женился на дочери Лалетина. Изъ всѣхъ заключенныхъ въ теченіе столѣтія Ильинъ имѣлъ самое сильное вліяніе на окружающихъ его въ монастырѣ людей.

Во время заключенія въ Соловкахъ у Ильина начали замѣчаться признаки умственнаго разстройства, а потому онъ, по ходатайству сына, бывшаго лѣсничимъ въ г. Кеми, переведенъ для такого же заключенія въ Суздальскій монастырь въ 1875 г.

Перемѣна мѣста заключенія не отозвалась благотворно на здоровьѣ Ильина; напротивъ, умственное разстройство здѣсь стало проявляться еще рѣзче, а потому въ 1879 г. онъ былъ освобожденъ изъ Суздальской крѣпости и отправленъ въ Курляндскую губ. подъ надзоръ полиціи. Несмотря на перенесенныя страданія, Ильинъ до конца дней своихъ, находясь подъ надзоромъ полиціи, не переставалъ распространять свое ученіе. Живя въ Митавѣ, онъ неустанно писалъ свои «объявленія» и разсылалъ ихъ разнымъ лицамъ. О содержаніи его писаній можетъ дать понятіе слѣдующая выписка: «Объявленіе отъ Бога на весь сей адски-возму-

тившійся сатанинскій міръ! Два равносильныхъ человѣка-бога въ нашей солнечной системѣ: еврей Іегова и сатана. Первый есть Богъ смертныхъ. По прошествіи 6000 лѣтъ Іегова одолѣетъ сатану и закуетъ его въ цѣпи и ввергнетъ въ глубокій провалъ, замуруетъ и запечатаетъ его тамъ, установитъ миръ и свободу (даже ученья военнаго не будетъ 1000 лѣтъ); послѣ этого времени сатана вырвется изъ провала и сочинитъ на 111 лѣтъ опять различныя «истинныя» религіи со страшнѣйшими электрическими въ рай загоняльными пушками и съ пречудотворно-кнутобойно-грѣхоснимательными священниками, ксендзами, пасторами, пророками и со всемірнымъ раббиномъ Ротшильдомъ. А изъ сего слѣдуетъ неопровержимо, что блаженъ тотъ, кто потрудится надъ распространеніемъ сего моего «Объявленія» среди нынѣшняго человѣчества, возмутившагося отъ множества разныхъ адски-сатанинскихъ вѣръ, трансцедентальныхъ философій двуногихъ псовъ, сатанински-геніальныхъ дипломатовъ, идолопоклонно-здохломольныхъ чудотворцевъ и литераторовъ и игроковъ въ пушечное мясо, въ жидовское безчеловѣчіе, въ нѣмецкій деспотизмъ и лютеранское варварство».

За разсылку такихъ «объявленій» 80-ти лѣтній душевнобольной Ильинъ былъ привлеченъ къ судебной отвѣтственности. Рижская Духовная Консисторія дала такой отзывъ о писаніяхъ Ильина: «Ильинъ воображаетъ себя всемірнымъ религіознымъ реформаторомъ, избраннымъ самимъ Богомъ для уничтоженія существующихъ на землѣ вѣроисповѣданій и для распространенія единой истинной вѣры, а съ нею всеобщаго мира и любви между людьми и что такое ученіе можно объяснить однимъ только умопомѣшательствомъ» *).

Несмотря на «умопомѣшательство» Ильинъ въ 1888 г.

*) Русск. Вѣд. 1889 г. № 79.

былъ арестованъ и отправленъ этапнымъ порядкомъ въ Екатеринбургъ, Пермской губ., какъ прикосновенный къ дѣлу о распространеніи «одесскаго братства или сіюпской вѣсти». Екатеринбургскій окружной судъ призналъ Ильина душевно-больнымъ, а потому постановилъ возбужденное противъ него преслѣдованіе прекратить. Затѣмъ Ильинъ снова былъ препровожденъ въ Митаву, гдѣ о немъ производилось особое дѣло въ оберъ-гофгерихтѣ, который также оправдалъ его, въ виду доказаннаго умопомѣшательства.

Послѣ обнародованія манифеста объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, при введеніи уставныхъ грамотъ въ с. Бездѣжѣ, Спасскаго уѣзда, Казанской губ. произошло крестьянское волненіе, для усмиренія котораго было выслано войско, при чемъ было убито 55 чел. и ранено 71 крестьянъ. Такое суровое усмиреніе «бунта на колѣняхъ» сильно взволновало общество. Съ цѣлію выразить осужденіе такой невызываемой необходимостію безчеловѣчности, студенты казанскихъ университета и дух. академіи устроили торжественную панихиду по «убіенныхъ въ с. Бездѣжѣ крестьянамъ, послѣ которой произнесены были рѣчи проф. Щаповымъ и другими. Панихиду эту служилъ студентъ духовной академіи, священникъ Иванъ Яхонтовъ. За такое дѣяніе Яхонтовъ, послѣ долгаго предварительнаго заключенія, по высочайшему повелѣнію, былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь. Та же участь угрожала Щапову, но заступничество вліятельныхъ людей спасло его отъ предстоящей бѣды.

Священникъ Яхонтовъ привезенъ былъ въ Соловецкъ въ 1864 г. Несмотря на то, что во время заключенія Яхонтова Соловецкимъ монастыремъ управлялъ архимандритъ Порфирій, человѣкъ умный, съ академическимъ образованіемъ, добрый, отзывчивый къ чужой бѣдѣ, самъ попавшій изъ ректоровъ семинаріи въ соловецкіе настоятели не по своей волѣ, заключеніе въ монастырѣ такъ подѣйствовало

на Яхонтова, что онъ временно лишился разсудка. — Послѣ двухгодичнаго пребыванія въ монастырѣ архимандритъ Порфирій выхлопоталъ Яхонтову отпускъ въ Петербургъ и Москву, чтобы онъ могъ лично предъ высшимъ духовнымъ начальствомъ оправдаться въ своемъ поступкѣ. Послѣ неудачныхъ хлопотъ въ Петербургѣ и Москвѣ, Яхонтовъ оказывается въ Н.-Новгородѣ, гдѣ въ монашеской одеждѣ, съ приколотыми на груди и спинѣ бумажками съ надписью «покайтеся», ходилъ по улицамъ города. Полиція арестовала его и помѣстила въ домъ умалишенныхъ. Тамъ онъ нѣсколько недѣль не произносилъ ни одного слова, но потомъ разрѣшилъ себѣ проповѣдь покаянія. Послѣ нѣкотораго времени приступъ умопомѣшательства прошелъ, и его снова отправили въ Соловки.

Живя въ Соловецкомъ монастырѣ, Яхонтовъ принялъ монашество подъ именемъ Припарха.

Въ 1867 г. синодомъ былъ сдѣланъ вызовъ духовнымъ лицамъ отправиться въ Восточную Сибирь для миссіонерской дѣятельности. Яхонтовъ, по совѣту архимандрита Порфирія, какъ уроженецъ Сибири, принялъ этотъ вызовъ и въ томъ же году былъ освобожденъ и уѣхалъ миссіонерствовать въ далекую Сибирь.

Въ началѣ 1867 г. привезенъ для заключенія въ соловецкій острогъ извѣстный мистикъ Андріанъ Пушкинъ, который былъ заключенъ въ монастырь за основаніе и распространеніе секты, противной ученію православной церкви.

Андріанъ Пушкинъ *) происходилъ изъ крѣпостныхъ людей гр. Строгонова и долгое время состоялъ повѣреннымъ по его дѣламъ въ одномъ изъ его пермскихъ имѣній. Въ 1853 г. онъ выкупился на волю и записался пермскимъ 2-й гильдіи купцомъ. Числясь купцомъ, онъ, однако, торговли не велъ.

*) Біографичес. свѣдѣнія о Пушкинѣ до его ссылки въ Соловки заимствованы изъ ст. А. С. Пругавина „Монастырскіе узники“ Рус. М. 1881 г. кн. 11-я.

но занимался адвокатской практикой, которая давала ему хорошій заработокъ.

Въ 1858 г. онъ заболѣлъ первымъ разстройствомъ, вслѣдствіе чего у него появились галлюцинаціи и таинственные сны. Такъ, однажды во снѣ ему явился Спаситель въ томъ видѣ, какъ Его изображаютъ на иконахъ, и сказалъ: «Меня не узнали! Съ этого времени онъ получилъ какъ бы вдохновеніе и имъ всецѣло овладѣла мысль объ обновленіи религіи. Ему казалось, что пришествіе Спасителя на землю не принесло людямъ обновленія жизни: ссоры, вражда, эксплуатація сильными слабыхъ, убійства и всевозможныя бѣдствія продолжаютъ царствовать среди людей, а потому, чтобы вселить между людьми миръ, любовь и братство, Мессія снова долженъ явиться на землю. Себя онъ сталъ считать если не Мессіей, то пророкомъ, возвѣщающимъ скорое пришествіе Спасителя. Свою религіозную идею онъ пытался выразить аллегорически, въ видѣ большой картины подъ названіемъ: «Знаменіе царствующей вѣры». Первый экземпляръ этой картины онъ послалъ на храненіе въ Успенскій соборъ, а потомъ картина эта во многихъ экземплярахъ поднесена была разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ. Въ 1861 г. Пушкинъ поѣхалъ изъ Перми въ Петербургъ, чтобы лично представить свою картину, вмѣстѣ съ объяснительной запиской подъ заглавіемъ: «Великая радость», въ св. синодъ. Картину эту возвратили, какъ незаслуживающую одобренія, а рукопись, какъ несогласную съ ученіемъ православной церкви, синодъ удержалъ. Эта неудача не смутила Пушкина. Въ 1863 г. онъ снова ѣдетъ въ Петербургъ хлопотать о тщательномъ разсмотрѣніи его твореній и чрезъ оберъ-прокурора представляетъ въ синодъ новую рукопись подъ заглавіемъ: «Судъ Божій». Не добившись ничего отъ синода. Пушкинъ представляетъ свои творенія (рукопись и картину) чрезъ Пермское Губернское Правленіе на разсмотрѣніе сената. Губернаторъ и графъ Строгоновъ

уговаривали Пушкина бросить это дѣло, но онъ рѣшился во что бы то ни стало добиться, чтобы его писанія были оцѣнены, какъ слѣдуетъ. Считая подобные поступки Пушкина крайне непормальными, пермское начальство помѣстило его въ домъ умалишенныхъ на испытаніе и держало его тамъ нѣсколько мѣсяцевъ. Комиссія врачей, по испытаніи Пушкина въ больницѣ, хотѣла признать его душевнобольнымъ, одержимымъ религіозной (idée fixe), но одинъ изъ врачей, докторъ Коробовъ, не согласился съ этимъ и настоялъ признать Пушкина душевно здоровымъ.

19 ноября 1866 г. Пушкинъ былъ арестованъ на своей квартирѣ и немедленно съ двумя жандармами отправленъ въ заточеніе въ Соловецкій монастырь.

Въ монастырскомъ заточеніи Пушкинъ пробылъ 16 лѣтъ и вышелъ изъ тюремнаго каземата такимъ же стойкимъ въ своемъ ученіи, каковымъ пришелъ туда. Какъ соловей въ клѣткѣ, Пушкинъ услаждалъ себя пѣніемъ, которое въ лѣтнее время собирало около оконъ его тюрьмы толпы богомольцевъ. Для предупрежденія такихъ сборищъ, на лѣтніе мѣсяцы его переводили изъ 3-го этажа тюрьмы, который видѣлся изъ-за стѣнъ крѣпости, въ средній и помѣщали въ камеру, которая выходила окнами на тюремный дворъ.

Въ 1882 г. Пушкинъ былъ, вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія, освобожденъ изъ заключенія и переведенъ подъ надзоръ полиціи въ г. Архангельскъ. Вскорѣ по прибытіи въ Архангельскъ, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ поселились его жена и дѣти, онъ сталъ страшно нервнымъ и мнительнымъ, періоды сравнительнаго спокойствія смѣнялись приступами сильнаго возбужденія. Все это заставило жену Пушкина помѣстить своего мужа въ мѣстную больницу. Архангельская больница приказа общ. призрѣнія, безъ спеціальнаго врача психіатра, гдѣ все лѣченіе душевно-больныхъ ограничивалось выдачей имъ для куренія махорки, кромѣ ненужныхъ мученій, ничего не дала несчастному страдальцу. Видя это,

г-жа Пушкина вскорѣ взяла своего мужа изъ больницы, благодаря чему онъ умеръ не на больничной койкѣ, а на рукахъ любящей жены.

Мнѣ пришлось видѣть Пушкина послѣ освобожденія его изъ монастыря, когда онъ находился въ Архангельской больницѣ, незадолго до его смерти. Высокаго роста, статный, съ умнымъ лицомъ, длинной сѣдой бородой, онъ невольно приковывалъ къ себѣ вниманіе каждаго. Находясь въ больницѣ, онъ то по цѣлымъ суткамъ, скрестивъ руки на груди, молчаливо ходилъ изъ угла въ уголъ, то садился на койку какого-нибудь больного и разъяснялъ свои рисунки. Чертилъ онъ на бумагѣ кругъ и въ немъ отмѣчалъ какую-либо точку и объяснялъ, какъ изъ этой точки произошелъ весь міръ. Временно на него находили приступы возбужденія, тогда онъ кричалъ, метался, спасаясь отъ воображаемаго преслѣдованія, говоря: «всѣ убиты, самъ архимандритъ съ кирою убитъ, одинъ Пушкинъ остался живъ». Несмотря на то, что жена и сынъ-гимназистъ посѣщали его каждый день, онъ вообразилъ, что они убиты и что въ больницѣ заставляютъ его ѣсть ихъ мясо въ формѣ котлетъ, а потому отказывался ѣсть не только мясо, но и другую пищу, такъ что приходилось насильно кормить его.

Въ іюнѣ 1879 г. привезенъ былъ въ Соловецкій монастырь крестьянинъ Тверской губ. Старицк. уѣзда Яковъ Степановъ Потаповъ. Живя въ Петербургѣ въ качествѣ рабочаго, Потаповъ, тогда 18 лѣтній юноша, принялъ участіе (былъ поднятъ на руки и развернулъ красный флагъ) въ политической демонстраціи, бывшей на Казанской площади 6 декабря 1876 г. По приговору особаго присутствія сената 18 25 января 1877 г., за такое преступленіе, въ виду его несовершеннолѣтія и неразвитости, взамѣнъ каторжныхъ работъ, къ каковымъ были приговорены другіе участники этой демонстраціи, Потаповъ былъ приговоренъ къ заключенію, для исправленія и духовнаго назиданія, въ мона-

стырь, срокомъ на 5 лѣтъ. Сначала онъ былъ помѣщенъ въ Бѣлавинскую Спасопреображенскую пустынь Вологодской губерніи. Но тамъ онъ не ужился. Вологодскій епископъ донесъ оберъ-прокурору синода, что Потаповъ дѣлаетъ самовольныя отлучки изъ монастыря, посылаетъ и получаетъ неизвѣстно откуда письма, грозится вовсе уйти изъ монастыря, нанести побои монастырскому настоятелю и старается поселить раздоры и ссоры между монашествующими. Въ виду этого, согласно съ заявленіемъ начальника III-го отдѣленія признано цѣлесообразнымъ помѣстить Потапова въ Соловецкій монастырь и подчинить его тамъ строжайшему надзору, чтобы онъ не могъ укрыться изъ мѣста заключенія.

Несмотря на то, что Потаповъ былъ присланъ въ монастырь для помѣщенія, т.-е подъ надзоръ, его немедленно подвергли одиночному тюремному заключенію.

Въ 1880 году Потапову удалось совершить побѣгъ изъ тюрьмы. Это было въ праздничный день, когда, по случаю крестнаго хода, производился звонъ во всѣ монастырскіе колокола. Сообразивъ, что во время сильнаго звона не будетъ слышно стука, Потаповъ съ помощію бывшей въ каморѣ тубаретки разогнулъ рѣшетки у окна своей кельи и чрезъ образовавшееся отверстіе вылѣзъ изъ окна 3 го этажа, спрыгнулъ на крѣпостную стѣну, а потомъ спустился на землю за монастырскую ограду. Дѣло было лѣтомъ, въ монастырѣ находилось много народу и, при умѣньѣ, можно было бы скрыться. Но вмѣсто этого Потаповъ, какъ бѣжалъ, въ одномъ бѣльѣ, пошелъ въ толпу богомольцевъ и объявилъ имъ, кто онъ, прося ихъ защитить его. Наивная вѣра въ помощь народа не оправдалась, его сейчасъ же схватили и передали въ руки конвойныхъ солдатъ, которые наградили бѣглеца за бѣгство ружейными прикладами. Послѣ этого казуса Потаповъ былъ заключенъ въ средній этажъ тюрьмы, и къ нему примѣненъ былъ самый строгій режимъ.

19 марта 1881 г. въ Соборной церкви монастыря совер-

палась заупокойная литургія по императорѣ Александрѣ II. По окончаніи богослуженія, когда архимандритъ Мелетій, окруженный монахами и богомольцами, направился къ выходу изъ церкви, къ нему быстро подошелъ находившійся въ церкви Потаповъ, сказавъ: «теперь свобода», замахнулся и ударилъ архимандрита въ правый високъ, хотѣлъ ударить еще, но тотчасъ былъ схваченъ сопровождавшими его солдатами. Спрошенный при слѣдствіи *) въ качествѣ обвиняемаго, Потаповъ, не отрицая факта нанесенія имъ удара настоятелю монастыря, архимандриту Мелетію, о поступкѣ этомъ и причинахъ, вызвавшихъ его къ тому, далъ такое объясненіе:

Во все продолженіе ссылки его въ Соловецкомъ монастырѣ онъ, Потаповъ, не пользовался рѣшительно никакою свободою, а содержался постоянно подъ замкомъ въ одиночномъ заключеніи; неоднократныя просьбы его о разрѣшеніи прогулокъ или посѣщенія церкви оставались безъ удовлетворенія. Такое положеніе привело его въ раздраженіе, и онъ задумалъ еще разъ просить архимандрита о разрѣшеніи прогулокъ, а въ случаѣ отказа дать ему пощечину. Случай къ этому представился 19 марта, когда ему позволено было посѣтить церковь. По окончаніи богослуженія, когда архимандритъ направлялся на трапезу, Потаповъ подошелъ къ нему подъ благословеніе и сталъ просить о смягченіи своей участи, но архимандритъ не обратилъ вниманія на просьбу и приказалъ солдату взять его. Получивъ такой отвѣтъ на свою просьбу, Потаповъ ударилъ архимандрита по головѣ, говоря: «теперь я свободенъ, доволенъ, держите, сколько угодно», при чемъ Потаповъ прибавилъ, что если бы его не задержали солдаты, то ударилъ бы архимандрита еще нѣсколько разъ.

Архангельская Палата Уголови. и Гражд. Суда разо-

*) Дѣло Палаты Арх. Угол. и Гр. Суда № 12356.

бравъ это дѣло въ засѣданіи 4 сентября 1881 года, приговорила Потапова, по лишенію всѣхъ правъ состоянія, къ ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири. Въ 1882 г. Потаповъ былъ отправленъ въ Якутскую область.

Одновременно съ Потаповымъ, по приговору того же присутствія сената, былъ присланъ другой участникъ демонстраціи, бывшей на Казанской площади въ 1876 г., крестьянинъ Ярославской губерніи Матвѣй Григорьевъ. По отзывамъ монаховъ, это былъ очень скромный, деликатный юноша, терпѣливо переносившій свое одиночное заключеніе. Въ 1882 году Григорьевъ былъ освобожденъ и отправленъ на родину подъ надзоръ полиціи.

Нельзя не замѣтить, что какъ Потаповъ, такъ и Григорьевъ, по приговору особаго присутствія сената, какъ несовершеннолѣтніе, осуждены были къ помѣщенію въ монастыри для исправленія и духовнаго назиданія. На основаніи этого приговора Потаповъ сначала жилъ въ Бѣлавинской пустыни свободно, наравнѣ съ послушниками. Въ Соловецкомъ же монастырѣ смыслъ первоначальнаго судебнаго приговора истолковали иначе и подвергли ихъ одиночному тюремному заключенію, что далеко превышало мѣру наказанія, опредѣленную сенатомъ.

Въ половинѣ семидесятыхъ годовъ выслалъ въ Соловки, для житья, магистръ Кіевской духовной академіи, іеромонахъ Серафимъ. До высылки въ Соловки Серафимъ служилъ по духовно-учебной части, былъ, кажется, инспекторомъ семинаріи. О причинахъ своей высылки о. Серафимъ не любилъ говорить; какъ я слышалъ отъ соловецкихъ монаховъ, онъ попалъ въ Соловки за нанесеніе оскорбленія дѣйствіемъ одной духовной особѣ. Въ Соловецкомъ монастырѣ о. Серафимъ, по своему развитію, стоялъ неизмѣримо выше другихъ монашествующихъ. Это былъ очень представительный монахъ, умный, краснорѣчивый, любившій поговорить. Какъ монахъ, онъ отлично понималъ не одинъ

только казовый конецъ монашеской жизни, а потому относился къ ней строго-критически. Живя въ Соловкахъ, онъ оттуда писалъ корреспонденціи, конечно, обходя монастырскую цензуру, въ столичныя газеты, преимущественно въ «Церковно-общественный вѣстникъ» Поповицкаго. Корреспонденціи эти, рисующія неприглядныя стороны мѣстной жизни, особенно въ сферѣ эксплуатаціи монастыремъ труда богомольцевъ, понятно, не могли нравиться монастырскому начальству, привыкшему слушать только похвалы себѣ за образцовое монастырское хозяйство. Поэтому принимались всевозможныя мѣры къ тому, чтобы соръ изъ избы не выносился. Не только мѣстнымъ монахамъ, но и богомольцамъ и пріѣзжимъ поморамъ строго на-строго запрещено было разговаривать съ опальнымъ іеромонахомъ или переправлять его корреспонденцію. Но такъ какъ о. Серафимъ не былъ въ заключеніи въ тюрьмѣ, то трудно было прекратить всякія сношенія его съ другими людьми, особенно въ лѣтнее время, когда пріѣзжаютъ тысячи богомольцевъ со всей Россіи, а потому ему удавалось и разговоры вести и корреспонденціи пересылать. Въ разговорахъ своихъ съ богомольцами о. Серафимъ не жалѣлъ черныхъ красокъ при описаніи внутренней жизни монаховъ и ихъ отношенія къ міру.

Чтобы прекратить, якобы, вредное вліяніе о. Серафима на религіозную довѣрчивость богомольцевъ, архимандритъ Мелетій возбудилъ предъ синодальной конторой ходатайство о примѣненіи къ нему болѣе строгихъ мѣръ содержанія. Въ отвѣтъ на это синодальная контора предписала имѣть надъ Серафимомъ самое строгое наблюденіе и взять съ него расписку въ томъ, что онъ не будетъ вести разговоровъ съ богомольцами. Это распоряженіе было истолковано въ томъ смыслѣ, что Серафима можно запереть подъ замокъ и тѣмъ пресѣчь способы, какъ къ писанію корреспонденцій, такъ и къ разговорамъ съ богомольцами. Для этой цѣли въ нижнемъ этажѣ архимандритскаго корпуса приготовили

совершенно изолированную небольшую келью съ прилегающими къ ней маленькими сѣнями, куда и рѣшили заключить о. Серафима. Когда ему монастырскій соборъ объявилъ такое рѣшеніе, то о. Серафимъ отказался добровольно итти въ заключеніе, считая такое распоряженіе настоятеля вопіющей несправедливостію, произволомъ и явнымъ безаконіемъ.

Тогда приглашены были, заготовленные ранѣе четыре дюжихъ богомольца хлѣбопека, которые по приказанію архимандрита Мелетія начали смирять непокорнаго іеромонаха по монастырскому обычаю: бросились на о. Серафима, смяли его на полъ, нанося побои, связали ему руки и силой сволокли въ кутузку, заперли его тамъ на два замка, ключъ отъ одной двери, ведущей въ келью, хранился у настоятеля, а ключъ отъ двери изъ коридора въ сѣни находился у сторожа. Пищу подавали чрезъ маленькое окошечко во внутренней двери. Такъ продержали его въ этомъ казематѣ шесть зимнихъ мѣсяцевъ безъ огня, не выпуская его ни на шагъ изъ кельи, никого къ нему не пропуская, не давали ни бумаги, ни пера, ни книги. Не знаю, какъ только перенесъ такое заключеніе злосчастный человѣкъ, какъ онъ не ослѣпъ, пробывъ въ темной кельѣ долгую полярную зиму! Въ концѣ мая, 1884 г., по распоряженію синода, онъ былъ переведенъ для житья въ Архангельскій монастырь.

На второй день заключенія о. Серафима я имѣлъ съ нимъ свиданіе, при чемъ двери кельи не были открыты и намъ пришлось переговорить чрезъ маленькое отверстіе въ ней. О. Серафимъ разсказалъ мнѣ безобразную сцену его заключенія, показавъ свою опухшую отъ побоевъ шею (другихъ частей тѣла чрезъ окошечко нельзя было видѣть) и въ заключеніе сказалъ: «Если я не выпесу этого заключенія и умру здѣсь, то передайте міру все то, что со мной продѣлали. Пусть знаютъ, что инквизиторы еще не перевелись. Соловецкій настоятель ставитъ себя выше закона и

для произвола его нѣтъ границъ». Болѣе мнѣ видѣться съ нимъ не позволили.

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Архангельскій монастырь о. Серафимъ подалъ прошеніе о снятіи съ него монашескаго сана. Послѣ формальнаго производства увѣщаній, въ томъ же году Серафима освободили и отъ узъ монашества и отъ монастырскаго заключенія, такъ какъ онъ посланъ былъ въ монастырь только потому, что онъ былъ монахъ.

Послѣ освобожденія отъ монашества, какъ я слышалъ, о. Серафимъ уѣхалъ въ Сербію, гдѣ получилъ мѣсто преподавателя духовной семинаріи.

Послѣдними заключенными въ Соловецкомъ острогѣ были аккерманскій мѣщанинъ Давыдовъ и крестьянинъ Новгородской губерніи Петръ Леонтьевъ. Первый заключенъ былъ въ Соловецкій монастырь за скопчество. На самомъ дѣлѣ, Давыдовъ—искренно православный человѣкъ, богомольный, постоянно посѣщающій всѣ богослуженія и исполняющій всѣ церковные обряды. Обвиненіе его въ скопчествѣ началось съ того, что въ его домѣ останавливались скопцы и иногда совершали тамъ свои молепія. Самъ же Давыдовъ не только не былъ скопцомъ, но и не признавалъ скопчества.

Сначала Давыдовъ судился окружнымъ судомъ, который приговорилъ его къ ссылкѣ въ Сибирь, и онъ былъ сосланъ въ Якутскую область.

Вслѣдствіе ходатайства жены его, дѣло о Давыдовѣ было пересмотрѣно, и вторично судъ вынесъ ему оправдательный приговоръ. Но тутъ вмѣшалась духовная власть и добилась того, что Давыдовъ, вмѣсто освобожденія изъ ссылки и возвращенія къ своей семьѣ, былъ заключенъ въ Соловецкій острогъ.

Петръ Леонтьевъ подвергся заключенію за распространеніе ереси хлыстовскаго характера и за нанесеніе оскорбленія архіерею. Въ 1883 г. они были выпущены изъ острога, —и страшная Соловецкая тюрьма въ первый разъ въ то-

ченіе трехъ столѣтій оказалась необитаемою, хотя военная караульная команда продолжала еще оберегать пустые тюремные казематы. Въ 1885 г., послѣ посѣщенія Соловокъ В. К. Владиміромъ Александровичемъ, по его распоряженію военный караулъ соловецкаго острога былъ снятъ, и съ этихъ поръ соловецкая тюрьма потеряла свое прежнее значеніе.

Выпущенные въ 1883 г. изъ тюрьмы Леонтьевъ и Давыдовъ до самаго послѣдняго времени находились въ монастырѣ въ качествѣ ссылочныхъ людей. Давыдовъ былъ освобожденъ въ прошломъ году, П. Леонтьевъ получилъ свободу только въ 1905 г., послѣ изданія закона о вѣротерпимости. Необходимо замѣтить, что послѣ освобожденія въ 1883 г. изъ тюрьмы. Давыдовъ и Леонтьевъ, за произнесеніе дерзкихъ словъ противъ начальства, въ 1887 г. снова были заключены въ острогъ на смиреніе, гдѣ продержали ихъ около года. Въ это же время по распоряженію мѣстнаго начальства, т.-е. архимандрита, былъ запертъ въ тюрьму сумасшедшій монахъ Тихонъ, который вообразилъ себя наслѣдникомъ св. Тихона Задонскаго, благословлялъ народъ по-архіерейски, двумя руками. Во избѣжаніе соблазна, не нашли ничего лучшаго, какъ запереть больного въ тюрьму.

Въ 1902 г. посѣтилъ Соловецкій монастырь военный министръ А. Н. Куропаткинъ и по прибытіи въ Петербургъ сдѣлалъ представленіе объ окончательномъ упраздненіи соловецкой тюрьмы. Въ слѣдующемъ 1903 г. состоялась передача всѣхъ тюремныхъ зданій, построенныхъ на счетъ казны въ вѣдѣніе и распоряженіе монастыря.

Въ настоящее время (сентября 1905 г.) надъ острогомъ высится пятиглавый церковный куполъ, спѣшно дѣлается иконостасъ для новой церкви, тюремные казематы приспособляются для больничнаго помѣщенія. Въ тюремный флигель, гдѣ жилъ конвойный офицеръ и команда, теперь по-

мѣщена аптека и квартиры врача и фельдшера. Съ Соловецкой тюрьмой теперь покончено безповоротно, и заключеніе въ Соловки представляется уже недавней, страшной исторіей. Переставъ быть мѣстомъ заключенія, Соловецкій монастырь еще до сихъ поръ не пересталъ быть мѣстомъ ссылки преимущественно для монаховъ, ужъ слишкомъ рѣзко нарушающихъ обѣтъ монашества.

Списокъ дѣлъ, касающихся арестантовъ, хранящихся въ соловецкомъ архивѣ и ризницѣ:

№ 295. Грамота Макарія митрополита, излагающаго вину и осужденіе игумена Артемія 1554 г.

Грамота Филарета патріарха о ссылкѣ:

№ 2. Ѳедора Семенскаго 1623 г.

№ 3. Дьякона Ефрема 1627 г.

№ 4. Старца Пахома Нащокина 1627 г.

№ 6. Дьячка Васьки Маркова 1628 г.

Грамоты духовныхъ особъ: №№ 133, 135, 139, 147, 150, 216, 217, 226, 231, 235, 244, 247, 278, 286, 294, 301.

№ 1. Указы и распоряженія Петра I.

№ 159. Дѣла арестантскія VIII ст., больш. связка.

№ 161. Дѣла, по секрету производимыя.

№ 163. Дѣла провинціалъ-инквизиторовъ разныхъ годовъ.

№ 750. О крестьянинѣ Низовѣ за оскорбленіе святыни, 1825 г. началось.

№ 947. О наставникахъ московск. старообр. кладб. Гусинѣ и Федотовѣ 1823 года.

№ 948—9. О бродягахъ Егорѣ Ивановѣ и Иванѣ, не признающихъ власти и религіи 1830—1835 гг.

№ 950. О дворовомъ человѣкѣ Подшиваловѣ за подбрасываніе писемъ 1830 года.

№ 691. О московск. купцѣ П. Курьяковѣ—за убійство сестры своей 1827 года.

№ 693. О рядовыхъ Никитинѣ и Дементьевѣ—за расколъ 1830 г.

№ 694. О рядов. Потайпиковѣ—за заблужденія въ понятіяхъ св. Писанія.

№ 745. О рядов. Евсѣевѣ, Яковлевѣ, Лобановѣ и Дружининѣ—скопцахъ 1835 года.

№ 747. О старообр. Львѣ Павловѣ 1835 г.

№ 749. О побѣгѣ изъ монастыря монаха Ософила, оказавшагося оскопленнымъ.

№ 751. О крест. Безтолченовѣ—за кровосмѣшеніе.

№ 796. О Шумскомъ.

№ 799. Объ отставн. солдатѣ Ив. Кузнецовѣ—за распростран. раскола 1820 года.

№ 800. О свящ. Семеновѣ — за произнесеніе дерзкихъ словъ 1838 г.

№ 1,139. Объ учителѣ Воскресенскомъ — за богохульныя слова 1825 г.

№ 1,308. О поручикѣ Горожанскомъ — за дерзкій поступокъ 1831 г.

№ 1,309. Объ іеромонахѣ Іеронимѣ — за доносы и сварливый характеръ 1834 г.

№ 1,310. О пахотн. солдатахъ Герасимовѣ, Павловѣ, Ефимовѣ — за старообрядчество 1831 г.

№ 1,311. О лишен. священства Спиридонѣ Ивановѣ — за нарушеніе спокойствія церкви и совращеніе другихъ въ расколъ.

№ 1,171. О полковникѣ Ганнибалѣ — за буйство и дерзостп 1827 г.

№ 1,173. Объ іеромонахѣ Иларіи (Вас. Волковѣ) — за расколъ 1836 г.

№ 994. О свящ. Лавровскомъ, обвиняемомъ въ подбрасываніи возмутительныхъ листковъ по Владимірской губ. 1831 г.

№ 1,261. О воен. посел. Хоменко — за объявленіе нелѣпостей 1834 г.

№ 1,679. Объ есаулѣ войска донского Евлами. Котельниковѣ — за отступленіе отъ православной церкви.

№ 2,200. О свящ. Померанцевѣ за неправильное толкованіе манифеста 1861 года.

№ 2,202. Объ игуменѣ Израилѣ — за измѣненіе чина свцеркви и распространеніе еретической своей вѣры въ Сибири 1833 г.

№ 1,967. О вахтерѣ Бураковѣ — за отпаденіе отъ христіанства 1853 г.

№ 2,945. О заключеніи въ Соловецк. монастырь студента духовной академіи Яхонтова съ постриженіемъ въ монашество подъ именемъ Ириарха 1864 — 7 гг.

№ 3,115. О крест. Макс. Рудометкинѣ — за открытіе своей секты 1859 — 71 гг.

№ 3,116. О московск. мѣщ. Дм. Кринингѣ — за расколъ.

№ 3,241. О штабсъ-капит. Созоновичѣ — за скопчество.

№ 3,273. О крест. Иванѣ Скутинѣ — за порицаніе вѣры, иконъ и произнесеніе оскорбительныхъ словъ насчетъ особы его величества 1860 — 66 гг.

№ 3,276. О крест. Ег. Воронинѣ за расколъ 1861—66 гг.

№ 3,481. О крест. Антонѣ Дмитріевѣ — за оскопленіе себя 1878—1880 гг.

№ 4,516. О пермскомъ мѣщ. Адріанѣ Пушкинѣ за распространеніе особой религіозной секты 1866—82 гг.

№ 4,517. О крест. Тверск. губ. Яковѣ Потановѣ — за участіе въ демонстраціи 6 декабря 1876 г., 1879—82 гг.

№ 4,518. О крест. Ярославск. губ. Матв. Григорьевѣ — по приговору особаго присутствія сената 18 25 января 1877 г. за государств. преступленіе 1879 82 гг.

№ 4,522. О капитанѣ Ильинѣ — за основаніе на Уралѣ религіозной секты 1859 — 83 гг.

№ 4,519. Отношеніе тов. оберъ-прокур. св. синода объ усиленіи надзора надъ арестантами.

Вѣдомость объ арестантахъ, содержащихся въ соловецкой тюрьмѣ, поданная командированному изъ С.-Петербурга по высочайшему повелѣнію подполковнику корпуса жандармовъ Озерецковскому въ 1835 году.

1) Семенъ Шубинъ, крестьянинъ Вятск. губ., Орловск. уѣзда, содержится съ 1812 г. По рѣшенію прав. сената и высочайшей конфирмаціи за старообрядчество и богохульныя слова на св. дары и церковь. Къ обращенію въ православіе по непреклонности его къ сему нѣтъ надежды впредь.

2) Антонъ Дмитріевъ, крестьянинъ гр. Головкина, съ 1818 г. По высоч. повелѣнію заключенъ навсегда за оскопленіе себя и своего господина графа Головкина и за распространеніе сей зловредной секты. Къ раскаянію въ своей ереси непреклоненъ; живетъ скромно.

3) Иванъ Кузнецовъ, отставной солдатъ, съ 1820 г. По высоч. повелѣнію за совращеніе въ расколъ военныхъ нижнихъ чиновъ. Къ раскаянію непреклоненъ; живетъ смирно.

4 Семенъ Кононовъ, спб. мѣщанинъ, съ 1822 г. По высоч. повелѣнію за обращеніе въ скопческую секту. Къ раскаянію непреклоненъ; подозрителенъ во многомъ злоумысліи. Поведенія очень грубаго.

5) Иванъ Ивановъ, 6) Клементій Григорьевъ и 7) Иванъ Низовцевъ, бывшіе рядовые 34 егерскаго полка, съ 1823 г.

По высоч. повелѣнію за скопческую секту. Къ раскаянію непреклонны; живутъ смирно.

8) Гнусинъ и 9) Федотовъ, наставники московск. преображ. кладбища, съ 1823 г. По высоч. повелѣнію за распространеніе раскольничества; къ удержанію отъ сего предписано содержать ихъ подъ строгимъ карауломъ. Къ раскаянію не мало непреклонны; живутъ смирно.

10) Вароол. Павловъ, Калужской губ. экоп. крестьянинъ, съ 1823 г. По высоч. повелѣнію за оскопленіе себя. Къ раскаянію непреклоненъ и еще болѣе старается укоренить себя въ ереси.

11) Степанъ Евсѣевъ, 12) Алек. Яковлевъ и 13) Игн. Дружининъ, рядовые 34 егерскаго полка, съ 1823 г. По конфирмаціи главнокоманд. 2-й арміи по высоч. повел. за скопческую ересь. Къ раскаянію непреклонны, изъ коихъ Дружининъ пришелъ было къ раскаянію, но опять остался въ той ереси; живутъ смирно.

14) Василій Воскресенскій, бывшій учитель новоржевскаго приходскаго училища, съ 1825 г. По высоч. повел. на всю жизнь за дерзкія и богохульныя слова. Раскаялся и присоединенъ къ православію; живетъ смирно.

15) Василій Кудимовъ, изъ бродягъ, съ 1825 г. По высоч. повелѣнію за отступленіе отъ православной вѣры и надругательство надъ иконами, который вовсе лишился зрѣнія. Раскаялся и присоединился къ православію; живетъ смирно.

16) Иванъ Низовъ, крест. Нижег. губ., Княгин. уѣзда, съ 1825 г. По высоч. повел. за отступленіе въ расколъ и совращеніе въ оный другихъ. Раскаялся и присоединенъ къ православію, но по предписанію синода остается еще впредь до усмотрѣнія; живетъ смирно.

17) Иванъ Кузнецовъ, изъ Финляндіи крестьянинъ, съ 1825 г. По высоч. повелѣнію за раскольническую ересь. Къ раскаянію не преклоненъ; живетъ смирно.

18) Евлампій Котельниковъ, есаулъ донского войска, съ 1826 г. По высочайш. повелѣнію за распространеніе вредныхъ толковъ о вѣрѣ и богопротивныя дѣянія. Былъ раскаявшись, но ложно, въ надеждѣ на освобожденіе, ибо опять остался въ своей ереси, и надежды къ обращенію нѣтъ. Нрава самаго сварливаго, притворнаго, клеветливаго и лживаго.

19) Егоръ Аоанасьевъ, Саратовск., губ., Актор. уѣзда, съ 1826 г. По высоч. повел. за убійство малолѣтняго своего

сына и отступленіе отъ православія въ расколъ. Непреклоненъ къ раскаянію; живетъ смирно.

20) Николай Поповъ и 21) Мих. Критскій, бывшіе студенты московск. университета, съ 1828 г. По высоч. повел. по изобличеніи ихъ въ соучастіи въ злоумышленномъ обществѣ. Критскій во все время живетъ смирно, а Поповъ иногда оказываетъ грубости, во правѣ вздоренъ.

22) Алексѣй Степановъ, бывшій священникъ, лишенный навсегда сего сана, съ 1828 г. По опредѣленію синода на труды монастырскіе за законопротивные поступки, нетрезвость, буйство и побѣгъ къ раскольникамъ со вступленіемъ въ ихъ секту. Раскаялся и присоединенъ къ православію; жизнь проводитъ постоянную.

23) Петръ Потаповъ, мастеровой модиковскаго чугуннаго завода, съ 1828 г. На вѣчное содержаніе за убійство въ припадкѣ сумасшествія отца своего Потапа Ѳ. и жены его Парасковьи. Находится въ высшей степени сумасшествія, о коемъ представлено въ св. синодъ объ отсылкѣ куда слѣдуетъ для лѣченія.

24) Иванъ Понасенко, малолѣтній казачій сынъ, съ 1829 г. По опредѣленію сената на 15-лѣтній срокъ въ работы за убійство 8 мѣсячной дѣвочки. Имѣетъ нынѣ отъ роду 16 лѣтъ. Живетъ смирно; за раскаяніе, по опредѣленію синода, допускается къ причастію св. таинъ.

25) Чиновникъ 8 класса Крестинскій, съ 1830 г. По высоч. повелѣн. за совращеніе себя, жены своей и дѣтей въ раскольническую ересь безпоповщины. Остается понынѣ въ нераскаяніи и духовное начальство злословитъ, не пріемля увѣщаній.

26) Степанъ Сергѣевъ, крестьянинъ помѣщика Дурново, съ 1830 г. По высоч. повел. за крещеніе себя двухперстнымъ служеніемъ по-раскольнически, разсказы нелѣпостей отъ религіознаго изступленія. Живетъ смирно, но двуперстнаго сложенія креста не хочетъ никогда оставить.

27) Егоръ Ивановъ, изъ бродягъ, съ 1830 г. По высоч. повелѣнію для употребленія въ работы за сокрытіе своего званія и непризнаваніе никакихъ властей. Называетъ себя Христовымъ только странникомъ. Углубленъ въ раскольничество и понынѣ не открываетъ, кто онъ такой. Работать по старости не можетъ.

28) Оедоръ Рабочій, военный поселянинъ псковскаго округа, съ 1830 г. По высоч. повел. для покаянія на всю жизнь за убійство имъ въ скрытномъ сумасшествіи 3-хъ своихъ дочерей и роднаго брата, покушеніе произвести многія убійства. Находится нынѣ въ сильномъ сумасшествіи и даже помоть свой употребляетъ съ пищею. Представлено о немъ св. синоду для отсылки куда слѣдуетъ.

29) Ѳедоръ Подшиваловъ, дворовый человѣкъ кн. Лобанова-Ростовскаго, съ 1830 г. По высоч. повел. за мнѣніе его о религіи и гражданскомъ устройствѣ, обнаруживающія превратность идей его о сихъ предметахъ и нѣкоторое въ умѣ разстройство. Былъ раскаявшись, но послѣ по помѣшательству разсудка началъ толковать сумасбродные свои сны, которое приходитъ къ нему по временамъ полагать надо. Живетъ смирно.

30) Горожанскій, поруч. 7 оренб. лин. батал. съ 1831 г. По высочайш. повел. за дерзкій поступокъ и произнесеніе неприличныхъ словъ насчетъ особы его величества. Будучи здѣсь, закололъ до смерти въ скрытномъ своемъ сумасшествіи часового солдата. Представлено о немъ св. синоду для отсылки куда слѣдуетъ для лѣченія.

31) Василій Герасимовъ, 32) Арх. Павловъ и 33) Зах. Ефимовъ, старообрядцы, не служащіе инвалиды округовъ военнаго поселенія, съ 1831 г. По высоч. повел. присланы навсегда за распространеніе раскола и покушеніе къ побѣгу изъ старорусскаго Спасо-Преображенскаго монастыря. Непреклонны къ раскаянію; живутъ смирно.

34) Яковъ Кирилловъ, кантонистъ, съ 1832 г. По конфирмаціи управленія главн. штабомъ по военному поселенію присланъ на 15-лѣтній срокъ въ работу за нападеніе въ полѣ съ топоромъ на инвалида Васильева съ намѣреніемъ убить его и ограбить. Ведетъ жизнь изрядно.

35) Свящ. Лавровскій, владимірской епархіи г. Мурома, съ 1832 г. По высоч. повел. для исправленія и покаянія по подозрѣнію на него въ подкидываніи по разнымъ мѣстамъ Владимірской губ. возмутительныхъ листковъ. По увѣщаніямъ не признается ни въ чемъ и не знаетъ, яко бы, за что сюда посланъ.

36) Михайло Курочкинъ, послушникъ Коневскаго монастыря, съ 1833 г. По высоч. повел. за отлучку изъ Конева въ С.-Петербургъ въ помѣшательствѣ разсудка съ письмен-

ными нелѣпыми предсказаніями. Помѣшанъ на лжепророчествѣ, но предсказанія его не сбываются; живетъ смирно.

37) Ѳедоръ Шершневъ, пахотный солдатъ, съ 1833 г. По высоч. повел. за вторичное обращеніе изъ православія въ расколъ. Раскаялся и присоединенъ къ православію, но по предписанію синода остается еще впредь до усмотрѣнія.

38) Иванъ Смирновъ, рядовой, бывш. въ Валаамскомъ монастырѣ служителемъ, съ 1833 г. По высоч. повел. за побѣгъ изъ Валаамскаго монастыря, коего предписано держать подъ строгимъ надзоромъ. Содержится съ арестантами на общемъ положеніи.

39) Спечинскій, отставной корнетъ, съ 1833 г. По высоч. повелѣн. за развратное поведеніе, пьянство и буйство, по жалобѣ о семъ отца его, пока утвердится въ доброй нравственности и особенно въ правилахъ нашей религіи. Жизнь попышѣ ведетъ смирную.

40) Ѳедоръ Хоменко, военный поселянинъ, съ 1834 г. По высоч. повел. присланный по секрету для содержанія подъ присмотромъ, а за что именно — не сказано. Живетъ смирно.

41, 42, 43) Кузьма и Филиппъ Макѣевы и Тарасъ Семеновъ, пахотные солдаты, съ 1834 г. По высоч. повел. за несогласіе ихъ крестить дѣтей своихъ по обряду православной церкви. Живутъ смирно, но ереси своей не оставляютъ.

44) Иванъ Безтолченовъ, крест. Тамбовск. губ., съ 1834 г. По опредѣленію синода за кровосмѣшеніе со снохой своей присланъ для выполненія епитиміи на $7\frac{1}{2}$ лѣтъ, который посему и употребляется въ труды монастырскіе безъ заключенія въ острогъ.

45) Израиль, бывшій игуменъ Селенгинскаго монастыря, Иркутск. губ., съ 1834 г. Заключенъ здѣсь навсегда по высоч. повел. за введеніе имъ новой секты съ ученіемъ, противнымъ ученію св. церкви и проч.

46) Діом. Григорьевъ и 47) не помнящій родства Василій, бѣглые крест. кн. Вяземскаго, съ 1835 г. Присланы во исполненіе положенія о нихъ комитета гг. министровъ.

48) Левъ Павловъ, съ 1835 г. Присланъ по секретному отношенію арх. губ. правленія изъ костромской градск. полиціи за старообрядчество.

49) Неизвѣстный бродяга, называющій себя Ивановымъ,

ожидается еще присылкою. По положенію комитета гг. министровъ за непризнаваніе св. угодниковъ, государя императора и начальственной власти.

50) Инвалидъ Мелетій Мининъ, ожидается еще присылкою. По высоч. повел. за совращеніе военныхъ поселянъ изъ православія въ расколъ.

Его превосходительству и. д. оберъ-прокурора св. синода г-ну тайному совѣтнику и кавалеру Александру Ивановичу Карасевскому. Настоятеля Соловецкаго монастыря архимандрита Александра

Донесеніе.

Во исполненіе секретнаго предписанія вашего п—ва, отъ 21-го іюня сего года за № 3285 послѣдовавшаго ко мнѣ, имѣю честь почтительнѣйше представить вашему п—ву вѣдомость о лицахъ, заключенныхъ въ Соловецкомъ монастырѣ, съ подробнымъ о каждомъ изъ нихъ описаніемъ, и мнѣніемъ моимъ, помѣщеннымъ въ послѣдней графѣ.

Долгъ имѣю почтительнѣйше доложить вашему п—ву, что я не упускаю сколь можно чаще посѣщать ихъ для увѣщанія къ обращенію на путь истины отъ заблужденія, по свойству каждаго. Сверхъ того, къ просвѣщенію ихъ знанія православной нашей вѣры даются грамотнымъ для чтенія книги духовныя изъ монастырской библіотеки. Помощника же изъ братіи для увѣщанія арестантовъ я не имѣю: малоученые неспособны, а ученые сами заражаются (что и было, къ несчастію, на опытѣ) отъ хитрыхъ, злоковарныхъ и способныхъ завлекать своею притворно-лицемѣрною невинностію и смиреніемъ въ свои лжемудрованія, и это неизлѣчимая язва, если членъ братства впадетъ въ прелесть, согласится повѣрить еретику.

На случай заболѣвающихъ, врачеванія имъ здѣсь не бываетъ по неимѣнію ни медиковъ, ни лѣкарствъ; впрочемъ, нынѣ заключенные находятся въ положеніи здоровомъ отъ спокойнаго житія и хорошей пищи, которая дается братская. Но если впадалъ кто въ сумасшествіе, такіе отправлялись съ разрѣшенія высшаго начальства въ назначенныя гражданскія больницы для излѣченія, но при мнѣ больныхъ не было.

Съ глубочайшимъ чувствомъ безпредѣльной преданности и совершеннаго высокопочитанія, имѣю честь быть и проч. Архимандритъ Александръ.

Іюля 28-го дня 1855 г. № 239.

1) Семенъ Шубинъ, Вятской губерніи государственный крестьянинъ, отъ роду 88 лѣтъ, содержится съ 1812 г. мая 31-го.

Содержится по высочайшей конфирмаціи, послѣдовавшей на рѣшеніе правительствующаго сената за старообрядчество и произнесеніе на св. церковь и св. дары богохульныхъ словъ. Срокъ заключенія не назначенъ.

Отъ старости лѣтъ не выходитъ никуда изъ келіи, большею частію лежитъ въ постелѣ; въ баню возятъ на лошади.

Пища дается братская.

Малограмотенъ и книгъ не читаетъ, кромѣ собственной псалтыри; въ церковь никогда не ходитъ по ненависти къ ней.

Одержимъ давнею грыжею, безъ врачеванія ея, по неимѣнію здѣсь ни медиковъ, ни лѣкарства.

Понятія отъ невѣжества тупого, разсудкомъ здоровъ.

Увѣщанія при всякомъ случаѣ дѣлаются, но онъ, состарившись въ ереси, не принимаетъ ихъ и безпадеженъ къ раскаянію; нрава ропотливаго и сварливаго.

По укорененію въ ересп и за старостію долженъ оставаться въ теперешнемъ его положеніи.

2) Крестьянинъ гр. Головкина Антонъ Дмитріевъ, отъ роду 81 годъ, съ 1818 г. іюня 5-го.

По высоч. повелѣнію за оскопленіе себя и распространеніе этой секты. Заключенъ навсегда.

Выпускается изъ келій для прогулки въ коридорѣ, а лѣтомъ на дворѣ арестантскомъ.

Пища дается братская.

Неграмотенъ и книги слушаетъ только при чтеніи другими, въ церковь Божію не ходитъ.

Здоровъ.

Понятій скрытныхъ, разсудкомъ здоровъ.

Увѣщанія дѣлаются, но имъ не принимаются, и безпадеженъ къ раскаянію; ведетъ себя смирно.

По его ереси, опасной другимъ, долженъ оставаться въ заключеніи.

3) С.-петербургскій мѣщанинъ Семенъ Кононовъ, отъ роду 64 лѣтъ, съ 1822 г. мая 23-го.

По высочайшему повелѣнію за обращеніе въ скопческой сектѣ и за косиѣніе въ пагубныхъ заблужденіяхъ. Срокъ заключенія не назначенъ.

Выпускается изъ келіи для прогулки въ корридорѣ, а лѣтомъ на дворъ арестантскій.

Пища дается братская.

Книги читаетъ духовныя, а особенно Новый Завѣтъ, опираясь своимъ понятіемъ на 19 главу евангелиста Матоея. Въ церковь не ходитъ.

Здоровъ.

Понятій коварныхъ, скрытныхъ; разсудкомъ здоровъ.

Увѣщанія дѣлаютея, но онъ отнюдь не принимаетъ ихъ и давно уже объявилъ рѣшительно, что не перемѣнитъ себя. Нравственности иногда дерзкой, льстивъ, хитръ, лицемѣренъ и безпадеженъ къ раскаянію.

Долженъ остаться въ заключеніи, яко опаснѣйшій изъ скопцовъ, и весьма вреднымъ можетъ быть обществу своимъ ученіемъ.

4) Саратовской губерніи, Актор. округа, помѣщ. Гурьевой крестьянинъ Егоръ Аоанасьевъ, отъ роду 81 года, съ 1826 г. іюля 1-го.

По высочайшему повелѣнію за неисполненіе имъ духовной эпитиміи за убіеніе малолѣтняго своего сына и отступленіе отъ православія въ расколъ, который покусился было и здѣсь распространять арестантамъ. Заключенъ навсегда.

Выпускается изъ келіи для прогулки въ корридорѣ, а лѣтомъ на дворъ арестантскій.

Пища дается братская.

Книги читаетъ духовныя, но въ церковь не ходитъ; по его толку церковь не существуетъ и таинства нѣтъ, потому не признаетъ ея.

Здоровъ.

Понятія отъ невѣжества тупого, разсудкомъ здоровъ.

Увѣщанія дѣлаются, но онъ, не повинуясь матери нашей церкви, твердо стоитъ на своей ереси или толкѣ, называемомъ нѣтовщиною. Ведетъ себя скромно.

Долженъ остаться въ заключеніи.

5) Крестьянинъ Калужской губерніи помѣщика Дурново Степанъ Сергѣевъ, отъ роду 57 лѣтъ, съ 1830 г.

По высочайшему повелѣнію за крещеніе себя старообрядчески двуперстнымъ сложеніемъ, разсказы нелѣпостей, происходящихъ отъ религіознаго изступленія. Срокъ заключенія не назначенъ.

Выпускается изъ келіи для прогулки въ коридорѣ, а лѣтомъ на дворъ арестантскій.

Пища дается братская.

Книги читаетъ духовныя, въ церковь въ праздники и воскресные дни ходитъ неупустительно.

Здоровъ.

Понятія тупого, разсудкомъ здоровъ.

Увѣщанія дѣлаются, но онъ отъ привычки своей разсказывать другимъ лживыя свои пророчества не отстаетъ, да и креститься двуперстнымъ сложеніемъ не оставляетъ: ведетъ себя смирно.

По несовершенному раскаянію въ заблужденіи своемъ и страсти къ лживымъ своимъ пророчествамъ не можетъ быть освобожденъ.

6) Бывшій игуменъ Селенгинскаго монастыря, лишенный игуменства, священства и монашества Израиль, отъ роду 61 годъ, съ 1834 г. мая 29-го.

По высочайшему повелѣнію за введеніе имъ новой секты съ ученіемъ противнымъ святой нашей церкви и прочія богопротивныя его дѣйствія. Заключенъ навсегда.

Выпускается изъ келіи для прогулки въ просторномъ и свѣтломъ коридорѣ, а лѣтомъ во дворѣ арестантскомъ.

Пища дается братская.

Книги читаетъ духовныя, ходитъ въ церковь ко всякимъ службамъ.

Здоровъ.

Умъ имѣетъ съ хорошими понятіями, но отъ высокоумія о себѣ и лжемудрованія преданъ духовной прелести, вѣруетъ, что благодать Божія въ немъ дѣйствовала и она же спасетъ его.

Увѣщанія дѣлаются, но не дѣйствуютъ на него къ чистосердечному сознанію преступленія его, пристрастенъ къ вѣрованію своимъ движеніямъ внутренняго духа, по которымъ онъ, яко отъ благодати, по его мнѣнію, происходящимъ,

слѣдовалъ во всѣхъ своихъ преступныхъ дѣйствіяхъ и не сознаетъ себя виновнымъ, а правымъ. Ведетъ себя смирно.

По его скромной жизни и усердію къ храму Божію и молитвѣ, и что онъ никому не передаетъ своихъ заблужденій, всегда болѣе молчитъ, чѣмъ разговариваетъ, можно его перемѣстить въ монастырь московской или казанской епархіи, подъ присмотръ однихъ послушниковъ, гдѣ онъ изъ уваженія къ архипастырямъ тѣхъ губерній можетъ раскаяться совершенно подъ надзоромъ умнаго увѣщевателя.

7) Крестьянинъ Ярославской губерніи Феоситъ Никитинъ, 37 лѣтъ, съ 1848 г. мая 30-го.

По высочайшему повелѣнію за непреоборимое упорство въ своихъ вредныхъ мнѣніяхъ: о благословенномъ крестѣ, духовной пѣсни аллилуіа и другихъ религіозныхъ предметахъ и дерзкія политическія разсужденія. Срокъ заключенія не назначенъ.

Не выпускается изъ келіи по причинѣ ревности его разсѣвать другимъ заблужденія свои, въ коихъ самъ упорно пребываетъ, развѣ за пищею, дровами и въ баню.

Пища дается братская.

Книги читаетъ духовныя, а въ церковь не ходитъ.

Здоровъ.

Понятія хорошаго и разсудкомъ здоровъ, но прельщенъ своимъ лжемудрованіемъ.

Увѣщанія дѣлаются объ оставленіи имъ принятыхъ несправедливыхъ мнѣній, но онъ, не внимая сему, остается непреклоненъ, ревностно защищаетъ ихъ и объявилъ рѣшительно, что не перемѣнитъ своей вѣры. Ведетъ себя смирно.

Не можетъ быть освобожденъ.

8) Губернскій секретарь Іосифъ Дыбовскій отъ роду 49 лѣтъ, съ 1848 г. сентября 25-го.

По высочайшему повелѣнію изъ кемской городской тюрьмы за дерзость и богохульство. Срокъ заключенія не назначенъ.

Выпускается изъ келіи для прогулки въ просторномъ и свѣтломъ коридорѣ, а лѣтомъ во дворѣ арестантскомъ.

Пища дается братская.

Книгъ не читаетъ, а только одинъ газеты.

Здоровъ.

Понятія хорошаго, но прельщенъ своимъ лжемудрованіемъ, кажется, отъ болѣзненнаго состоянія, которому въ Соловецкой обители не пособить.

Увѣщанія дѣлаются съ напоминаніемъ его латинской религіи, но не дѣйствуютъ на него; называетъ себя вѣры еврейско-христіанской, иконы въ свою комнату не принимаетъ, на вѣрность подданства присяги не захотѣлъ выполнить. Характера раздражительнаго, вспыльчиваго и ожидаетъ какихъ-то событій по своимъ таинственнымъ замѣчаніямъ отъ болѣзненнаго состоянія.

Если бы правительство учинило распоряженіе о переводѣ его въ монастырь католическій или въ городъ, гдѣ есть католическій священникъ, то его скорѣе можно бы привести въ нравственное и физическое состояніе и полный разсудокъ, а въ настоящемъ его теперь заключеніи не можно врачевать его духовно; онъ заслуживаетъ снисхожденія на перемѣщеніе и облегченіе его участи.

9) Крестьянинъ Калужской губерніи помѣщика Быстрова Иванъ Сорокинъ, называющій себя по расколу монахомъ Иракліономъ, 68 лѣтъ, съ 1849 г. мая 21-го.

По высочайшему повелѣнію за раскольничество. Срокъ заключенія не назначенъ.

Выпускается изъ келіи для прогулки въ просторномъ, свѣтломъ коридорѣ, а лѣтомъ во дворѣ арестантскомъ.

Пища дается братская.

Книги читаетъ духовныя, а въ церковь не ходитъ.

Здоровъ.

Понятія хорошаго и разсудкомъ здоровъ.

Увѣщеванія дѣлаются, но онъ столь ревностно держится раскола, что рѣшительно отозвался не оставлять его, и чтобъ не трудиться увѣщевать его, потому что какъ предки его въ такой вѣрѣ были, такъ и онъ пребудетъ въ ней. Ведетъ себя смирно.

Не можетъ быть освобожденъ.

10) Государственный крестьянинъ Смоленской губ., Сычевскаго уѣзда, деревни Абрамовой Емельянъ Климовъ (по лже-иночески Елисей), 57 лѣтъ, съ 1850 г. іюня 2-го.

По высочайшему повелѣнію за бродяжничество и противозаконные по расколу поступки. Срокъ заключенія не назначенъ.

Выпускается изъ келіи для прогулки въ просторномъ, свѣтломъ коридорѣ, а лѣтомъ во дворѣ арестантскомъ.

Пища дается братская.

Неграмотенъ, въ церковь ходитъ.

Здоровъ.

Понятія тупого, разсудкомъ здоровъ.

Увѣщеваніямъ не внимаетъ и остается непреклоннымъ въ своемъ расколѣ; объявляетъ, что какъ предки его въ томъ были, такъ и онъ будетъ. Ведетъ себя смирно.

Не можетъ быть освобожденъ.

11) Иванъ Голицынъ изъ солдатскихъ дѣтей, бывшій полковой писарь, находившійся въ арестантской ротѣ въ Свеаборгской крѣпости и въ бытность свою наказанный двукратно за разныя преступленія шпицрутенами, а въ 1850 г. выключенъ изъ военнаго вѣдомства въ гражданское за достиженіемъ тогда отъ роду 50 лѣтъ, а нынѣ ему 55 лѣтъ, съ 1850 г. августа 20-го.

По высочайшему повелѣнію за пребываніе въ ереси и отрицаніе таинствъ исповѣди и святаго причащенія. Срокъ заключенія не назначенъ.

Выпускается изъ келіи для прогулки въ просторномъ, свѣтломъ коридорѣ, а лѣтомъ во дворѣ арестантскомъ.

Пища дается братская.

Книгъ не читаетъ, только псалтырь держитъ въ келіи, отзывается, что все знаетъ, въ церковь никогда не ходитъ, таинствъ не принимаетъ и не вѣритъ ничему.

Здоровъ.

Понятія хорошаго, но прельщенъ своимъ лжемудрованіемъ.

Увѣщеванія ему дѣлаются, но не имѣютъ на него дѣйствія, присяги на вѣрность подданства не захотѣлъ выполнить, хотя ведетъ себя смирно, но характера очень надменнаго. Имѣетъ сильное влеченіе и способность съ охотою разсказывать, что онъ происходитъ изъ великихъ русскихъ боляръ, за что и обреченъ на заклапіе. Образъ мыслей вредный.

Не можетъ быть освобожденъ никогда, хотя бы и раскаялся. Имѣетъ даръ необыкновенно краснорѣчиво вовлекать въ свои заблужденія бесѣдующихъ съ нимъ, желаетъ раскаяться, но чтобы вытребованъ былъ къ самому царю, а иначе не желаетъ.

12) Никаноръ Петровъ, раскольническій лжепопъ. Объявилъ нынѣ о себѣ (скрываемое до того свѣдѣніе), что онъ изъ духовнаго званія, былъ священникомъ церкви св. мученика Александра, Пензенской губерніи, Нижеломовской округи, въ с. Блиновкѣ, и въ 1831 г. изъ оной церкви

удалился въ ирдинскіе раскольническіе монастыри, 79 лѣтъ, съ 1852 г. іюня 9-го.

По высочайшему повелѣнію за раскольничество и побѣгъ въ 1849 г. изъ Новгородъ-сѣверскаго Преображенскаго монастыря. Заключенъ навсегда.

Выпускается изъ келіи для прогулки въ просторномъ, свѣтломъ коридорѣ, а лѣтомъ и во дворѣ арестантскомъ.

Пища дается братская.

Книги читаетъ духовныя, въ церковь ходитъ ко всякимъ службамъ.

Отъ старости очень слабъ здоровьемъ.

Понятія хорошаго и разсудкомъ здоровъ.

По дѣлаемымъ отъ меня увѣщаніямъ раскаивается въ преступленіи своемъ чистосердечно; въ исповѣди бываетъ и желаетъ искренно причаститься св. таинъ Христовыхъ, что ему не дозволяется. Ведетъ себя очень смирно.

Заслуживаетъ быть допущеннымъ причаститься св. Христовыхъ таинъ, и притомъ оказанія ему въ теперешнемъ его положеніи возможнаго снисхожденія. Освободить его и помѣстить на жительство съ послушниками или же отдать на поруки его родному сыну, столопачальнику пермской духовной консисторіи Ивану Никаноровy Протектову.

13) Московскій мѣщанинъ Михайло Поликарповъ, по расколу именующій себя иноком Маркіаномъ, 54 лѣтъ, съ 1852 г. іюня 18-го.

По высочайшему повелѣнію за противозаконныя и крайне вредныя по расколу дѣйствія. Заключенъ навсегда.

Выпускается изъ келіи для прогулки въ просторномъ, свѣтломъ коридорѣ, а лѣтомъ и во дворѣ арестантскомъ.

Пища дается братская.

Книги читаетъ духовныя, въ церковь не ходитъ.

Здоровъ.

Понятія хорошаго и разсудкомъ здоровъ.

Увѣщанія ему дѣлаются, но по закоснѣлости въ расколѣ не пришелъ къ раскаянію. Ведетъ себя смирно.

Не можетъ быть освобожденъ.

14) Неслужащій дворянинъ, Казанской губерніи, Андрей Мандрыка, 40 лѣтъ, съ 1853 г. мая 24-го.

По высочайшему повелѣнію за оскорбленіе святыни въ церкви Казанскаго уѣзда, въ с. Чепчугахъ, въ коемъ жительство имѣлъ. Заключенъ навсегда.

Выпускается изъ келіи для прогулки въ просторномъ, свѣтломъ коридорѣ, а лѣтомъ и во дворѣ арестантскомъ.

Пища дается братская.

Книги читаетъ духовныя, въ церковь по праздникамъ и въ воскресные дни ходитъ.

Совершенно здоровъ.

Отъ природы не въ полномъ разсудкѣ.

По дѣлаемымъ отъ меня увѣщаніямъ раскаивается въ своемъ преступленіи. А въ прошломъ 1854 г., за бытіе его въ числѣ охотниковъ при отраженіи нападенія на Соловецкій монастырь двухъ англійскихъ военныхъ судовъ, освобожденъ былъ за это изъ острога для жительства на свободѣ съ послушниками монастырскими, по воспослѣдовавшему на сіе высочайшему соизволенію, но, живя на этой свободѣ, перемѣнилъ себя своевольствомъ своимъ такъ, что нельзя было долѣе оставлять его на свободѣ, а затѣмъ помѣщенъ опять въ острогъ, во избѣжаніе непріятныхъ приключеній, могущихъ случиться по его природному слабоумію; гдѣ опять сдѣлался, какъ и прежде былъ тутъ, тихимъ и кроткимъ. О чемъ донесено мною св. синоду.

Долженъ оставаться въ заключеніи, но облегчить его участь можно, дозволить часто ходить въ церковь за карауломъ, быть въ исповѣди и св. тайнъ Христовыхъ причастья одинъ или два раза въ годъ; болѣе невозможно ему оказывать снисхожденія.

15) Ипполитъ, лжеинокъ, эмиссаръ заграничныхъ раскольниковъ, объявившій нынѣ о себѣ, что онъ Херсонской губерніи, города Анапыпа мѣщанинъ Иванъ Егоровъ, 37 лѣтъ, съ 1853 г. мая 24-го.

По высочайшему повелѣнію за раскольничество и совѣщаніе съ сектаторами. Заключенъ навсегда.

Выпускается изъ келіи для прогулки въ просторномъ, свѣтломъ корридорѣ, а лѣтомъ и на дворѣ арестантскомъ.

Пища дается братская.

Книги читаетъ духовныя, въ церковь не ходитъ.

Здоровъ.

Понятія хорошаго и разсудкомъ здоровъ.

Должныя увѣщанія ему дѣлаются, но не имѣютъ дѣйствія, потому что онъ упорствуетъ въ своихъ закоренѣлыхъ заблужденіяхъ. Ведетъ себя хорошо. Долженъ оставаться **въ строгомъ заключеніи.**

16) Раскольническій лжепопъ Серафимъ, называвшій себя мѣщаниномъ Севастѣяномъ Матвѣевымъ, 53 лѣтъ, съ 1853 г. іюня 25-го.

По высочайшему повелѣнію за составленіе и распространеніе зловредныхъ рукописей. Заключенъ навсегда.

Выпускается изъ келіи для прогулки въ просторномъ, свѣтломъ коридорѣ, а лѣтомъ и на дворѣ арестантскомъ.

Пища дается братская.

Книги читаетъ старыя, въ церковь не ходитъ.

Здоровъ.

Понятія всегда хорошаго, разсудкомъ здоровъ.

Увѣщанія дѣлаются, но онъ, по сильному расположенію къ расколу, не пріемлетъ и дѣйствительно признаетъ себя инокомъ; присяги на вѣрность подданства не захотѣлъ выполнить. Ведетъ себя не худо.

Долженъ оставаться въ строгомъ заключеніи.

17) Рядовой грузинскаго линейнаго № 8 баталіона Петръ Воронинъ 43 лѣтъ, съ 1853 г. сентября 19-го.

По конфирмаціи г. главнокомандующаго кавказскимъ корпусомъ за совращеніе себя, жену и дочь въ расколъ.

Выпускается изъ келіи для прогулки въ просторномъ, свѣтломъ коридорѣ, а лѣтомъ и на дворѣ арестантскомъ.

Пища дается братская.

Въ церковь никогда не ходитъ, книгъ не читаетъ, потому что еврейскаго закона.

Здоровъ.

Разсудкомъ здоровъ, по понятіи ложныхъ, не отъ болѣзни, а отъ вѣрованія вреднаго.

Увѣщаній не принимаетъ, объявилъ себя, что онъ еврейской вѣры былъ и будетъ, присяги на вѣрность подданства не захотѣлъ выполнить, хотя ведетъ себя смирно, но скрытный и лукавый. Его родителя за еврейскую вѣру сослали на поселеніе, а потому и его содержать надобно строго.

По безнадежности къ раскаянію долженъ быть заключенъ навсегда.

18) Ставропольскаго провіантскаго комиссіонерства вахтеръ Иванъ Бураковъ, 57 лѣтъ, съ 1853 г. октября 13-го.

По конфирмаціи г. главнокомандующаго кавказскимъ корпусомъ за отступленіе отъ православія въ расколъ, какого еще не бывало: ничему не вѣритъ.

Выпускается изъ келій для прогулки въ просторномъ, свѣтломъ коридорѣ, а лѣтомъ и на дворѣ арестантскомъ.

Пища дается братская.

Въ церковь никогда не ходитъ, книгъ никакихъ не читаетъ, хотя и грамотенъ. Книга, написанная имъ, отправлена въ синодъ въ 1854 г. при донесеніи отъ 27 апрѣля за № 87.

Здоровъ.

Разсудкомъ здоровъ, но отъ разстроеннаго воображенія о своей ереси понятій самыхъ неосновательныхъ.

Величайшій богоотступникъ, увѣщаній не принимаетъ, святыню, догматы и самого Іисуса Христа хулитъ, вѣритъ какимъ-то явленіямъ и попынѣ ожидаетъ измѣненія въ церкви и во всемъ мірѣ. Присяги на вѣрность подданства не захотѣлъ выполнить. Характера дерзкаго.

Долженъ оставаться въ строгомъ заключеніи.

19) Московской губерніи, заштатнаго города Воскресенска, мѣщанинъ Василій Занегинъ, 60 лѣтъ, съ 1854 г. мая 15-го.

По высочайшему повелѣнію за распространеніе сектаторскихъ толковъ и дерзость противъ духовныхъ властей. Срокъ заключенія не назначенъ.

Не выпускается изъ келіи по опасности отъ него совращать другихъ въ расколъ.

Пища дается братская.

Въ церковь не ходитъ, книги читаетъ псалтырь и Новый Завѣтъ.

Здоровъ.

Разсудкомъ здоровъ, но въ понятіяхъ замѣтно какое-то ожесточеніе на правительство и на всякую власть.

Образъ мыслей самый вредный и опасный. Присяги на вѣрность подданства не захотѣлъ выполнить. Увѣщаній никакихъ не принимаетъ, и опасно съ нимъ долго входить въ бесѣды о ложномъ его мудрованіи, потому что онъ по строптивому характеру готовъ броситься на увѣщателя; имѣетъ наклонность совращать другихъ въ расколъ, а потому посаженъ въ такое мѣсто, гдѣ съ одной стороны — еврейской секты, а съ другой — скопецъ, всѣ трое непримиримые враги и смотрѣть другъ на друга не могутъ.

Долженъ оставаться въ строгомъ заключеніи до дальнѣйшаго усмотрѣнія его жизни.

28-го іюля 1855 г. Архимандритъ **Александръ.**

И. П. Ювачевъ.
(И. П. Миролюбовъ).

Шлиссельбургская крѣпость.

Изданіе „ПОСРЕДНИКА".

Съ портретами шлиссельбургскихъ узниковъ, видами крѣпости снаружи и внутри и планомъ крѣпости, снятымъ авторомъ.

Ц. 80 коп.

Содержаніе: Нѣсколько словъ отъ издателя. I. Политическій процессъ въ октябрѣ 1884 г. Приговоръ. Въ Трубецкомъ бастіонѣ Петропавловской крѣпости. 2. Заковка въ кандалы. 3. Перевозка заключеннаго въ Шлиссельбургскую крѣпость. Первыя впечатлѣнія въ крѣпости. 4. Камера № 23. Тюремный смотритель. 5. Сношеніе съ сосѣдями по заключенію. 6. Тюремщики и заключенные. Ночные ужасы. 7. Обходъ смотрителя и доктора. Прогулка въ крѣпости-клѣткѣ. Тюремная пища. Физическія тюремныя страданія. 9. Борьба съ тяжестью тюремнаго заключенія. 10. Товарищъ по прогулкѣ—Н. А. Морозовъ, редакторъ «Народной воли». 11. Шлиссельбургскія драмы. Казнь Мышкина. 12. Самоубійство Грачевскаго. 13. Посѣщенія начальствующихъ лицъ. 14. Федоръ Юрковскій—«Сашка инженеръ». 15. Исторія побѣга съ Кары. 16. Похищеніе денегъ изъ херсонскаго казначейства. 17. Смерть Юрковскаго. 18. Пасхальная ночь въ тюрьмѣ. 19. Божій міръ черезъ тюремное окно. 20. Бабочка въ шлиссельбургской камерѣ. Освобожденіе автора. 21. Освобожденіе девяти шлиссельбургскихъ узниковъ-старожиловъ въ 1905 г. 22. М. Ю. Ашенбреннеръ. 23. Посѣщеніе авторомъ своей бывшей тюрьмы въ мартѣ 1906 г. Описаніе шлиссельбургской крѣпости. 24. Тюремные коридоры и камеры заключенныхъ. Краткая исторія камеръ. 25. Тюремный огородъ и цвѣтники. Цитадель. Казни политическихъ заключенныхъ. 26. «Каменный мѣшокъ». Заключеніе императора Іоанна Антоновича. 27. Галлерея шлиссельбургскихъ узниковъ (узники 18 и 19 вѣка). Шлиссельбургское мученіе. 28. Описаніе плана Шлиссельбургской крѣпости. 29. Печальница о страждущихъ—княжна Марія Михайловна Дондукова-Корсакова. 30. Дондукова-Корсакова у заключенныхъ въ Шлиссельбургѣ. 31. Хлопоты княжны въ дни освобожденія. Заключеніе.

Изданіе „ПОСРЕДНИКА“.

А. С. Пругавинъ.

Монастырскія тюрьмы въ борьбѣ съ сектантствомъ.

(Къ вопросу о вѣротерпимости.)

ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ НОВЫМИ ГЛАВАМИ, ИЗДАНІЕ.—ДВѢНАДЦАТАЯ ТЫСЯЧА.

ЦѢНА 80 коп.

Содержаніе. От автора.—Монастырскія тюрьмы и монастырскіе узники.—Конецъ Соловецкой тюрьмы.—Предполагавшееся заточеніе Л. Н. Толстого въ Суздальскій монастырь.—Монастырскія заточенія послѣдняго времени.—Одинъ изъ суздальскихъ узниковъ—священникъ Г. И. Цвѣтковъ: I. Исправленіе «строптивыхъ» и «непокорныхъ». II. «Возмущеніе противъ власти» III. Монастырь-тюрьма.—Приложеніе: Донесенія и черновики рапортовъ архимандритовъ Суздальскаго монастыря владимірскому губернатору о заключенныхъ въ монастырскія казематы.

Отзывы печати о первомъ изданіи.

Міръ Божій. «Эта небольшая книга наводитъ на очень большія размышленія. Она знакомитъ съ существованіемъ въ Россіи такого огромнаго зла, съ которымъ можетъ сравниться развѣ только средневѣковая испанская инквизиція или наша эпоха «слова и дѣла». Но инквизиція и канцелярія тайнаго приказа уже давно отошли въ область ужасныхъ преданій, а монастырскія тюрьмы со всѣми ихъ ужасами представляютъ самое современное зло, онѣ сохранились до нашихъ дней, и въ XX столѣтіи сохранили всѣ специфическія черты человѣконенавистничества и жестокости. А. С. Пругавинъ въ рядѣ живыхъ очерковъ, проникнутыхъ чувствомъ истинной гуманности, рисуетъ цѣлую галлерею типовъ людей, большинство которыхъ, вмѣсто пожизненнаго и многолѣтняго заключенія въ тюрьмѣ, по своимъ нравственнымъ качествамъ или по силѣ своего духа достойны были бы удивленія и поклоненія. Большая часть ввергнутыхъ въ монастырскія тюрьмы въ «доброе старое время» принадлежала къ числу «религіозныхъ отщепенцевъ», людей, которые предпочитали смерть или вѣчную тюрьму какой-нибудь, хотя ничтожной, уступкѣ въ области своихъ вѣрованій».

Русское Богатство. «Мы не беремся передавать здѣсь содержаніе высокоинтересной книги г. Пругавина, мы думаемъ, что и безъ всякой рекомендаціи она найдетъ себѣ самое широкое распространеніе среди читающей публики. Ужасами инквизиціи вѣетъ со страницъ ея!.. Костры и висѣлицы убивали тѣло, а теперешніе монастырскіе казематы убиваютъ душу, ибо добрая половина сидящихъ десятки лѣтъ въ одиночномъ заключеніи сходитъ съ ума... Остается пожелать, чтобы книга г. Пругавина возможно шире ознакомила наше общество съ печальной аномаліей, уцѣлѣвшей въ нашей жизни отъ далекихъ вѣковъ религіозной нетерпимости и помогла бы скорѣйшему ея уничтоженію».

Вопросы Жизни: «Кто не содрогнется, читая правдивый документальный разсказъ о противоестественномъ превращеніи монастырей въ духовныя тюрьмы, о той безпросвѣтной мукѣ, въ какую превращается въ этихъ тюрьмахъ жизнь, и не на мѣсяцы, не на годы, а на десятки лѣтъ, на цѣлую и иногда долгую жизнь?.. Г-ну Пругавину принадлежитъ заслуга развернуть въ этой работѣ новую страницу изъ книги ужасовъ и неправдъ русской жизни... Эта работа должна быть прочитана, по нашему мнѣнію, всякимъ сознательнымъ и мыслящимъ русскимъ гражданиномъ»...

Изданія „ПОСРЕДНИКА“ продаются въ книжномъ магазинѣ „ПОСРЕДНИКЪ“ (Москва, Петровскія линіи) и во всѣхъ другихъ книжныхъ магазинахъ. — Выписывать можно также изъ главнаго склада изданій „ПОСРЕДНИКА“ (Москва, Дѣвичье поле, Трубецкой пер., 10, И. И. Горбунову.

Цѣна 70 коп.

2007080018